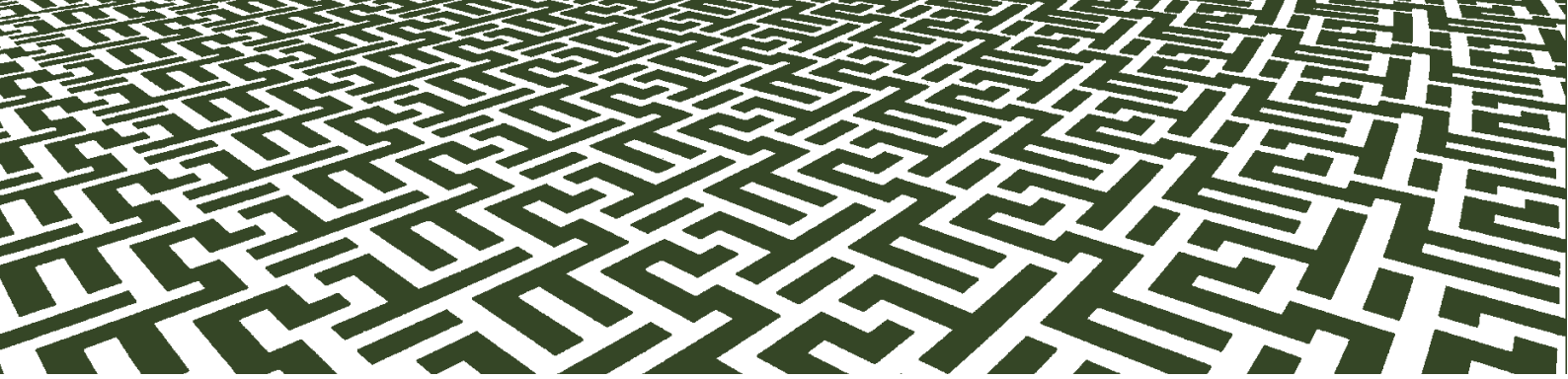


РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№3
2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 3/2025

дата публикации: 15.08.2025 г.

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

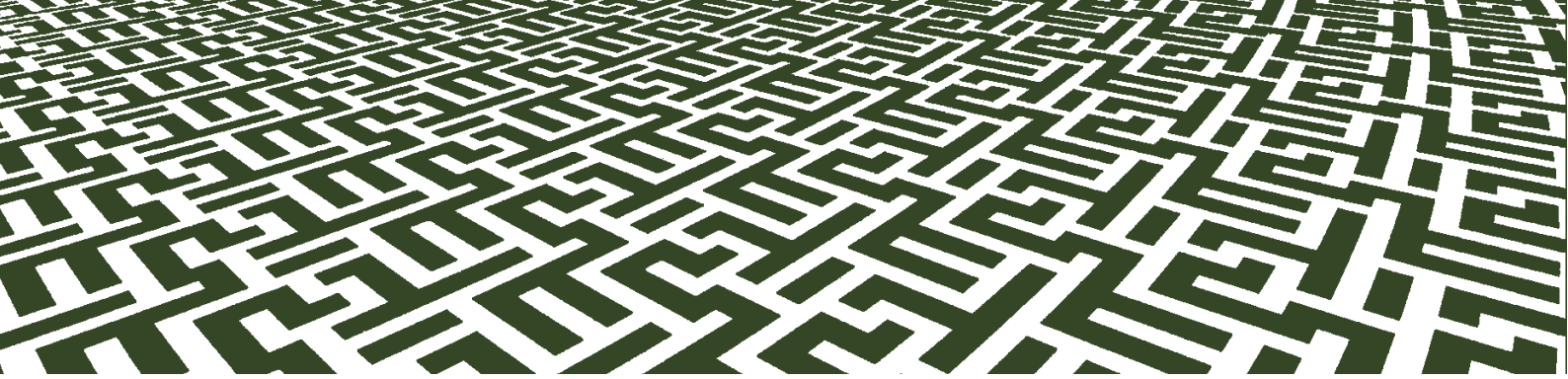
Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов
О.И. Ананьин
М.Р. Байсингер (США)
А.Е. Варшавский
М.И. Воейков
зам. гл. редактора
Г.Д. Гловели
Р.С. Гринберг
В.Е. Дементьев
А.П. Заостровцев
зам. гл. редактора
Л.В. Зеленоборская
Р.И. Капелюшников
С.Г. Кирдина-Чэндлер
А.М. Либман (ФРГ)
В.И. Маевский
Н.А. Макашева
В.С. Мартьянов
В.Ю. Музычук
А.Н. Олейник (Канада)
Н.М. Плискевич
зам. гл. редактора
Л.И. Полищук
В.М. Полтерович
Т.Ф. Ремингтон (США)
А.Я. Рубинштейн
М.Е. Симон
Н.Е. Тихонова
М.Ю. Урнов
Б.А. Хейфец
Т.В. Чубарова
зам. гл. редактора

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru
© Вопросы теоретической экономики, 2025



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Economic Theory
- Methodology of economic science
- From Theory to Economic Policy
- Interdisciplinary Studies
- Economic History
- Surveys & reviews

№3
2025

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 3/2025

Publication Date: 15.08.2025

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov
O.I. Anan'in
M.R. Beissinger (USA)
A.E. Varshavskiy
M.I. Voyeikov
Deputy Chief Editor
G.D. Gloveli
R.S. Grinberg
V.E. Dementiev
A.P. Zaostrovtsev
Deputy Chief Editor
L.V. Zelenoborskaya
R.I. Kapelyushnikov
S.G. Kirdina-Chandler
A.M. Libman (FRG)
V.I. Mayevskiy
N.A. Makasheva
V.S. Martyanov
V.U. Muzychuk
A.N. Oleinik (Canada)
N.M. Pliskevich
Deputy Chief Editor
L.I. Polishchuk
V.M. Polterovich
T.F. Remington (USA)
A.Y. Rubinshtein
M.E. Simon
N.E. Tikhonova
M.Y. Urnov
B.A. Kheyfets
T.V. Chubarova
Deputy Chief Editor

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова
Международная накопительная интеграция и оценка её экономических эффектов 7

Я.В. Трофимова
Институт дотаций в России 25

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.М. Либман
Текст-как-данные: экономическая перспектива 38

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

О.А. Кислицына
Почему россияне избегают медицинской помощи? (Социально-демографические детерминанты и причины избегающего поведения) 49

Т.Л. Клячко
Научные исследования в российских вузах: проблемы и региональные особенности 65

М.А. Юревич, А.А. Федюнина
Экологическая политика принимающих экономик и мультинациональные корпорации: эмпирический анализ 90

А.Л. Зюбина
Не всё то золото, что в БС 105

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 2) 119

Г.И. Мусихин
Коммуникация в контексте политической символизации: от дискурсов к речевым ситуациям 134

Д. М. Логинов, Т.М. Малева
Инфляция, экономия и онлайн-покупки: потребительское поведение россиян в первой половине 2020-х годов 144

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.В. Ковалёв
Хозяйственная деятельность ордена тамплиеров 159

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.А. Мальцев, С.В. Чичилимов
В продолжение дискуссии о первопричинах устойчивого экономического роста (О книге Й. Стейнссона) 168

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

B. Kheyfets, V. Chernova
International Cumulative Integration and Assessment of Its Economic Effects 7

Ya. Trofimova
Institution of Subsidies in Russia 25

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

A. Libman
Text-as-Data: An Economics Perspective 38

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

O. Kislitsiha
Why Do Russians Avoid Medical Care? (Socio-Demographic Determinants and Reasons for Avoidance Behavior) 49

T. Klyachko
Scientific Research in Russian Universities: Problems and Regional Features 65

M. Yurevich, A. Fedyunina
Environmental Policies of Host Economies and Multinational Corporations: An Empirical Analysis 90

A. Zyubina
Not All That Glitters is on the Whitelist 105

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Medushevskiy
International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 2) 119

G. Musikhin
Communication in the Context of Political Symbolization: from Discourses to Speech Situations ... 134

D. Loginov, T. Maleva
Inflation, Cost Saving and Online Purchase: Consumption Behavior of Russians in the First Half of 2020th 144

ECONOMIC HISTORY

A. Kavaliou
Economic Activity of the Order of Temple 159

SURVEYS & REVIEWES

A. Maltsev, S. Chichilimov
To the Continuation of the Discussion on the Root Causes of Sustainable Economic Growth (About the Book by J. Steinsson) 168

Б.А. Хейфец
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)

В.Ю. Чернова
д.э.н., ведущий научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАКОПИТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ОЦЕНКА ЕЁ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ

Аннотация. Применение стратегии международной накопительной интеграции в современных геополитических условиях обусловлено её гибким характером, отсутствием жёстких требований к странам-партнёрам, которыми характеризуются классические интеграционные соглашения, формирующиеся на основе свободной торговли. Это позволяет наладить взаимовыгодное экономическое сотрудничество даже при наличии у них многовекторных национальных стратегий развития. Эффекты международной накопительной интеграции могут проявляться по различным направлениям и иметь отложенный накопительный эффект, который возникает по причине расширения поля интеграции, а отложенный по времени результат определяется продолжительностью строительства промышленных и инфраструктурных объектов и выхода на запланированные мощности, а также поэтапным включением в интеграционный процесс других отраслей и секторов экономики. Отличие накопительной интеграции от классических форм международной экономической интеграции предопределило необходимость применения иных методов оценки результатов интеграционного процесса на основе индивидуального подхода к отдельным участникам совместного проекта на каждом его этапе и применения индивидуальной для каждого проекта системы индикаторов результативности интеграционного процесса. Предложена модель оценки эффектов инфраструктурных проектов, являющихся важнейшими составляющими накопительной интеграции. Данная модель была апробирована на совместных проектах Китая и стран Центральной Азии. Корреляционно-регрессионный анализ подтвердил гипотезу о наличии экономического эффекта для Китая ещё на этапе их строительства, но для стран Центральной Азии этот эффект больше будет проявляться в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *накопительная интеграция, оценка эффектов интеграции, транспортная инфраструктура, энергетическая инфраструктура, экономический рост, Китай, страны Центральной Азии, интеграционные проекты.*
JEL: F02, F15
УДК: 339.94
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_7_24
© Б.А. Хейфец, В.Ю. Чернова, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Хейфец Б.А., Чернова В.Ю.* Международная накопительная интеграция и оценка её экономических эффектов // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 7–24. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_7_24.

FOR CITATION: *Kheyfets B.A., Chernova V.Yu.* International Cumulative Integration and Assessment of Its Economic Effects // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 7–24. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_7_24.

Введение

Как показывает практика последних лет, экономическое сближение стран и/или групп стран происходит на основе новых стратегий, отличных от стратегий классической интеграции. Одной из таких стратегий становится накопительная интеграция, отличительной особенностью которой является её компромиссный и гибкий характер, использование разнообразных форматов взаимодействия, наиболее точно учитывающих конкретные условия сотрудничества и специфику стран, а также отсутствие задачи максимальной либерализации взаимной торговли и инвестиций. Термин «накопительная интеграция» был введён в научный оборот в 2021 г. Б.А. Хейфецом в его монографии «Китайский путь глобализации и Россия» при рассмотрении китайской «Инициативы Пояса и Пути» (ИПП) [*Хейфец*, 2021. С. 40]. В дальнейшем была разработана оригинальная концепция накопительной интеграции, наиболее полно отражённая в научном докладе «Новая модель международной экономической интеграции», который был одобрен Учёным советом Института экономики РАН в марте 2023 г. [*Хейфец*, 2023. С. 48].

Суть концепции накопительной интеграции состоит в том, что она отказывается от обязательного для классической экономической интеграции условия — наличия свободной торговли, которая реализуется в форме зон свободной торговли (ЗСТ), таможенных союзов или общих рынков товаров и услуг. Термин «накопительная интеграция» позволяет расширить круг межгосударственных альянсов, которые также следует оценивать как интеграционные, так как в их рамках осуществляются различные виды экономического сотрудничества, хотя и не используются те или иные формы свободной торговли. Не надо забывать, что интеграция (*лат.* – integratio), подразумевает процесс соединения (объединения) отдельных частей в единое целое. Поэтому под данным термином можно понимать самые разнообразные формы взаимодействия, способствующие экономическому сближению (объединению) заинтересованных государств, но без использования правил свободной торговли. Модель накопительной интеграции позволяет консолидировать значительно бо̀льшие, чем конструкция классической интеграции, группы заинтересованных государств, сильно различающихся по уровню экономического развития и национальным интересам, что очень важно в условиях усилившейся геополитической фрагментации и новыми глобальными вызовами, в том числе масштабной тарифной войны Д. Трампа.

Модели накопительной интеграции институционально могут быть оформлены в виде соглашений об экономическом партнёрстве, стратегических договоров о взаимодействии, включающих вопросы экономического и научно-технического сотрудничества, соглашений по конкретным областям кооперации или по отдельным проектам, которые подразумевают принятие их подписантами международно-правовых обязательств. Все эти институты будут использовать различные механизмы реализации намеченных целей, но исключают применение правил свободной торговли. Если же в перспективе накопительная интеграция приведёт к созданию ЗСТ, она перерастёт в классическую интеграцию.

Существенные отклонения в толковании термина «международная экономическая интеграция» допускал и сам классик Б. Баласса, который не считал догмой свою интеграционную теорию и в работе 1976 г. «Типы экономической интеграции» выделил отдельный её тип — интеграцию в Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) [*Balassa*, 1976]. Хотя интеграция в СЭВ, которая официально называлась «социалистической экономической интеграцией» и просуществовала 20 лет (с 1971 г., когда была принята «Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран – членов СЭВ», и до 1991 г., когда СЭВ прекратил своё существование), она была основана на взаимодействии плановых экономик и никак не была связана с рыночной свободной торговлей. По теме социалистической экономической интеграции в СССР и других странах СЭВ были защищены

десятки докторских и кандидатских диссертаций, в которых показывались её принципиальные отличия от практики рыночной интеграции, прежде всего в ЕС.

Можно, конечно, дискутировать по поводу самого термина «накопительная интеграция», это законное право всех заинтересованных авторов. Например, наиболее близким синонимом является «проектная интеграция» [*Гордиенко,* 2018. С. 338; *Арапова*, 2019], но он ограничивает сферу проявления интеграционных тенденций. Также менее адекватен «накопительной интеграции» такой термин, как «поверхностная интеграция», являющийся антонимом «глубокой интеграции» [*Maggi, Ossa,* 2020].

Важнейшими предпосылками для формирования теоретической концепции накопительной интеграции стали современные геополитические и экономические вызовы, среди которых можно выделить рост соперничества между крупнейшими странами и вызванная этой конкурентной борьбой поляризация мировой экономики при высокой неопределённости хода её дальнейшего развития. При этом особую роль сыграли два ключевых фактора. Во-первых, это разочарование государств в практике свободной торговли, которая не обязательно, как было принято считать, несёт экономическую выгоду [*Butorina, Borko*, 2022]. О негативных эффектах соглашений о свободной торговле писали К. Хаякава и Дж. Байек [*Hayakawa, Baek*, 2022], В. Ли и соавторы [*Lee, Mulabdi, Ruta*, 2023], Х. Фам и соавторы [*Pham et al.,* 2024], Э. Феррари и соавторы [*Ferrari, Elleby C., De Jong B., M`barek,* 2024].

Особенно большие потери от либеральной свободной торговли могут нести менее развитые страны, которые за последние 20 лет активно включались в международную торговлю. Для таких государств участие в соглашениях о свободной торговле может вести к эрозии национальной промышленности и примитивизации её структуры, неравному распределению выгод от торговли, усилению зависимости от иностранных экономик, вытеснению рабочих мест, снижению таможенных и налоговых поступлений, ущемлению демократических прав и навязыванию политических требований. Хотя в прошлом многие исследователи ожидали, что для развивающихся стран экономическая интеграция должна рассматриваться как инструмент их экономического развития, а не как таможенная или торговая политика [*Balassa, Stoutjesdijk*, 1975; *Marinov*, 2015].

Во-вторых, теория стала отставать от реальной практики, что нашло отражение в существенном росте межгосударственных объединений, в рамках которых развивается активное экономическое сотрудничество, но не используются инструменты свободной торговли. Среди таких институций, кроме китайской ИПП, можно назвать Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), в которое входят 19 стран и 2 территории; созданные по инициативе США 14 государствами Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (2022 г.) и 12 государствами Северной и Южной Америки «Американское партнёрство ради экономического процветания» (2023 г.); объединение БРИКС плюс, в которое с 1 января 2024 г. входят 9 государств; Шанхайскую организацию сотрудничества; торговые и инвестиционные соглашения 5 стран Центральной Азии (Казахстана, Киргизию, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана) по модели С5+1 с США, ЕС, государствами Персидского залива; Торговое и экономическое партнёрство стран ЕАСТ иИндии и многие другие подобные союзы, исключающие любое ущемление национального суверенитета.

В отличие от строгих правил классической экономической интеграции накопительная интеграция предоставляет своим участникам привлекательные условия взаимодействия, не ограничивающие их национальный суверенитет и не препятствующие их национальным стратегиям развития, позволяя самостоятельно делать рациональный выбор форм сотрудничества. Она способствует более мягкому сближению экономик интегрирующихся стран и несёт для них определённые экономические эффекты. Вместе с тем в научной литературе эти вопросы остаются пока вне поля внимания исследователей, в то время как вопросы эффективности классической интеграции были достаточно хорошо изучены и нашли отражение во многих публикациях.

В данной связи была поставлена цель разработать методику оценки эффектов накопительной интеграции и частично апробировать её на конкретных примерах. Для её реализации решаются такие задачи, как рассмотрение некоторых реальных проектов накопительной интеграции; анализ имеющихся методик оценки классической экономической интеграции; разработка методики оценки эффектов накопительной интеграции; апробация возможности использования этой методики на примере накопительной интеграции Китая и стран Центральной Азии.

Практика накопительной интеграции

Масштабным примером успешной накопительной интеграции является китайская «Инициатива Пояс и Путь» (ИПП). Изначально ИПП была направлена на развитие логистики и транспортной инфраструктуры для соединения стран Азии с Африкой и Европой через сухопутные и морские логистические коридоры с целью развития региональной интеграции, роста торговли и стимулирования экономического роста. С момента его запуска в 2013 г. инвестиции в проекты ИПП превысили 1 трлн долл., при этом около 634 млрд долл. было потрачено на строительные контракты [*Nedopil,* 2024]. По состоянию на конец июня 2023 г. Китай подписал более 200 документов о совместной реализации проектов в рамках ИПП со 152 странами и 32 международными организациями, обеспечивая синергию ИПП со стратегиями национального развития сотрудничающих партнёров. На территории ИПП действует ряд международных ЗСТ — АСЕАН, РВЭП, СНГ, ЕАЭС, ЕС. У самого Китая подписано 16 соглашений о ЗСТ, в стадии переговоров находятся ещё около 10 таких соглашений. Но о создании ЗСТ, охватывающей всю ИПП, никогда не было речи.

В рамках накопительной интеграции страны не берут на себя завышенных обязательств и не прибегают к многочисленным ограничениям в торговле и инвестициях, как это происходит в ЗСТ или каких-то других формах классической интеграции. Одним из ключевых направлений деятельности в рамках накопительной интеграции является реализация масштабных инфраструктурных проектов, которые способствуют активизации торговли, инвестиционного и научно-технического сотрудничества.

Это особенно важно в современных геополитических условиях, когда усиление фрагментации мировой экономики и разрастание военных конфликтов обусловили стремление многих стран развивать внутреннее производство, производить диверсифицированный набор продукции внутри страны. Не случайно, что многие развивающиеся страны Азии и Африки ставят целью развитие индустриализации и диверсификации своих экономик, отдавая приоритет производственному сектору.

Обзор методов оценки экономической интеграции

Существуют разные методики оценки эффектов экономической интеграции. Методика Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) в рамках проекта «Интеграционный бизнес-барометр» основана на результатах опроса представителей крупного и среднего бизнеса стран ЕАЭС, ведущих внешнеэкономическую деятельность на территории стран союза и СНГ. ЦИИ ЕАБР мониторит уровень интеграции по степени информированности бизнеса о мерах поддержки компаний, наличие барьеров, условия сотрудничества и мнений по развитию интеграции, её приоритетные направления. Этот подход позволяет оценить восприятие и эффективность интеграционных процессов с точки зрения бизнеса в странах ЕАЭС и СНГ.

Данная методика охватывает различные аспекты интеграции, такие как торговля, инвестиции и экономическое сотрудничество. Преимуществами методики ЦИИ ЕАБР являются актуальность данных и учёт мнения непосредственных участников

внешнеэкономической деятельности. Однако данная методика не полностью учитывает долгосрочные и косвенные эффекты, характерные для накопительной интеграции, что делает её менее адаптивной к изменяющимся условиям и новым формам экономического взаимодействия. Кроме того, в опросах участвует очень ограниченное число компаний. Так, мониторинг интеграции в августе — сентябре 2021 г., основан на опросе представителей 337 компаний [*Чимирис и др.*, 2022].

Методика оценки региональной интеграции ЕАБР, основанная на системе индикаторов евразийской интеграции (СИЕИ) ЕАБР [*ЕАБР*, 2009. С. 160], фокусируется на экономических и политических аспектах классической интеграции. Основное внимание уделяется торговым потокам, институциональным изменениям и экономическим показателям стран – участниц объединения. Являясь прикладным инструментом интеграционной политики, методика СИЕИ даёт систематическую оценку эффекта интеграции и её влияния на экономику и политику стран, вовлечённых в интеграционный процесс, а также динамику процесса интеграции. При этом авторы проекта предлагают под региональной экономической интеграцией понимать прежде всего взаимодействие экономических субъектов стран-участниц, координацию их планов и решений, в результате чего возникает кооперация на основе специализации, базирующаяся на имеющихся сравнительных преимуществах. Преимущества этой методики заключаются в систематическом подходе к анализу данных и возможности применения к различным интеграционным объединениям. Однако она может быть недостаточно гибкой для оценки современных гибридных форм интеграции, таких как накопительная интеграция, где эффекты могут быть менее очевидными и более длительными по времени.

В большинстве разработанных систем индикаторов, предназначенных для оценки трансграничной интеграции рынков, используются как показатели динамики взаимной торговли, так и индексы интенсивности внутрирегиональной торговли.

Гравитационная модель торговли применяется для оценки влияния интеграции на торговые потоки между странами. Она основывается на аналогии с законом всемирного тяготения Ньютона, предполагая, что объём торговли между двумя странами прямо пропорционален произведению их экономических размеров (ВВП) и обратно пропорционален расстоянию между ними. Модель может учитывать различные факторы, такие как общие границы, языковые и культурные барьеры, участие в интеграционных соглашениях, и т.д. Но её ключевой целью являлось выявление выгод от двусторонней торговли [*Kaplan, Kar*, 2006]. Преимуществом данной модели является возможность включать в оценку торговых потоков множество факторов. Среди недостатков можно выделить невозможность с её помощью проводить оценку долгосрочных эффектов интеграции.

Существует множество других систем индикаторов, разработанных такими региональными организациями, как Европейская комиссия, Европейский центральный банк, Экономическая комиссия ООН для Африки, АСЕАН и других, которые охватывают экономические, политические, технологические аспекты интеграционных процессов, измеряющие уровень интеграции данной региональной группировки, предпосылки для (дальнейшей) интеграции, оценку производительности и вклада отдельных стран в региональные группировки, оценку политики региональной интеграции, сравнение интеграции в разных регионах, оценку программ поддержки региональной интеграции [*Lombaerde, Pietrangely, Weeratunge,* 2008].

Например, индекс региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Asia/Pacific Regional Integration Index — APRII) рассчитывается по 26 показателям по шести направлениям интеграции: торговля и инвестиции, денежно-кредитная интеграция, региональная производственно-сбытовая цепочка, инфраструктура и связь, свободное передвижение людей, а также институциональная и социальная интеграция [*Huh, Park*, 2018].

Для анализа воздействия интеграционных процессов на экономику стран-участниц используются общие модели равновесия (CGE). Они учитывают взаимодействия между

различными секторами экономики и позволяют проводить симуляции последствий изменения политик или внешних условий. Преимуществом такой модели является возможность учитывать множество взаимосвязей в экономике. Однако она предъявляет высокие требования к вычислительным ресурсам и специалистам для проведения анализа.

Использование различных эконометрических моделей, таких как регрессионный анализ, для оценки влияния интеграции на экономические показатели (рост ВВП, торговые потоки, инвестиции и т.д.) даёт возможность оценки как краткосрочных, так и долгосрочных эффектов, но продуцируют проблемы с интерпретацией результатов при наличии мультиколлинеарности и других статистических проблем.

Анализ затрат и выгод (CBA) используется для оценки экономических, социальных и экологических последствий интеграционных проектов. Он включает в себя идентификацию, количественную оценку и сравнение затрат и выгод, что делает его пригодным для оценки специфических проектов и программ, но не исключает возможность субъективности в оценках и прогнозах.

Метод анализа панельных данных включает сбор и анализ многомерных данных по разным странам и временным периодам для оценки влияния интеграционных процессов.

В ряде исследований (например: [*Миракян,* 2023]) показано, что у каждого интеграционного объединения имеются свои характерные для него черты и, более того, на различных этапах развития интеграционные объединения могут переходить из одной модели в другую, что делает невозможным оценку эффективности различных интеграционных структур на основе единых количественных и качественных показателей. В частности, существуют фундаментальные различия между «мягкими» формами интеграции, оставляющими достаточно широкую свободу действий на национальном уровне, и теми формами, в которых отдаётся приоритет наднациональным структурам [*Зуев*, 2014].

Все применяемые методики оценки интеграции имеют ряд погрешностей, а недостаточность или полное отсутствие релевантных данных и статистики по ключевым параметрам обусловливают невозможность построения единой методики оценки эффективности интеграции [*Мартынова,* 2024].

В настоящее время проблема оценки результативности экономической интеграции требует научного переосмысления. Это связано с существованием различных форм интеграции, геоэкономическими изменениями, происходящими в мировой экономике, формированием интеграционных образований нового поколения (ШОС, БРИКС) [*Подкина, Андреева*, 2019; *Сахвадзе,* 2025] и новых форм интеграции, таких как накопительная интеграция.

Оценка эффекта накопительной интеграции

Возрастающий эффект накопительной интеграции возникает по причине расширения интеграции, что обусловлено распространением эффекта вовлечения отраслей в интеграционный проект, а отложенный по времени результат — продолжительностью строительства промышленных и инфраструктурных объектов, постепенным выходом на запланированные мощности и поэтапным включением в интеграционный процесс отраслей и секторов экономики. Тогда как эффект увеличения объёма торговли за счет снижения или обнуления торговых тарифов, что характерно для классической интеграции, проявляется уже на первом интеграционном этапе.

Особенности накопительной интеграции предопределяют иные способы оценки результатов интеграционного процесса, которые проявляются в разных формах. Для их оценки предложено использовать комплексную эконометрическую модель, которая включает различные показатели, связанные с реализацией различных совместных проектов. Основой такой модели служит регрессионный анализ, включающий несколько ключевых

переменных, отражающих разные аспекты интеграции и их влияние на экономическое развитие стран.

Метод базируется на статистической оценке влияния независимых факторных признаков на показатели экономического роста. Статистическая оценка воздействия факторов осуществляется на основе регрессионного анализа взаимосвязей между значениями динамических рядов результирующего и факторных признаков с использованием обобщённой модели множественной регрессии следующего вида:

$$y_t = \alpha + \beta_1 x_{t1} + \beta_2 x_{t2} + \ldots + \beta_j x_{tj} + \varepsilon, \quad (1)$$

где: y_t — зависимая переменная, отражающая экономический эффект интеграции для страны в период t; α — свободный член модели, определяющий значение y в случае, когда все факторные переменные равны нулю; β_1, β_2, …, β_j — коэффициенты регрессии, измеряющие влияние каждой переменной на зависимую переменную; x_{t1}, x_{t2}, x_{tj} — экономические переменные, внёсшие свой вклад в изменение зависимой переменной; ε — оценка отклонения для страны.

В качестве информационной базы выступили официальные данные национальной статистики стран, участвующих в интеграционных проектах, и данные статистики Всемирного банка. Длительность анализируемых динамических рядов составила двадцать периодов, начиная от периода, предшествующего активной фазе реализации интеграционных проектов и до настоящего времени.

В качестве факторных переменных выступили экономические показатели, которые могут оказать влияние на экономический рост стран – участниц интеграционного проекта.

В качестве проектов были выбраны инфраструктурные объекты, реализация которых во многом определяет эффективность накопительной интеграции. При этом целесообразно выделить два этапа — этап строительства инфраструктурного объекта и этап эксплуатации инфраструктурного объекта интеграционного характера.

Так, на *этапе строительства* инфраструктурного объекта эффект для страны, которая финансирует и реализует этот проект, заключается в росте или поддержке стабильного функционирования строительной отрасли и отраслей, обеспечивающих строительство ресурсами (металлургия, машиностроение, производство строительных материалов и др.), росте или обеспечении стабильного уровня занятости своего населения.

Для страны, на территории которой возводится инфраструктурный или промышленный объект в рамках интеграционного проекта, результатом будет рост производства в отраслях, поставляющих ресурсы и промежуточные товары на объект строительства, при наличии таковых на территории страны.

На этапе ввода в эксплуатацию для страны – интеграционного ядра (инвестора), экономическим результатом реализации инфраструктурного проекта являются: рост экспорта, в том числе транзитом, рост импорта, снижения транспортных расходов и сроков поставки.

Вклад совместного проекта в развитие национальной экономики страны-партнёра на этапе эксплуатации зависит от его отраслевой принадлежности. Например, проект в сфере транспортной инфраструктуры будет способствовать снижению транспортных расходов и времени доставки грузов, росту экспортно-импортных потоков, оживлению экономики и росту занятости населения, диверсификации источников роста, повышению привлекательности страны или региона для инвесторов и росту инвестиций, развитию сектора услуг (оптовой и розничной торговли, ресторанных и гостиничных услуг, сектора логистики).

Оценка результатов накопительной интеграции для участвующих сторон требует индивидуального подхода к каждому участнику совместного проекта на каждом его этапе

и применения индивидуальной для каждого проекта системы индикаторов результативности интеграционного процесса.

Предложенная модель регрессионного анализа для оценки эффекта интеграции имеет несколько потенциальных слабых сторон и ограничений.

1. Специфика проектов: модель разработана для интеграционных проектов, ориентированных на физическую инфраструктуру и традиционные экономические показатели. Для проектов, связанных с информационными системами или интеллектуальными решениями, потребуется адаптация модели и включение в анализ переменных, связанных с технологическими инновациями, цифровой инфраструктурой и уровнем цифровизации экономики.

2. Динамические изменения: модель не учитывает динамические изменения в экономическом развитии и внешней среде, такие как изменения в глобальной экономике, политические риски или технологические прорывы.

3. Данные и их доступность: качество и доступность данных являются ключевыми факторами для точности и надёжности модели. В случае отсутствия достоверных данных по некоторым показателям результаты модели могут быть искажены.

4. В ситуации быстро меняющихся условий мировой торговли, широкого применения санкций и других мер политики протекционизма, вызывающих ответные действия в виде обхода санкций и использования юрисдикций других стран для ПИИ, искажается статистика, в связи с чем публикуемые данные по внешней торговле и ПИИ характеризуются слабой достоверностью. Кроме того, быстро меняющиеся условия внешней торговли обусловливают то, что модель не может быть стационарной.

Поэтому предлагаемая модель расчёта эффективности накопительной интеграции носит во многом дискуссионный и иллюстративный характер и не учитывает всех возможных многочисленных последствий данной интеграционной стратегии. В то же время она служит объектом для дальнейшего обсуждения и совершенствования, а сама регрессионная модель нуждается в проверке на стационарность.

Следует также отметить, что при снижении производства других предприятий отрасли рост выпуска одного или нескольких задействованных в проекте предприятий не будет статистически заметен в агрегированном показателе выпуска отрасли, а при более высоких темпах роста других предприятий отрасли экономический эффект анализируемого интеграционного проекта может быть переоценён.

При небольшой доле импортируемого или экспортируемого товара в общем объёме экспорта / импорта агрегированный показатель экспорта / импорта не отразит изменений, обусловленных интеграционным проектом.

Кроме того, при оценке в стоимостном выражении при снижении себестоимости производства и цены рост выпуска и торговли может также остаться статистически незначимым.

Агрегированные статистические данные не дают возможности определить, какие отрасли национальной экономики участвовали в реализации проектов. Ещё более затрудняет анализ сложность отслеживания участия компаний разных стран в производстве продукции, задействованной в реализации проектов.

Результаты

Данная методика была применена для оценки эффектов накопительной интеграции Китая и государств Центральной Азии. Именно такой тип интеграции характерен для характеристики данного сотрудничества, так как часть этих стран, входящая в ЕАЭС, отказалась от создания ЗСТ с Китаем в рамках реализации концепции сопряжения проектов ИПП и ЕАЭС, выдвинутой в 2015 г. Вместо ЗСТ после трёх лет переговоров от этой

идеи отказались, и в 2018 г. было заключено *непреференциальное* соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС и Китая, которое также можно отнести к примеру накопительной интеграции.

Для оценки эффекта интеграции на этапе строительства инфраструктурных объектов для Китая выбраны показатели ВНД, стоимость выполненных контрактов в каждой из стран как синтетический показатель, учитывающий участие отраслей китайской экономики и китайской рабочей силы в реализации экспортных проектов. Для стран ЦА - добавленная стоимость промышленности и экспорт в Китай (табл. 1).

Для КНР формула (1) приобретает вид:

$$ВНД_{КНР_t} = \alpha + \beta_1 x_{t1} + \beta_2 x_{t2} + \varepsilon, \quad (2)$$

где: $ВНД_{КНР_t}$ — валовой национальный доход КНР в период t; α — свободный член модели (константа); $Э_t = x_{t1}$ — экспорт КНР в страны ЦА в период t; $K_t = x_{t2}$ — стоимость выполненных контрактов Китая в странах ЦА в период t; β_1, β_2 — коэффициенты регрессии, измеряющие влияние китайского экспорта и стоимость выполненных контрактов КНР на территории стран ЦА на показатель ВНД; ε — ошибка регрессии.

Для стран Центральной Азии (ЦА) формула (1) приобретает вид:

$$П_t = \alpha + \beta К_t + \varepsilon, \quad (3)$$

где: $П_t$ — добавленная стоимость промышленности каждой из стран Центральной Азии в период t; α — свободный член модели (константа); β — коэффициент регрессии, измеряющий влияние стоимости выполненных контрактов Китая в каждой из стран Центральной Азии на добавленную стоимость промышленности каждой из стран Центральной Азии в период t; $К_t$ — стоимость выполненных контрактов Китая в каждой из стран Центральной Азии в период t; ε — ошибка регрессии.

Исходные данные для расчёта пары Китай–Казахстан представлены в табл. 1.

Результаты расчётов для пары Китай–Казахстан представлены в табл. 2–4.

Корреляционно-регрессионный анализ общей стоимости экспорта Китая в страны Центральной Азии, общей стоимости выполненных контрактных проектов и ВНД Китая выявил высокую тесноту связи между этими показателями для пары Китай–Казахстан и Китай–Киргизия, достаточно высокую для пар Китай–Туркменистан и Китай–Узбекистан и очень низкую для пары Китай–Таджикистан, тем самым подтвердил гипотезу о наличии экономического эффекта для Китая от инфраструктурных интеграционных проектов ещёна этапе их строительства.

Динамика стоимости контрактных проектов показывает наличие двух разных периодов: до 2013 г. стоимость выполненных Китаем работ в странах Центральной Азии растёт, после 2013 г. — снижается. В связи с этим корреляционно-регрессионный анализ общей стоимости экспорта Китая в страны Центральной Азии, общей стоимости выполненных контрактных проектов и ВНД Китая выполнен как для всего массива данных, так и для периода до 2013 г. и после 2013 г.

Анализ общей стоимости экспорта Китая в страны Центральной Азии, общей стоимости контрактных проектов и ВНД Китая в разрезе двух периодов во всех случаях выявил более высокую тесноту связи между этими показателями для всех пар стран, чем при анализе всего массива данных.

Однако следует отметить, что в силу очень маленькой, по сравнению с ВВП Китая, стоимостью реализованных им контрактов в странах ЦА полученная зависимость нуждается в дополнительном более детальном и глубоком анализе и проверке, что требует продолжения исследований в данной области.

Таблица 1
Исходные данные для расчёта пары Китай–Казахстан, млн долл.

Китай				Казахстан	
Год	**ВНД**	**Экспорт в Казахстан**	**Стоимость выполненных контрактов**	**Промышленность, добавленная стоимость**	**Экспорт в Китай**
2004	1959622,28	2211,81	109,14	15254,90	2286,27
2005	2295104	3896,75	369,18	21494,51	2909,36
2006	2706553,2	4750,48	583,15	31880,25	3607,27
2007	3310314,34	7445,86	1041,43	39560,81	6431,91
2008	4104175,43	9824,51	959,43	53710,59	7727,83
2009	4901280,17	7833,45	1405,55	44314,84	6295,68
2010	5801876,37	9320,07	1464,47	60110,81	11128,45
2011	6783885,62	9566,53	1242,37	71784,35	15394,7
2012	8006075,58	11000,73	1567,66	75509,42	14680,84
2013	9193837,99	12545,12	2917,14	79743,06	16050,84
2014	10246590	12709,85	2357,68	73530,85	9741,82
2015	10883162,7	8441,24	2347	56892,65	5848,95
2016	11387926,6	8292,59	2757,79	43901,32	4805,08
2017	12104947,9	11564,44	2238,38	53920,35	6378,69
2018	13385454,9	11351,53	2213,57	60072,08	8526,61
2019	14512888,9	12729,1	1981,74	60002,48	9273,67
2020	14843775,3	11703,13	1491,05	56624,49	9805,1
2021	16883573,5	13959,26	1162,99	69515,44	11290,56
2022	18151669,6	16249,4	1165,15	78877,26	14840,88

Источник: составлено авторами на основе баз данных National Bureau of Statistics of China. Foreign Trade and Economic Cooperation. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01; World Bank Open Data URL: https://data.worldbank.org

Таблица 2
Регрессионная статистика пары Китай–Казахстан

Множественный R	0,84870233
R-квадрат	0,72029564
Нормированный R-квадрат	0,6853326
Стандартная ошибка	2877202,35

Источник: составлено авторами.

Таблица 3
Дисперсионный анализ для пары Китай–Казахстан

	df	***SS***	***MS***	***F***	**Значимость *F***
Регрессия	2	3,4109E+14	1,7055E+14	20,6016279	3,7462E-05
Остаток	16	1,3245E+14	8,2783E+12		
Итого	18	4,7355E+14			

Источник: составлено авторами.

Таблица 4
Коэффициенты регрессии для пары Китай–Казахстан

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	–3147761,4	2019990,97	–1,5583047	0,13871922	–7429950,9	1134428,21
Экспорт, млн долл.	11,5346726	2,26797157	5,08589821	0,0001101	6,72678761	16,3425575
Стоимость выполненных контрактных проектов, млн долл.	5,93096674	10,2041227	0,5812324	0,5691821	–15,700807	27,5627404

Источник: составлено авторами.

Результаты обработки данных и расчётные уравнения регрессии представлены в табл. 5.

Таблица 5
Сводная таблица результатов регрессионного анализа

Пара стран	Коэффициент корреляции R	Коэффициент детерминации R-квадрат	Стандартная ошибка регрессии	Статистическая значимость (p)	Уравнение регрессии
Китай–Казахстан 2004–2022	0,8487	0,7203	2877202,35	$3{,}7^{-8} < 0{,}01$	*ВНД* = –3147761,37 + 11,54 *Э* + 5,93 *К*
Китай–Казахстан 2004–2013	0,9369	0,8778	987370,324	0,0006 < 0,01	*ВНД* = 287446,655 + 15,67 *Э*+ *15,67 К*
Китай–Казахстан 2014–2022	0,9233	0,8526	1211028,35	0,003 < 0,01	*ВНД* = 20301563,2 + 1,08 *Э* – 40,56 *К*
Китай–Киргизия 2004–2022	0,9460	0,8949	1763815,549	$1{,}4 \cdot 10^{-8} < 0{,}01$	*ВНД* = 2855934,88 + 21,80 *Э* +10,61 *К*
Китай–Киргизия 2004–2013	0,8793	0,7732	1345198,82	0,006 < 0,01	*ВНД* = 1552694,18 + 3,57 *Э* +92,59 *К*
Китай–Киргизия 2014–2022	0,9661	0,9334	813671,717	0,0003 < 0,01	*ВНД* = 15267879,3 + 3,17 *Э* – 106,39 *К*
Китай–Таджикистан 2004–2022	0,2259	0,0510	5299594,218	0,66 > 0,01	*ВНД* = 7502211,68 + 47,81Э –25,01*К*
Китай–Таджикистан 2004–2013	0,9100	0,8282	0,8282	0,002 < 0,01	*ВНД* = 1724696,04 + 33,81 *Э* – 19,93 *К*
Китай–Таджикистан 2014–2022	0,1587	0,0252	3113871,03	0,92 > 0,01	*ВНД* = 15050333,3 – 3,42 *Э* – 20,46 *К*

Окончание табл. 5

Пара стран	Коэффициент корреляции R	Коэффициент детерминации R-квадрат	Стандартная ошибка регрессии	Статистическая значимость (p)	Уравнение регрессии
Китай–Туркменистан 2004–2022	0,6667	0,4446	4054551,459	0,009 < 0,01	*ВНД* = 2162460,142 + 9,40Э + 72,29*К*
Китай–Туркменистан 2004–2013	0,9698	0,9404	689403,976	$5{,}16 \cdot 10^{-5} < 0{,}01$	*ВНД* = 2342899,9 + 11,79Э + 27,42*К*
Китай–Туркменистан 2014–2022	0,8246	0,6800	1784188,59	0,03 > 0,01	*ВНД* = 12045170 + 115,42Э – 11,5*К*
Китай–Узбекистан 2004–2022	0,6566	0,4312	4103079,252	0,01 = 0,01	*ВНД* = 2310881,112 + 32,70Э + 70,80*К*
Китай–Узбекистан 2004–2013	0,9368	0,8775	988600,51	0,0006 < 0,01	*ВНД* = 1443862,77 + 31,17Э – 2,28*К*
Китай–Узбекистан 2014–2022	0,9717	0,9442	744683,402	0,00017 < 0,01	*ВНД* = 7690618,68 + 13,47Э + 4,29*К*
Казахстан–Китай	0,5721	15710097055	15710097055	0,01 = 0,01	*П = 34172908974 + 13,53К*
Киргизия–Китай	0,3562	0,1269	697603911,3	0,13 > 0,01	*П = 1229947246 + 1,27К*
Таджикистан–Китай	0,6316	0,3989	710470139	0,003 < 0,01	*П = 991669928,1 + 2,88К*
Туркменистан–Китай	0,6501	0,4226	5855429331	0,002 < 0,01	*П = 10721706773 + 8,91К*
Узбекистан–Китай	0,8393	0,7044	3626674645	$7{,}04 \cdot 10^{-6} < 0{,}01$	*П = 5645948919 + 13,79К*

Источник: составлено авторами.

Влияние инфраструктурных проектов на экономику Китая обусловлено увеличением производства и занятости в тех отраслях промышленности КНР, которые обеспечивают строительство инфраструктурных объектов строительными материалами, оборудованием, транспортными средствами, поставками в Китай сырьевых товаров и энергии, участвующих в промышленном производстве, обеспечением спроса на китайскую продукцию.

Корреляционно-регрессионный анализ стоимости контрактных проектов Китая на территории стран Центральной Азии и развития промышленности этих стран на этапе строительства инфраструктурных объектов, что может свидетельствовать об использовании ресурсов и продукции отраслей промышленности стран ЦА в возведении объектов, оживлении отраслей промышленности и влиянии китайских проектов на экономический рост в этих странах, показывает наличие корреляции для пары Узбекистан–Китай, слабую корреляцию для пар Таджикистан–Китай, Туркменистан–Китай и Казахстан–Китай и очень слабую для пары Киргизия–Китай. Более того, полученное расчётное уравнение регрессии для пары Киргизия–Китай не является статистически значимым, что позволяет утверждать об отсутствии значимого влияния китайских проектов на экономику Киргизии на этапе их строительства.

Обсуждение

Несмотря на небольшую, по сравнению с ВВП Китая, стоимость реализованных им проектов в странах ЦА, они имеют определённый экономический эффект для экономики Китая. Это влияние, в первую очередь, обусловлено стратегическими интересами Китая в энергетической безопасности, расширением рынка сбыта его продукции, увеличением производства ряда отраслей и предприятий КНР, обеспечивающих строительство инфраструктурных объектов материалами, оборудованием, транспортными средствами [*Melnikovová,* 2020]. Кроме того, Центральноазиатский регион богат природными ресурсами, которые имеют решающее значение для поддержки экономики Китая.

Энергетическое сотрудничество стран ЦА имеет форму импорта углеводородов, строительства энергетической инфраструктуры (газоперерабатывающих и нефтеперерабатывающих заводов, трубопроводов), участия в разработке месторождений, оказания инженерных услуг и технической помощи.

Несмотря на то, что в китайском импорте энергоресурсов центральноазиатские страны занимают не более 4%, энергетические ресурсы ЦА не только служат источником нефти и газа, но и способствуют диверсификации источников поставок энергии в Китай [*Zhang*, 2022], снижая зависимость от поставок энергоносителей морскими путями, уязвимыми в период геополитической напряжённости. Кроме того, инвестиции Китая в энергетику направлены на создание более эффективных транспортных коридоров, строительство и эксплуатация которых невозможны без достаточного количества дешёвой энергии.

Силами китайских компаний были построены газоперерабатывающие заводы в Туркменистане, проведена модернизация нефтеперерабатывающего завода в Казахстане, построены нефтеперерабатывающие заводы в Таджикистане и в Киргизии.

Так, две трети инвестиций Китая в Казахстан за последние семнадцать лет приходятся на энергетический сектор, где китайские компании имеют долю в шести из десяти крупнейших нефтедобывающих казахстанских компаний, что даёт им около 18% объёма казахстанской нефти[1]. Кроме того, Китай реализует ряд проектов в атомной энергетике, в сфере возобновляемой энергии, гидроэнергетике.

Сооружение первой ветки сети газопроводов, состоящих из трёх веток и проходящих через Туркменистан, Узбекистан и Казахстан с привлечением китайского финансирования, началось в 2007 г., а с 2003 г. началось строительство нефтепровода Казахстан-Китай. Пик реализации проектов Китая в странах Центральной Азии, согласно данным Национального бюро статистики Китая, пришёлся на 2013 г. (рис. 1).

В период пандемии экономическая активность Китая в Центральной Азии значительно снизилась. На фоне изменившейся геополитической обстановки вовлечённость Китая приобрела ряд новых аспектов, обусловленных влиянием таких факторов, как обострение американо-китайского соперничества и усиление политики сдерживания Китая Соединенными Штатами, резкое обострение украинского кризиса в феврале 2022 г., изменение геополитического ландшафта в Центральной Азии на фоне подогревания внешними силами антикитайских настроений в регионе [*Лексютина*, 2023].

Кроме развития транспортной инфраструктуры и энергоресурсов, значительный интерес для Китая имеют рудные месторождения стран Центральной Азии — уран, редкоземельные металлы, золото. Значительными запасами урана обладает Казахстан, который является лидером по добыче урана — около 40% мировой добычи. Весь казахстанский уран в настоящее время экспортируется на мировой рынок и поставляется в такие страны, как

[1] *Осипова И.* 2023. В энергетике Казахстана Китай будет играть вдолгую. Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: https://cabar.asia/ru/v-energetike-kazahstana-kitaj-budet-igrat-vdolguyu (дата обращения: 03.03.2025).

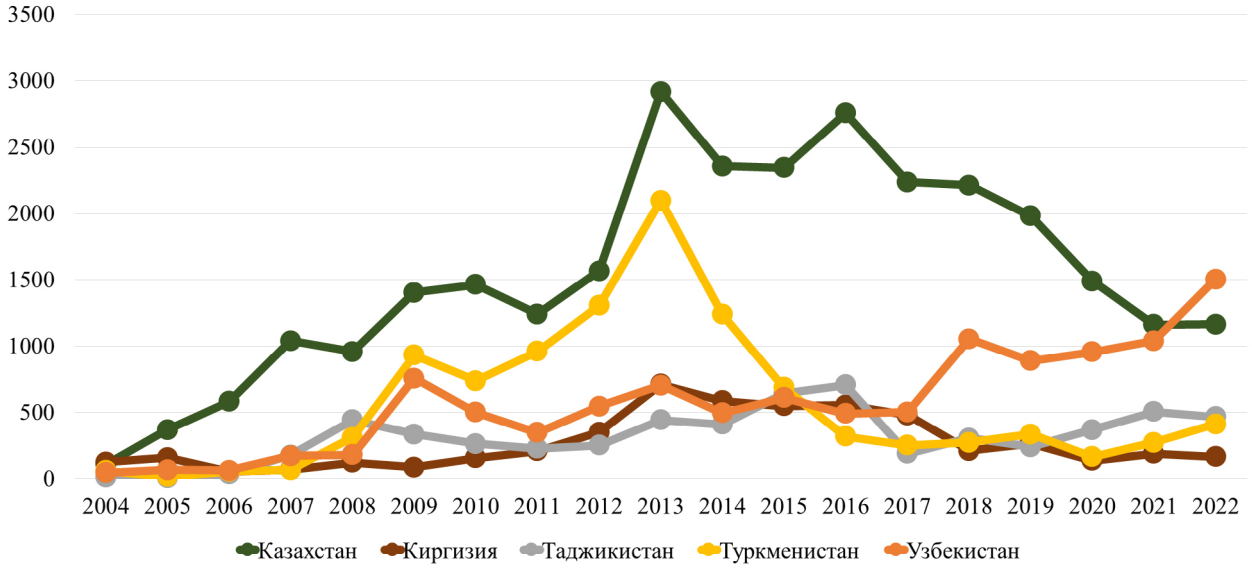


Рис. 1. Стоимость выполненных работ по контрактным проектам Китая на территории стран Центральной Азии, млн. долл.

Источник: National Bureau of Statistics of China. Foreign Trade and Economic Cooperation, URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (access date: 05.10.2024).

Китай, Россия, Франция, Канада и другие. Добыча урана ведётся несколькими компаниями, среди которых лидирует «Казатомпром», проекты которого реализуются совместно с иностранными инвесторами по принципу «сырьё в обмен на инвестиции и технологии»[2]. В первую десятку стран — лидеров по добыче урана входит Узбекистан. Весь добытый в стране уран отправляется на экспорт — в Японию, Канаду, Китай и другие страны.

Страны ЦА обладают значительными запасами драгоценных металлов — золота и серебра. Например, 84% золота в Таджикистане добывается таджикско-китайскими компаниями и, по некоторым прогнозам, запасы золота в Таджикистане из-за их интенсивной добычи могут истощиться уже через 30 лет. Китайская компания Zijin Mining вложила в модернизацию золотодобывающей отрасли страны 306 млн долл., построив две обогатительные фабрики, аффинажный цех, новый рудоперерабатывающий цех[3].

Наиболее активно Китай ведет добычу полезных ископаемых в Таджикистане. Основными инструментами проникновения на рынки Таджикистана являются: создание совместных предприятий с высокой долей китайского участия, подписание двусторонних соглашений без образования совместного предприятия, получение лицензий на разработку месторождений в обмен на инвестиции, участие в научно-исследовательских и геологоразведочных работах. Аналогичные формы китайского присутствия наблюдаются и в Киргизии [*Хвостова*, 2023].

Влияние на экономику Китая на этапе строительства инфраструктурных объектов на территории других стран обусловлено также тем, что оно ведётся силами китайских компаний с привлечением китайских рабочих [*Çelik*, 2023], с использованием оборудования китайских компаний и сырья, произведенного китайскими компаниями. Китайские инвестиции не только помогают развивать регион, но и создают благоприятную среду для работы китайских компаний и расширения их влияния. Силами китайских подрядчиков модернизируются и строятся новые ТЭЦ и ГЭС, сооружаются новые линии электропередачи, строятся и реконструируются железные и автомобильные дороги, мосты, тоннели,

[2] Казахстан — номер один в добыче урана. 2023. Добывающая промышленность: Ценральная Азия. URL: https://dprom.kz/dobycha/kazahstan-nomyer-odeen-v-dobichye-urana/ (дата обращения: 03.03.2025).

[3] *Верхозин С.С.* 2019, Золотодобывающая промышленность Таджикистана. Золотодобыча: 251. URL: https://zolotodb.ru/article/12221 (дата обращения: 03.03.2025).

возводятся промышленные объекты. Кроме этого, в строительстве и модернизации этих объектов используются строительные материалы, произведённые китайскими компаниями, локализованными на территории стран Центральной Азии. Так, китайскими компаниями в Казахстане, Таджикистане, Киргизии и Узбекистане построено несколько цементных заводов, продукция которых используется на объектах, возводимых китайскими компаниями силами китайских рабочих [*Лексютина*, 2023].

Строительство транспортной инфраструктуры способствует развитию торговли Китая как со странами Центральной Азии, так и транзитом через них — с Россией, Беларусью и другими странами.

Все страны Центральной Азии испытали значительный всплеск объёмов торговли с Китаем. Так, товарооборот между Китаем и Казахстаном, а также между Китаем и Киргизией за первые шесть месяцев 2023 г. увеличился на 26,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Объём торговли с Узбекистаном увеличился на 27,6%, в то время как с Туркменистаном рост составил 12,3%, а с Таджикистаном — 84,7%[4].

Тем самым инвестиции Китая и реализация им ряда проектов на территории стран Центральной Азии оказывают благотворное влияние на экономику КНР.

Что касается стран Центральной Азии, то для них сотрудничество с КНР пока недостаточно способствует развитию диверсифицированной структуры экономики, прежде всего отраслей перерабатывающей промышленности.

Более того, падение энергопотребления промышленностью Казахстана более, чем в два раза в период 2013–2023 гг. (с 24,4 млн т нефтяного эквивалента до 11,4 млн т нефтяного эквивалента)[5], свидетельствует об отсутствии экономического роста в промышленности в целом. По данным за 2023 г. в структуре конечного потребления энергии удельный вес потребления энергии домашними хозяйствами превысил потребление энергии промышленностью и составил 32% (рис. 2). Более чем в два раза за последние десять лет выросло потребление энергии транспортной отраслью Казахстана и в 1,6 раза — потребление энергии сектором услуг. Снижение потребления энергии промышленностью отражает проблемы энергетической отрасли Казахстана, среди которых важное место занимает высокий износ энергетических объектов [*Кузьмина*, 2023]. По прогнозу Министерства энергетики Казахстана, к 2029 г. дефицит электрической мощности в стране увеличится до 3 ГВт[6].

Таким образом, несмотря на значительные инвестиции Китая в экономику стран ЦА, на данном этапе они не являются драйвером экономического роста в регионе. Этому препятствуют несколько факторов, особенно важен высокий уровень задолженности стран и отсутствие структурных реформ по диверсификации экономик. Страны ЦА накопили значительные долги перед Китаем, что препятствует их экономическому росту. Например, скрытые долги Казахстана составляют примерно 16% от его ВВП, в то время как Таджикистан должен около 3,3 млрд долл. (27% от ВВП) иностранным инвесторам, половина из которых приходится на Китай. Долг Киргизии перед Китаем оценивается в 4 млрд долл., или 40% от его ВВП[7]. Эта серьёзная зависимость от китайских кредитов ограничивает способность этих стран модернизировать свою экономику, снизить зависимость от

---

[4] *Ozat M*. 2023. Navigating China's Path to Engagement in Central Asia. CPC - Caspian Policy Center. URL: https://www.caspianpolicy.org/research/energy-and-economy-program-eep/navigating-chinas-path-to-engagement-in-central-asia (access date: 05.03.2025).

[5] Бюро национальной статистики агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/ (дата доступа: 05.03.2025).

[6] Казахстану не хватает собственной электроэнергии: страна испытывает дефицит. 2023. RANKING.KZ. URL: https://ranking.kz/reviews/industries/kazahstanu-ne-hvataet-sobstvennoy-elektroenergii-strana-ispytyvaet-defitsit.html (дата доступа: 03.03.2025).

[7] *Nelson H*. 2023. Xi's Central Asia-China Summit: The Consequences of China's Growing Interest in Central Asia, URL: https://www.caspianpolicy.org/research/energy-and-economy-program-eep/xis-central-asia-china-summit-the-consequences-of-chinas-growing-interest-in-central-asia (access date: 05.03.2025).

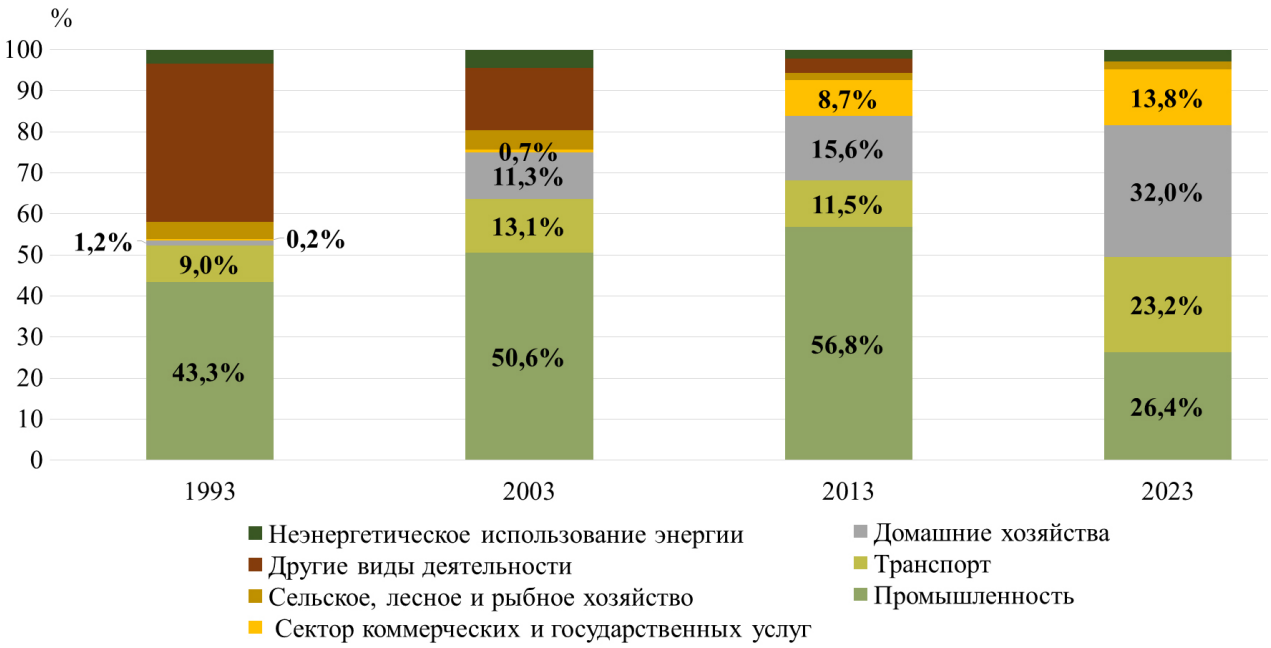


Рис. 2. Структура конечного энергопотребления в секторах экономики Казахстана, %
Источник: Бюро национальной статистики агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/ (дата доступа: 05.03.2025).

экспорта сырьевых товаров, что делает их уязвимыми к колебаниям мировых цен и препятствует устойчивому развитию.

С другой стороны, отложенный во времени эффект является одной из ключевых особенностей накопительной интеграции и можно ожидать, что участие китайских компаний в строительстве ряда инфраструктурных объектов станет драйвером развития промышленности стран Центральной Азии в средне- и долгосрочной перспективе.

Заключение

Разработка новых подходов к оценке результатов интеграции с академической точки зрения позволяет получить более точное представление о глубине и скорости определённых интеграционных процессов, о влиянии интеграции на достижение поставленных экономических целей, о влиянии на экономику страны и развитие её отраслей. С точки зрения политики оценка интеграционных процессов даёт возможность сделать политику интеграции более эффективной, а развитие интеграции более устойчивыми.

Если в условиях преимущественно торгового взаимодействия результаты интеграции оценивались на основе анализа торговых потоков, то диверсификация подходов и механизмов взаимодействия между странами обозначили необходимость выработки новых подходов к оценке эффектов интеграции. Результатами применения разных, по своей содержательной сущности, интеграционных механизмов являются интеграционные эффекты, которые могут проявляться по различным направлениям экономического развития страны. При этом накопительный эффект от интеграции будет усиливаться по мере включения в интеграционный процесс других предприятий, секторов и отраслей экономики, роста их взаимосвязанности.

Особенность накопительной интеграции и её отличие от традиционных форм интеграционных процессов предопределили иные способы оценки результатов интеграционного процесса на основе индивидуального подхода к каждому участнику интеграционного проекта на каждом его этапе и применения индивидуальной для каждого проекта системы индикаторов результативности интеграционного процесса.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Арапова Е.Я. (2019). «Интеграция интеграций» и перспективы БРИКС+ [*Arapova E.Ya.* (2019). "Integration of Integrations" and the Prospects of BRICS+] // *Мировая экономика и международные отношения*. №4. С. 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-5-13.

Гордиенко Д.В. (2018). *Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации* [*Gordienko D.V.* (2018). Global integration projects: changing the level of economic security of the world's states during their implementation]. — М.: АРГАМАК-МЕДИА.

Зуев В.Н. (2014). Методология классификации и оценки форм региональной интеграции [*Zuev V.N.* (2014). Methodology of classification and assessment of forms of regional integration] // *Евразийская экономическая интеграция*. №3 (24). С. 25–43.

Кузьмина Е.М. (2023). Энергетическая система Казахстана: риски и возможности [*Kuzmina E.M.* (2023). Energy system of Kazakhstan: risks and opportunities] // *Геоэкономика энергетики*. №4 (24). С. 42–55. DOI: 10.48137/26870703_2023_24_4_42.

Лексютина Я.В. (2023). Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия [*Leksyutina Ya.V.* (2023). China in Central Asia in the «post-pandemic» period: towards a new quality of interaction] // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. №28. С. 77–87. DOI: 10.48647/ICCA.2023.16.55.007.

Мартынова Е.С. (2024). К вопросу о методологии оценивания эффективности интеграционных объединений на примере АСЕАН и ЕАЭС [*Martynova E.S.* (2024). On the methodology for assessing the effectiveness of integration associations using the example of ASEAN and the EAEU] // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. №1. С. 118–129. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-118-129. EDN: CGDUYA.

Миракян Д.Г. (2023). Модели оценки экономической интеграции в региональных интеграционных объединениях [*Mirakyan D.G.* (2023). Models for assessing economic integration in regional integration associations] // *Вестник Московского университета*. №6. С. 58–77. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-4.

Подкина К.Ю., Андреева Е.Л. (2019). Обзор методических подходов к оценке международной экономической интеграции [*Podkina K.Yu., Andreeva E.L.* (2019). Review of methodological approaches to assessing international economic integration] // *Журнал экономической теории*. №3(16). С. 598–605.

Сахвадзе Г.Г. (2025). Новая функция международной региональной экономической интеграции: модератор к устойчивому развитию регионов [*Sakhvadze G.*G. (2025). New function of international regional economic integration: moderator to sustainable development of regions] // *Экономические отношения*. №2. DOI: 10.18334/eo.15.2.122815.

Система индикаторов евразийской интеграции (2009). [System of indicators of Eurasian integration (2009)].— Алматы: ЕАБР.

Хвостова М.О. (2023). Политика Китая в странах Центральной Азии в области освоения полезных ископаемых [*Khvostova M.O.* (2023). China's Policy in Central Asian Countries in the Field of Mineral Resources Development] // *Проблемы постсоветского пространства*. №10(1). С. 57–66. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-1-57-66.

Хейфец Б.А. (2023). *Новая модель международной экономической интеграции* [*Kheifets B.A.* (2023). New Model of International Economic Integration]. — М.: Институт экономики РАН.

Хейфец Б.А. (2021). *Китайский путь глобализации и Россия* [*Kheifets B.A.* (2021). The Chinese Path of Globalization and Russia]. — М.: КУРС.

Чимирис Е., Алмакаева А., Немировская А., Соболева Н., Перебоев В. (2022). *Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР*: Доклад 22/1 [*Chimiris E., Almakaeva A., Nemirovskaya A., Soboleva N., Pereboev V.* (2022). EDB Integration Business Barometer. Report 22/1] // Москва. Евразийский банк развития.

Balassa B. (1976). Types of Economic Integration // *World Bank Reprint Series*. No. 69.

Balassa B. Stoutjesdijk A. (1975). Economic integration among developing countries // *World Bank Reprint Series*. No. 30.

Butorina O.V., Borko Yu.A. (2022). Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92. Pp. 105–112. DOI: 10.1134/S1019331622080020.

Çelik Y. (2023). China's Economıc Presence in Central Asia: Kazakhstan Case // *Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi*. No. 7 (2). Pp. 225–238.

Ferrari E., Elleby C., De Jong B., M`barek R. (2024). Cumulative economic impact of upcoming trade agreements on EU agriculture // *Publications Office of the European Union*. — Luxembourg. DOI: 10.2760/54976.

Hayakawa K., Baek J. (2022). Small or negative trade effects of regional trade agreements: Fixed costs of exporting vs investing // *RIETI. Discussion Paper Series* 22-E-023.

Huh H-S., Park C-Y. (2018). Asia-Pacific Regional Integration Index: Construction, Interpretation, and Comparison // *Journal of Asian Economics*. No.54. Pp. 22–38. DOI: 10.1016/j.asieco.2017.12.001.

Kaplan M., Kar M. (2006). The Empirical Analysis of Economic Integration: a Literature Survey // *Marmara Journal of European Studies*. Vol. 14. No. 2. Pp. 45–75.

Lee W., Mulabdic A., Ruta M. (2023). Third-country effects of regional trade agreements: A firm-level analysis // *Journal of International Economics*. No. 140. DOI: 10.1016/j.jinteco.2022.103688.

Lombaerde P., Pietrangely G., Weeratunge C. (2008). Systems of Indicators for Monitoring Regional Integration Processes: Where Do We Stand // *Integrated Assessment Journal*. Vol. 8. No. 2. Pp. 39–67.

Maggi G., Ossa R. (2020). The Political Economy of Deep Integration // *NBER Working Paper*. 28190. December.

Marinov E. (2015). Economic Determinants of Regional Integration in Developing Counties // *International Journal of Business and Management*. Vol. III. No. 3. Pp. 22–39. DOI: 10.20472/BM.2015.3.3.003.

Melnikovová L. (2020). China's Interests in Central Asian Economies // *Human Affairs*. No. 30. Pp. 239–252. DOI: 10.1515/humaff-2020-0022.

Nedopil C. (2024). China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2023 // *Griffith Asia Institute* / Griffith University (Brisbane) and Green Finance & Development Center, FISF Fudan University (Shanghai). DOI: 10.25904/1912/5140.

Pham H., Mudalige P., Le H., Bui M,, Nguyen V., Ramiah V., Chu T., Vu T.H. (2024). The effects of free trade agreements on the stock market: Evidence from Vietnam // *PLoS ONE*. Vol. 19. No. 2. DOI: 10.1371/journal.pone.0294456.

Zhang C. (2022). China's emergence and development challenges that China faces in Central Asia // *ARPE 1*. No. 10. DOI: 10.1007/S44216-022-00005-7.

Хейфец Борис Аронович
bah412@rambler.ru

Boris A. Kheyfets
Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)
bah412@rambler.ru

Чернова Вероника Юрьевна
veronika_urievna@mail.ru

Veronika Y. Chernova
Doctor of Economics, Leading Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow)
veronika_urievna@mail.ru

INTERNATIONAL CUMULATIVE INTEGRATION AND ASSESSMENT OF ITS ECONOMIC EFFECTS

Abstract. The application of the strategy of international cumulative integration in modern geopolitical conditions is due to its flexible nature, the absence of strict requirements for partner countries, which characterize classical integration agreements formed on the basis of free trade. This allows establishing mutually beneficial economic cooperation even if they have multi-vector national development strategies. The effects of international cumulative integration can manifest themselves in various directions and have a delayed cumulative effect, which occurs due to the expansion of the integration field, and the delayed result is determined by the duration of the construction of industrial and infrastructure facilities and the achievement of planned capacities, as well as the gradual inclusion of other industries and sectors of the economy in the integration process. The difference between cumulative integration and classical forms of international economic integration predetermined the need to apply other methods for assessing the results of the integration process based on an individual approach to individual participants in a joint project at each stage and the use of an individual system of indicators for the effectiveness of the integration process for each project. A model for assessing the effects of infrastructure projects, which is the most important component of cumulative integration, is proposed. This model was tested on joint projects of China and Central Asian countries. Correlation and regression analysis confirmed the hypothesis of the presence of an economic effect for China at the stage of their construction, but for Central Asian countries this effect will be more evident in the medium and long term.

Keywords: *cumulative integration, assessment of integration effects, transport infrastructure, energy infrastructure, economic growth, China, Central Asian countries, integration projects.*
JEL: F02; F15.

Я.В. Трофимова
к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (Уфа)

ИНСТИТУТ ДОТАЦИЙ В РОССИИ[1]

Аннотация. Институт дотаций с точки зрения теории общественного выбора представлен как механизм формирования согласительных решений государственными и муниципальными органами власти, зависящий от законодательных и местных инициатив. Характеристика процесса предоставления дотаций представлена с помощью концептов, введённых в работах Д. Норта, О. Уильямсона, Д. Коммонса. Выделены индикаторы оценки качества российского института дотаций органов местного самоуправления. На основе выборочных данных по пятидесяти регионам России в 2019–2024 гг. проведена оценка качества работы рассматриваемого института. Выделены признаки адаптации института дотаций к внешним факторам с начала 2000-х гг. по настоящее время. Несмотря на соблюдение жёстких бюджетных ограничений, наблюдается снижение прозрачности, растут неопределённость и трансакционные издержки. В результате происходит размывание общественного капитала, что ослабляет стимулы к развитию собственных источников доходов у местных органов власти, создаёт возможности для коррупции и волюнтаризма, формирует негативное мнение в обществе о процессе распределения трансфертов. Необходимы изменения существующих процедур дотирования со стороны федеральных и региональных органов и переход к более эффективному институциональному дизайну процесса предоставления дотаций муниципалитетам.

Ключевые слова: *институты, дотации, прозрачность, стабильность, регионы, муниципалитеты.*
JEL: B25, B52, H71, H77, H81
УДК: 332.14, 338.242
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_25_37
© Я.В. Трофимова, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Трофимова Я.В.* Институт дотаций в России // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 25–37. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_25_37.
FOR CITATION: *Trofimova Ya.* Institution of Subsidies in Russia // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 25–37. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_25_37.

Введение

Система межбюджетных отношений 1994 г. создала предпосылки для перехода от «договорного» распределения объёмов финансовой помощи субъектам Федерации к единым правилам формализованного распределения. При этом формульный подход к распределению дотаций между муниципалитетами, внедряемый в регионах с начала 2000-х годов, сохраняет прежнюю инерцию. И если на федеральном уровне в результате оказания финансовой помощи бюджетная обеспеченность регионов выравнивается[2], то на уровне регионов разрыв между муниципалитетами сохраняется и даже усиливается.

---

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00571-25-00 на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг.

[2] Разрыв бюджетной обеспеченности между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными регионами в 2024 г. составлял 6,1 раза. Механизм предоставления дотаций позволил сократить этот разрыв до 2,8 раз // Электронный бюджет URL: https://www.budget.gov.ru/Регионы/ (дата обращения: 02.05.2025). Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2023 год URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/ (дата обращения: 02.05.2025).

Результаты распределения финансовой помощи, согласно теории общественного выбора, представляют собой итог согласования интересов групп индивидов с учётом структуры их предпочтений и конституционных правил. Система конституционных правил (законов) — это не только общественное благо, но и общественный капитал, отдача от которого в виде роста стабильности межиндивидуальных взаимоотношений со временем повышается. Вместе с тем общественный капитал на практике может быть потерян навсегда, если он был однажды размыт [*Бьюкенен*, 1997. С. 369].

Размывание общественного капитала в мировой практике связано с лоббированием интересов, логроллингом и т.д., а в Российской Федерации, после распада СССР, — с переговорами (торгом) центра и регионов. Так, чрезмерная персонифицированность федеральных отношений, зависевшая от личности регионального лидера и его личных отношений с центром, допускала нарушения общего порядка в политической и бюджетной сферах [*Лексин*, 2002. С. 14]. Отсутствие достаточно защищённого в правовом отношении деления базы налогов по уровням бюджетной системы приводило к стихийному и конфликтному переделу доходной базы в пользу отдельных субъектов Федерации [*Экономическая безопасность*…, 2005. С. 446]. В современной российской практике финансово-бюджетных отношений сохранилась система согласительных комиссий, которая предусматривает обсуждение проектов муниципальных бюджетов, включая распределение дотаций, с участием представителей министерства финансов региона и муниципалитетов, депутатов законодательного собрания.

Последствиями размывания общественного капитала становятся рост недоверия к бюджетному механизму, а в конечном итоге отчуждение человека от государства и институциональный «склероз» экономики [*Олсон*, 2012. С. 206]. Неопределённость работы института трансфертов приводит к росту коррупции [*Fabre, Sangnier,* 2025; *He X., Zhang*, 2024], навязыванию определённой политики и идеологии на местах [*Kang Y., Lee D., Min S.*, 2025; *Muraközy B., Telegdy Á.,* 2016].

Для состояния российских институтов характерна низкая эффективность [*Аузан, Лепетиков, Ситкевич*, 2022. С. 25], включая слабость гражданских институтов, коррумпированность региональных администраций, бездействие муниципалитетов — получателей трансфертов [*Bird*, 2011. P. 20; *Зуйкина*, 2013. С. 266]. Исследователи отмечают неспособность формальных институтов развития превратить регионы в центры роста [*Сорокина*, 2023. С. 395], указывают на непрозрачность и сложность оценки налоговых нормативов по муниципалитетам [*Бухарский, Лавров*, 2020. С. 29], подчеркивают дискуссионность решений в рамках института дотаций [*Омелехина*, 2017. С. 87]. И тем не менее процесс дотирования местного самоуправления пока не стал полноценным предметом институциональных исследований[3].

В данной статье сделана попытка, используя институциональный анализ, охарактеризовать изменения качества формального института[4] предоставления дотаций муниципалитетам России.

---

[3] Оценка дотационного механизма на уровне муниципалитетов присутствует в виде ряда частных показателей в Рейтинге субъектов РФ по уровню открытости бюджетных данных URL: https://www.nifi.ru/ru/rating, а также в региональных методиках осуществления мониторинга и оценки качества управления муниципальными финансами.

[4] В данной статье под институтами понимается «множество ограничений поведения в форме правил и регуляций, множество процедур обнаружения отклонений… и множество… норм, которые ограничивают способы, которыми правила и регуляции специфицируются и принуждаются к исполнению» [*North*, 1984. P. 8].

Институт дотаций и его свойства

Межбюджетные трансферты из бюджетов субъектов Федерации предоставляются местным бюджетам в форме дотаций, субсидий, субвенций[5]. Создание института дотаций соответствует одному из базовых сценариев формирования институтов — принудительному введению института органами власти [*Тамбовцев*, 2024. С. 9]. Предоставление дотаций — формальный институт, обладающий свойствами институциональных соглашений (контрактов) и распределительных сделок (табл. 1).

Таблица 1
Характеристика института предоставления дотаций

Классификационный признак	Виды институтов	Институт предоставления дотаций
Кто выступает гарантом использования правил (иначе каков механизм принуждения к исполнению)? [*Норт,* 1997. С. 18]	• формальные — правила, созданные людьми; • неформальные — общепринятые условности и кодексы поведения	Формальный институт, гарантом которого выступают контрольно-счётные органы субъекта РФ; органы государственного финансового контроля
Институты, с которыми взаимодействует субъект (уровень бюджетной системы) [*Williamson*, 1995. P. 28]	• институциональные соглашения (контракты); • институты, формирующие институциональную среду	Институциональные соглашения — предоставление дотаций предусматривает заключение с местными властями соглашения с ограничениями: местные власти обязаны принимать меры по социально-экономическому развитию и оздоровлению муниципальных финансов
Отношение к движению прав собственности [*Commons*, 1934. Pp. 68–69]	• рыночные сделки (bargaining); • административные сделки (managerial); • распределительные сделки (rationing)	Распределительные сделки: предоставление дотаций предполагает переговоры по достижению соглашения между органами власти, в том числе региональными органами, наделёнными полномочиями по установлению порядка и объёма дотаций на выравнивание обеспеченности поселений, районов; замене дотаций дополнительными нормативами отчислений по НДФЛ по согласованию с местными властями и т.д.

Источник: составлено автором на основе положений Бюджетного Кодекса РФ от 31.07.1998. № 145-ФЗ.

Для распределительных сделок характерны элементы конфликта, зависимости и порядка между сторонами [*Селигмен*, 1968. С. 73], поэтому создание института трансфертов требует установления и соблюдения прежде всего бюджетных ограничений на расходование денежных средств из бюджета. Финансовые ограничения в форме предельно допустимых расходов предотвращают возможный конфликт между уровнями власти за использование ограниченных ресурсов, учитывая сложившуюся структуру власти (иначе взаимозависимость уровней) и порядок распределения средств (рис. 1).

Опираясь на свойства соглашений (контрактов) — простота, полнота и определённость [*Норт*, 1997. С. 74], — можно выделить такие индикаторы качества института дотаций, как прозрачность (иначе — простота и полнота) и стабильность (определённость) (табл. 2). Оценка индикаторов в баллах согласно шкале позволяет получить их

[5] Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 №145-ФЗ, ст. 135–136.

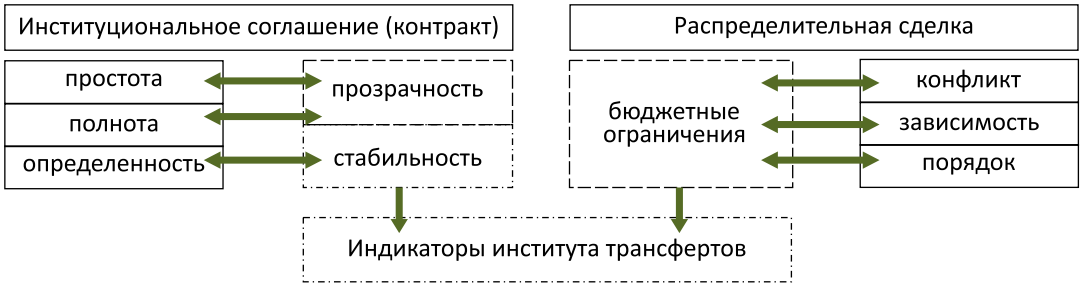


Рис.1. Соответствие свойств «соглашения» и «сделки» индикаторам института трансфертов
Источник: составлено автором.

Таблица 2
Индикаторы института дотаций и их связь с качеством института

Характер индикатора	Индикаторы основного уровня	Индикаторы низового уровня	Влияние на качество института
Индикаторы организации института	Бюджетные ограничения	установление на федеральном уровне общих принципов, требований к предоставлению дотаций муниципалитетам	повышает качество
		утверждение законом о бюджете региона всего объёма финансовой помощи отдельным муниципалитетам (в абсолютных цифрах)	повышает качество
		наличие федеральных (общих рекомендуемых) и региональных (частных обязательных) формульных правил предоставления дотаций муниципалитетам	повышает качество
		наличие процедурных правил, включая региональные методики предоставления дотаций муниципалитетам	повышает качество
Индикаторы качества института	Стабильность	допустимость (лёгкость) внесения изменений в региональное законодательство, методологию, терминологию межбюджетных отношений	снижает качество*
		частота внесения изменений в федеральное и региональное законодательство, методологию, терминологию межбюджетных отношений	снижает качество*
		предсказуемость объёма и принципов распределения трансфертов на долгосрочную перспективу	повышает качество
	Прозрачность (открытость)	доступность обществу исходных данных, используемых в расчёте дотаций	повышает качество
		воспроизводимость формул расчёта дотаций	повышает качество
		возможность сравнительного анализа показателей бюджетной обеспеченности муниципалитетов регионов	повышает качество

* снижение качества института дотаций в силу лёгкости и частоты изменений в законодательстве и методиках обусловлены прежде всего увеличением рыночных трансакционных издержек (см. классификацию в [*Шаститко,* 2010. С. 232]), причём рост трансакционных издержек зависит от статуса нормативно-правового акта: чем статус выше, тем выше затраты [*Cooter*, 2000. P. 2]. Кроме того, появляются трансакционные издержки ведения переговоров (например, относительно сумм выделяемых дотаций муниципалитету) и издержки предварительного (до контрактного) и постконтрактного характера [*Капелюшников*, 1990]. Для оценки качества института дотаций используем выборку из пятидесяти регионов России, учитывая региональное законодательство, региональные методики и расчёты распределения дотаций по муниципалитетам за 2019–2024 г. (использовались открытые данные министерств финансов регионов за 2019–2024 гг.).

Источник: составлено автором.

количественное значение[6], изменение значений во времени — сделать вывод о направлениях трансформации института. Отклонения от пороговых значений индикаторов «вниз» соответствуют ухудшению качества института. Высокое качество института свидетельствует о том, что бюджетные ограничения, стабильность и прозрачность соблюдаются.

Процесс предоставления дотаций муниципалитетам и его институциональные характеристики

Дотации регионам в отдельных федеральных округах соответствуют бюджетным ограничениям федерального и регионального уровней. При этом региональное законодательство, включая используемые методики, опирается на разную терминологию, разные методы оценки бюджетной обеспеченности территорий; структуру индексов оценки; а также предусматривает создание различных фондов финансовой поддержки муниципалитетов [*Барбашова*, 2019. С. 44] в составе региональных и местных бюджетов.

Так, в отличие от федерального механизма выравнивания обеспеченности регионов, в котором одним из основных показателей выступает налоговый потенциал региона[7], на региональном уровне федеральное правительство рекомендует использовать также понятие доходного потенциала муниципалитетов[8]. Однако в большинстве регионов сохраняется терминология 1990-х гг., основанная на понятии налогового потенциала. Исключения составляют Ростовская область, где используется «доходный потенциал»; Белгородская и Тульская области, Республика Чувашия — «условный налоговый потенциал», Республика Башкортостан — прогнозируемый размер потенциальных налоговых доходов, Калужская область — налоговый ресурс[9].

В большинстве методик преобладает метод репрезентативной налоговой системы (Приложение 1), несмотря на то, что метод исторических данных и метод макроэкономических показателей с точки зрения точности расчёта дают схожие результаты [*Арлашкин*, 2020. С. 61]. В ряде регионов (Республика Карелия, Ростовская область) предусмотрена возможность частичного отхода от формального подхода за счёт учёта в оценке обеспеченности муниципальных образований (МО) результатов инвентаризации реестров расходных обязательств МО, что снижает прозрачность расчётов.

Наибольшие различия отмечаются в структуре налогового потенциала МО[10], который чаще всего состоит из четырёх-пяти налогов, реже — двух (Новгородская, Оренбургская, Магаданская области) или — максимум — девяти налогов (Архангельская область). Схема оценки и структура потенциала муниципальных районов, городских округов, поселений обычно совпадает, исключение составляют Волгоградская и Липецкая области, Республика Мордовия. В потенциале муниципалитетов преобладают доходы от НДФЛ (около 70%) и упрощённой системы налогообложения (УСН) (около 17%), при этом удельный вес остальных налоговых и неналоговых доходов незначителен (менее

---

[6] Более подробно о методике оценки института дотаций и её апробации на примере регионов Приволжского федерального округа [*Трофимова*, 2025б].

[7] Постановление Правительства РФ от 22.11.2004. №670 «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ». Методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86148

[8] Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления по регулированию межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях от 29.11.2023 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463106

[9] Более подробно: [*Трофимова,* 2025а].

[10] Под налоговым потенциалом в большинстве методик, как правило, подразумевается потенциальная способность муниципалитетов генерировать бюджетные доходы, которая зависит от экономической структуры и состояния налоговых баз муниципалитетов.

13%) по данным 2019–2022 гг.[11] (Приложение 2). Очевидно, что применение двух-трёх основных налогов, формирующих налоговый потенциал, в силу упрощения расчётов сократит рыночные трансакционные издержки, позволит воспроизводить формулы расчёта и проводить сравнительный анализ внешним экспертам, что соответственно повысит прозрачность института.

Региональное законодательство и региональные методики института дотаций адаптируются к изменениям федерального законодательства (например, отмена единого налога на вменённый доход с 2022 г. потребовала изменить расчёт) и местным инициативам. В частности, в законы «О бюджетном процессе в Саратовской области» изменения вносились более двадцати раз с момента его принятия в 2008 г. по настоящее время, «О межбюджетных отношениях в Рязанской области» — более сорока раз с 2005 г., «О межбюджетных отношениях в Республике Карелия» — более шестидесяти раз с 2005 г.[12] и т. д.

Пересмотр методик позволяет более точно оценить доходные возможности муниципалитета, однако приводит к усложнению расчётов: увеличивается число налогов в расчёте (например, в Калининградской области количество налогов в 2019 г. в расчёте составляло четыре, в 2022 г. — семь); расширяется количество этапов выравнивания доходов, соответственно растут трансакционные издержки поиска информации, дополнительного контроля расчётов. В методике Республики Марий Эл потенциал МО уменьшается на величину отрицательного трансферта, в Тверской области — на расходы по вновь построенным социальным объектам согласно адресной инвестиционной программе. В Ивановской области предусмотрено выделение дотаций поселениям, учитывая сокращение в них численности населения. В Кировской области возможно ежегодное изменение правительством области при составлении проекта бюджета области перечня налогов, формирующих потенциал МО. В Ярославской, Владимирской, Калининградской, Самарской областях перечень налоговых доходов, входящих в потенциал МО, в методиках не определён. В Челябинской области перечень налогов остаётся открытым (в нём выделены прочие налоги).

Таким образом, в бюджетном процессе присутствуют институциональные изменения, генерируемые федеральными и региональными органами управления. С момента принятия региональных методик в начале 2000-х гг. по настоящее время индикаторы стабильности и прозрачности показывают снижение качества института дотаций в регионах, в том числе за счёт роста рыночных трансакционных издержек: появляются издержки ведения переговоров (условия выделения средств, внесение изменений в эти условия), растут предварительные трансакционные издержки: из-за пересмотра методик увеличиваются издержки поиска (дополнительной) информации; из-за дополнительного контроля за расчётами — издержки защиты прав собственности, вероятны издержки оппортунистического поведения (иначе — возможность «вымогательства»).

---

[11] Полученные данные по выборке примерно соответствуют фактической структуре налоговых доходов всех МО в 2022 г.: НДФЛ 64,2% и налоги на совокупный доход 15,2%. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2022 г. URL: https://minfin.goV.ru/ru/perfomance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/ (дата обращения: 02.03.2025).

[12] Закон Саратовской области от 20.12.2005 г. №137-ЗСО «О межбюджетных отношениях в Саратовской области». URL: https://docs.cntd.ru/document/933008233 (дата обращения: 10.03.2025); Закон Республики Карелия от 01.11.2005 г. №915-ЗРК «О межбюджетных отношениях в Республике Карелия». URL: https://docs.cntd.ru/document/919320388 (дата обращения: 10.03.2025); Закон Рязанской области от 02.12.2005 г. №131-ОЗ. URL: https://docs.cntd.ru/document/802043719 (дата обращения: 10.03.2025).

Заключение

Институт дотаций представляет собой формальный институт, обладающий чертами институциональных соглашений и распределительных сделок. С позиций институционального анализа правила предоставления дотаций — это согласительный механизм формирования решений государственными и муниципальными органами власти, который во многом зависит от законодательных и местных инициатив. Согласительный характер в системе административных процедур — объективная необходимость, поскольку объём выделяемых финансовых ресурсов региону ограничен. Вместе с тем последствия размывания общественного капитала, которые возникают из-за постоянного изменения «правил игры», крайне негативны для общества не столько из-за роста рыночных трансакционных издержек, сколько из-за возможного социального недовольства. Нестабильность и непрозрачность института дотаций воспринимается населением как причина сохранения разрыва в доходах (бюджетной обеспеченности) муниципалитетов и, соответственно, неравенства в количестве и качестве предоставляемых общественных услуг.

В настоящее время, благодаря бюджетным ограничениям, а также многообразию регионального инструментария (подходы, термины, методы оценки), в регионах России сложился институт дотаций, отвечающий условиям фискальной децентрализации. Начиная с 2000-х гг. механизм выделения дотаций в 50-ти регионах России постоянно адаптируется к изменениям внешней среды в виде федеральных решений и местных инициатив, что негативно отражается на его качестве.

Во-первых, снижается стабильность института дотаций. Так, региональные методики часто и легко пересматриваются в сторону усложнения расчётов, увеличивая потребность в дополнительной информации (расширяется перечень показателей и исходных данных). Соответственно, растут трансакционные издержки поиска дополнительной информации. Для местных органов власти и общества снижается предсказуемость результата распределения трансфертов и повышается неопределённость процесса бюджетного планирования, возникают трансакционные издержки оппортунистического поведения. При этом, несмотря на многовариантность расчёта потенциала, лишь два налога (НДФЛ и УСН) являются по-настоящему важными для расчётов.

Во-вторых, снижается прозрачность процесса распределения дотаций: отсутствие открытых данных (например, показателей, входящих в потенциал в ряде регионов [*Трофимова*, 2022. С. 103]), усложнение расчётов (увеличение уровней выравнивания и количества показателей) снижают воспроизводимость формул; многообразие методов затрудняют сравнительный анализ и контроль за распределением ресурсов[13], в итоге повышаются трансакционные затраты разных форм, включая федеральные и региональные издержки администрирования. При частичном отходе от основной модели, описываемой формулами, выделение трансфертов становится непрозрачным, начинают доминировать неявные правила (т. е. вероятны издержки оппортунистического поведения).

Указанная тенденция означает, что снижаются возможности для развития регионов: несмотря на сохранение фискальной децентрализации территорий, сокращается самостоятельность муниципалитетов в выборе политики развития (регионы самостоятельно завышают либо занижают потенциал муниципалитетов, корректируя формулу расчёта[14]); повышается риск коррупции со стороны вышестоящих властей при предоставлении дотаций

---

[13] Хотя «…неэффективный контроль над соблюдением контрактов — фактор стагнации в прошлом и причина низкого уровня развития (*страны*)…» [*Норт*, 1997. С. 76].

[14] Например, невключение региональными властями неналоговых доходов в формулу расчёта потенциала стимулирует местные власти развивать те виды деятельности муниципалитета, которые приносят неналоговые доходы в бюджет.

и волюнтаризма на местах. В итоге складывается негативное общественное мнение о бюджетном процессе и деятельности региональных органов власти в целом.

Вопрос о возможностях повышения качества института дотаций остается дискуссионным. На наш взгляд, чтобы восстановить стабильность института на федеральном уровне необходимо закрепить ограничения на ежегодное внесение изменений в региональное законодательство, регулирующее предоставление дотаций; чтобы усилить прозрачность института — на региональном уровне определить состав потенциала муниципалитетов в виде двух-трёх основных налогов (НДФЛ, УСН, налог на имущество физических лиц); обязать региональные органы власти своевременно и в полном объёме размещать на интернет-платформах исходные данные и показатели оценки, используемые для распределения дотаций. Это позволит, по крайней мере, приостановить размывание общественного капитала местного самоуправления.

Приложение 1

Налоговый потенциал МО регионов по региональным методикам оценки бюджетной обеспеченности муниципалитетов, 2024 г.

№	Регионы	НДФЛ	ЕСХН	Налог на имущество физических лиц	Налог на имущество организаций	Земельный налог	УСН	Патентная система	Акцизы	Госпошлина	НДПИ	Транспортный налог	Налог на прибыль организаций	Итого (количество налогов в составе потенциала МО)	РНС
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Амурская область	+	+	+		+	+	+	+					7	
2	Астраханская область	+	+				+	+	+	+				6	+
3	Архангельская область	+	+	+		+	+	+	+	+		+		9	
4	Белгородская область	+	+	+	+	+	+							6	
5	Брянская область	+	+					+						3	
6	Воронежская область	+	+				+	+						4	+
7	Волгоградская область[a]	+	+	+		+	+	+						6	
8	Вологодская область	+		+		+		+						4	
9	Забайкальский край	+		+		+	+				+			5	+
10	Ивановская область	+	+				+	+		+	+			6	
11	Калининградская область	+	+	+	+	+	+	+						7	
12	Калужская область	+			+		+							3	+
13	Камчатский край	+	+		+								+	4	+
14	Кировская область	+		+	+	+	+							5	

Продолжение табл. со с. 32

№	Регионы	НДФЛ	ЕСХН	Налог на имущество физических лиц	Налог на имущество организаций	Земельный налог	УСН	Патентная система	Акцизы	Госпошлина	НДПИ	Транспортный налог	Налог на прибыль организаций	Итого (количество налогов в составе потенциала МО)	РНС
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
15	Костромская область	+					+	+						3	+
16	Краснодарский край	+	+		+		+	+		+			+	7	
17	Ленинградская область (МР)	+					+	+						3	+
18	Липецкая область[6]	+	+	+		+		+						5	+
19	Магаданская область	+					+							2	+
20	Мурманская область	+					+	+	+					4	+
21	Ненецкий АО	+	+					+	+	+				5	
22	Нижегородская область	+		+		+	+	+						5	+
23	Новгородская область	+					+							2	+
24	Омская область	+	+	+		+	+	+		+				7	
25	Оренбургская область	+					+							2	+
26	Орловская область	+	+	+		+	+	+		+				7	+
27	Пензенская область[в]	+	+	+		+	+	+	+					7	+
28	Пермский край	+		+		+	+							4	+
29	Приморский край	+		+		+	+							4	
30	Псковская область	+		+		+	+	+	+	+				7	
31	Республика Адыгея	+	+	+	+	+	+		+		+			8	
32	Республика Башкортостан	+		+		+								3	
33	Республика Калмыкия	+	+				+	+						4	+
34	Республика Карелия	+		+		+								3	
35	Республика Марий Эл	+	+					+		+				4	+
36	Республика Мордовия	+	+	+		+	+	+		+				7	+
37	Республика Удмуртия	+		+		+								3	+
38	Ростовская область	+	+	+		+	+	+		+		+		8	+
39	Рязанская область	+		+		+	+	+						5	

Окончние табл. со с. 32

№	Регионы	НДФЛ	ЕСХН	Налог на имущество физических лиц	Налог на имущество организаций	Земельный налог	УСН	Патентная система	Акцизы	Госпошлина	НДПИ	Транспортный налог	Налог на прибыль организаций	Итого (количество налогов в составе потенциала МО)	РНС
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
40	Самарская область	+	+	+		+	+	+						6	+
41	Саратовская область	+	+	+		+		+	+					6	+
42	Смоленская область	+	+				+				+			4	+
43	Тамбовская область	+		+		+								3	+
44	Тверская область	+	+	+		+	+	+						6	
45	Томская область	+		+		+	+							4	
46	Тульская область	+	+	+		+	+							5	
47	Челябинская область	+		+		+	+				+			5	
48	Ульяновская область	+	+	+		+	+	+		+	+			8	+
49	Ямало-ненецкий АО	+					+							2	+
50	ХМАО	+					+	+	+					4	
	Количество регионов, в которых налог входит в состав потенциала МО	50	27	31	7	31	39	30	10	12	6	2	2		27
	Итого по регионам: mean mode median min max													5 4 5 2 9	

[а] перечень только для городских округов;

[б] перечень только для муниципальных округов;

[в] РНС используется для всех налогов, кроме акцизов.

Сокращения: «+» означает, что поступления по данному налогу входят в налоговый потенциал муниципалитетов данного региона; РНС — репрезентативная налоговая система, УСН — налог, взимаемый в связи с применением упрощённой системы налогообложения, Патентная система — налог, взимаемый в связи с применением патентной системы, ЕСХН — единый сельскохозяйственный налог, МО — муниципальное образование, МР — муниципальный район.

Источник: составлено автором по данным сайта Консорциум. Кодекс (электронный фонд актуальных правовых и нормативно-технических документов). URL: https://docs.cntd.ru

Приложение 2

Структура налогового потенциала МО, %[15]

№	Регионы	НДФЛ	ЕНВД до 2022 г.	ЕСХН	НИФЛ	Налог на имущ. орган.	Земельный налог	УСН	Патентная система	Акцизы	Госпошлина	НДПИ	Транспортный налог	Неналоговые доходы
2019 год														
1	Пензенская область	68,3	5,8	0,8	7,2		13,3			4,6				
2	Республика Марий Эл	51,1	36,6	1,2					3,6		7,6			
3	Республика Карелия	80,3	8,9	2,6			8,2							
2021 год														
4	Нижегородская область	62,9						30,5	5,6					
5	Республика Башкортостан	68,0	1,8		12,0		18,0							
6	Ивановская область	93,2						6,8						
7	Брянская область	84,2	4,4	1,7					9,7					
8	Республика Чувашия	83,4	4,8							4,1	7,6			
9	Самарская область	68,4		0,5	10,5		14,5	5,6	0,5					
2022 год														
10	Республика Карелия	85,7			2,8		6,0							5,5
11	Республика Чувашия	87,4								4,9	7,7			
12	Калининградская область	43,3	7,7	3,4	4,5	11,4	8,7	13,3	0,5					7,3
13	Калужская область	52,5				3,8		43,8						
14	Кировская область	63,0			5,5	7,6		19,1						
15	Костромская область	79,8						16,9	3,3					
16	Новгородская область	88,6						11,4						
17	Омская область	62,2		3,4	4,0		12,3	13,0	2,3		2,8			
18	Пермский край	69,9			5,2		13,2						11,7	
19	Саратовская область	78,4		2,7	7,0		9,2		2,7					
20	Смоленская область	86,5		0,2				12,4				0,9		
21	Тверская область	68,9			4,8			9,5	3,7					

Примечание: % определяется как доля налога в налоговом потенциале муниципалитетов региона (взятом за 100%), используемом для расчёта бюджетной обеспеченности МО.
Сокращения: ЕНВД — единый налог на вмененный доход, НИФЛ — налог на имущество физических лиц, НДПИ — налог на добычу полезных ископаемых.

Источник: составлено автором по данным сайтов министерств финансов регионов.

[15] Выборка ограничена открытыми данными министерств финансов регионов. Проблемы, связанные с полнотой и несвоевременностью размещения данных [*Трофимова*, 2022. С. 103].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аузан А.А., Лепетиков А.Д., Ситкевич Д.А. (2022). Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений [*Auzan A.A., Lepetikov A.D., Sitkevich D.A.* (2022). Track and Pendulum: Impact of the Past Dependence Problem on the Dynamics of Institutional Change] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 24–47.

Арлашкин И.Ю. (2020). Сравнительная оценка подходов к расчёту налогового потенциала регионов [*Arlashkin I.Yu.* (2020). Comparative assessment of approaches to calculating tax potential of regions] // *Финансовый журнал*. Т. 12. № 1. С. 58–67.

Барбашова Н.Е. (2019). Использование единой методики при выравнивании бюджетной обеспеченности муниципальных образований [*Barbashova N.E.* (2019). Use of a unified methodology in equalising fiscal capacity of municipalities] // *Финансовый журнал*. №1. С. 44–55.

Бухарский В.В., Лавров А.М. (2020). Жёсткие бюджетные ограничения: теоретические основы и проблематика российских городов [*Bukharskiy V.V., Lavrov A.M.* (2020). Tight Budget Constraints: Theoretical Foundations and Problems of Russian Cities] // *Вопросы государственного и муниципального управления*. №1. С. 7–40.

Бьюкенен Дж. (1997). Границы свободы. Между анархией и Левиафаном [*Buchanan J. M.* (1997). The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan] // *Бьюкенен Дж. (1997). Сочинения. Т. 1.* — М.: Таурус Альфа. С. 207–444.

Зуйкина А.С. (2013). Межбюджетные трансферты: рамки для взаимодействия региона и муниципалитетов (на примере Пермского края) [*Zuykina A.S.* (2013). Interbudgetary transfers: a framework for interaction between the region and municipalities (on the example of Perm Krai)] // *Современный город: власть, управление, экономика.* Т. 1. С. 263–272.

Капелюшников Р.И. (1990). Экономическая теория прав собственности [*Kapelyushnikov R.I.* (1990). Economic Theory of Property Rights]. — М.: ИМЭМО.

Лексин В.Н. (2002). Бюджетная децентрализация: система понятий в контексте мирового опыта [*Leksin V.N.* (2002). Fiscal decentralisation: a system of concepts in the context of global experience] // *Бюджетный федерализм и финансовое управление на местном уровне*: Мат-лы конф. Мирового банка. — СПб.: Изд-во Сев.-Зап. академии государственной службы. С. 14–15.

Норт Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* [*North D.* (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. — М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА». URL: http://cee-moscow.com/doc/izd/North.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

Омелехина Н.В. (2017). Бюджетная система Российской Федерации в системе институтов финансовой безопасности государства [*Omelekhina N.V.* (2017). Budgetary system of the Russian Federation in the system of institutions of financial security of the state] // *Журнал российского права*. №7. С. 81–93.

Олсон М. (2012). *Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры* [*Olson M.* (2012). Power and Prosperity Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. — М.: Новое издательство.

Селигмен Б. (1968). *Основные течения современной экономической мысли* [*Seligmen B.* (1968). The main currents of modern economic thought]. — М.: Прогресс.

Тамбовцев В.Л. (2024). Эволюция институтов или институциональные изменения? [*Tambovtsev V.L.* (2024). Evolution of Institutions or Institutional Change] // *Journal of Institutional Studies* Т. 16. №1. С. 6–21. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.1.006-021.

Трофимова Я.В. (2022). Дизайн информационного пространства дотационной системы региона [*Trofimova Ya.V.* (2022). Design of the information space of the subsidy system of the region] // *Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития*: Мат-лы XII междунар. научно-практ. конф. / ФИЦ «Карельский научный центр РАН. — М.: ООО Первое экономическое издательство. С. 101–105. DOI: 10.18334/9785912924590.101-105.

Трофимова Я.В. (2025а). Налоговый или доходный потенциал — выбор региона [*Trofimova Ya. V.* (2025). Tax or revenue potential — choice of region] // *Налоги.* №1. С. 16–20. DOI: 10.18572/1999-4796-2025-1-16-20.

Трофимова Я.В. (2025б). Институт дотаций — объект финансовой безопасности региона [*Trofimova Ya.V.* (2025). The institution of subsidies — the object of financial security of the region] // *Экономическая безопасность*. 2025. Т. 8. №8 (в печати).

Экономическая безопасность России (2005). [Economic security of Russia] / Под ред. В.К. Сенчагова. — М.: Дело.

Шаститко А.Е. (2010). Новая институциональная экономическая теория. [*Shastitko A.E.* (2010). New institutional economics]. — М.: Теис.

Commons J.R. (1934). *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. — New York, Macmillan. URL: https://archi+e.org/details/institutionaleco0000comm (access date: 10.02.2025).

Cooter R.D. (2000). *The Strategic Constitution* / Berkeley Law Books. Book 3. URL: http://scholarship.law.berkeley.edu/books/3 (access date: 10.05.2025).

Fabre B., Sangnier M. (2025). Where and why do politicians send pork? Evidence from central government transfers to French municipalities // *Journal of Public Economics*. Vol. 241.

He X., Zhang Y. (2024). Keep a watchful eye on both: The impact of the joint terms of ruling party and government leaders on family firm government subsidies // *The British Accounting Review*. 101468.

Kang Y., Lee D., Min S. (2025). Ideology, intergovernmental transfers, and public health spending: Evidence from South Korea // *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 110.

Libman A. (2010) Constitutions, Regulations, and Taxes: Contradictions of different Aspects of Decentralization // *Journal of Comparative Economics.* 38. Pp. 395–418.

Muraközy B., Telegdy Á. (2016). Political incentives and state subsidy allocation: Evidence from Hungarian municipalities // *European Economic Review*. Vol. 89. Pp. 324–344.

Williamson O. (1995). Hierarchies, Markets and Power in the Economy: An Economic Perspective // *Industrial and Corporate Change.* URL: https://www.researchgate.net/publication/5212637 (access date: 1.05.2025).

Трофимова Ярослава Владимировна
tro1@mail.ru

Yaroslava Trofimova
Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Institute of Socio-Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
tro1@mail.ru

INSTITUTION OF SUBSIDIES IN RUSSIA

Abstract. The institution of subsidies in the theory of public choice is presented as a mechanism of consensual decisions by state and municipal authorities, depending on legislative and local initiatives. The subsidy process is characterised by the concepts introduced in the works of D. North, O. Williamson, D. Commons. The indicators for assessing the quality of the Russian institute of subsidies to local governments are identified. On the basis of sample data on fifty regions of Russia in 2019 - 2024, the quality of this institution is assessed. The signs of adaptation in the subsidy institute to external factors from the early 2000s to the present are highlighted. Although strict budget constraints are observed, there is a decrease in transparency, growing uncertainty and transaction costs. As a result, public capital is being eroded, which weakens incentives for local authorities to develop their own sources of revenues, creates opportunities for corruption and voluntarism, and forms a negative public opinion about the process of transfer distribution. It is necessary to change the existing procedures of subsidising by federal and regional authorities and transition to a more effective institutional design in the process of granting subsidies to municipalities.

Keywords: *institutions, subsidies, transparency, stability, regions, municipalities.*
JEL: B25, B52, H71, H77, H81.

А.М. Либман
д.э.н., PhD (Economics), профессор,
Берлинский Свободный университет (Берлин)

ТЕКСТ-КАК-ДАННЫЕ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. Формальные количественные методы анализа текстов – подходы, объединённые общим названием «текст-как-данные» («text-as-data») – играют всё более важную роль в современных общественных науках. В то же время, если в политологии и отчасти в социологии их внедрение является естественным процессом, во многом соответствующим логике развития этих дисциплин, то экономической науке место «text-as-data» неоднозначно. Соответствуя общим тенденциям на освоение постоянно растущего спектра количественных методов, «text-as-data» в то же время противоречат некоторым важным принципам экономической науки — в частности, вниманию к выявленным предпочтениям, а не риторике, и принципам «революции достоверности». Растущая роль «text-as-data» показывает сложный и нелинейный характер прогресса количественных методов в экономике (и в общественных науках в целом).

Ключевые слова: *текст-как-данные, революция достоверности, выявленные предпочтения.*
JEL: B40, B41, N10, Z13
УДК: 303.101.5, 303.43
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_38_48
© А.М. Либман, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Либман А.М.* Текст-как-данные: экономическая перспектива // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 38–48. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_38_48.
FOR CITATION: *Libman A.* Text-as-Data: An Economics Perspective // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 38–48. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_38_48.

Введение

Количественные методы и подходы, использующиеся в общественно-научных дисциплинах, сильно меняются во времени. В некоторых случаях это отражает объективный прогресс науки (скажем, появление новых статистических инструментов анализа), в некоторых — смену «научных мод», а в некоторых — «исчерпание» тех или иных исследовательских повесток дня, на смену которым приходят другие (требующие других инструментов). Тем не менее на протяжении последних десятилетий почти неизменным оставалось то обстоятельство, что экономическая наука являлась ведущей дисциплиной среди общественных наук с точки зрения внедрения новых количественных методов. Многие методы, ставшие сегодня стандартом в политологии или социологии, исходно были «позаимствованы» у экономистов. Так, «революция достоверности» — фокусирование на исследовании причинно-следственных связей как на основном ориентире количественных методов — исходно началась в экономике и лишь впоследствии «перекинулась» на социологию и политологию. Для многих методов количественного анализа — от регрессионного анализа до панельных данных — можно «проследить» их распространение от экономики

к другим дисциплинам (а сама экономика, в свою очередь, опирается на достижения статистики и математики).

Конечно, существуют примеры количественных методов, популярных за пределами экономической науки, но практически не получивших распространение в экономике. Экономисты редко используют многоуровневые модели [*Oshchepkov, Shirokanova*, 2022] или направленные нециклические графы (directed acyclical graphs, DAGs) как способ моделирования причинно-следственных взаимосвязей [*Imbens,* 2020]. Однако в общем и целом экономическая наука стабильно остаётся лидером по использованию формальных методов. Это связано с самим пониманием научности в экономике (если в политологии и социологии сторонники качественных подходов составляют влиятельные фракции в дисциплинах или даже доминируют, в экономике они маргинализованы в рамках отдельных областей гетеродоксии)[1]; с особенностями программ подготовки экономистов (в которых основное внимание уделяется количественным методам и методам как таковым); и с самим характером экономических данных, которые легче поддаются квантификации. Действительно, если, скажем, цены или показатели государственной статистики «естественным образом» носят количественный характер, то объекты исследования других дисциплин — политические системы, программы политических партий, правовые или общественные нормы — существуют в форме текстов или даже неформальных практик поведения, т.е. для их количественного анализа необходимо подвергнуть их трансформации [*Schumpeter,* 1933].

В этой связи особенно интересными представляются примеры, когда экономисты скорее отстают во внедрении принципиально новых количественных исследовательских парадигм по сравнению с неэкономистами. Распространение методов «text-as-data» (текст-как-данные) — формальных подходов к анализу текстов — является таким необычным и в то же время важным примером. «Text-as-data», насколько можно судить, пользуется гораздо большей популярностью в политологии, чем в экономической науке. И хотя в обеих дисциплинах можно найти примеры применения «text-as-data», политологи более активно обращаются к этому инструменту. По некоторым оценкам, методы «text-as-data» становятся «мэйнстримом политической науки» [*Wilkerson, Casas*, 2017], стандартным элементом подготовки аспирантов и политологического анализа в целом.

В настоящей статье мы попытаемся понять, что означает распространение метода (точнее, целого комплекса быстро развивающихся методов) «text-as-data» для экономической науки, и как эти методы (как минимум, потенциально) могут изменить саму экономическую науку. Эта статья не является обзором самих методов «text-as-data» и областей их применения. Нас интересует, скорее, обсуждение «text-as-data» как примера необычных траекторий развития количественных методов в общественных науках, порой противоречащих типичным описаниям их истории и динамики. Помимо факта большего успеха других общественных дисциплин (а не экономической науки) во внедрении нового метода количественного анализа, «text-as-data» показывает и то, что сама по себе логика развития количественных методов часто сильно отличается от упрощённого представления о прогрессе методов, в рамках которого менее совершенные (с точки зрения того или иного стандарта научности) методы замещаются более совершенными.

Текст-как-данные: базовые концепции

Сама по себе идея, лежащая в основе «text-as-data», не нова. Исследование и анализ текстов является, наверное, одним из универсальных элементов общественных и гуманитарных наук, и в нём интуитивно можно выделить два возможных подхода. С одной стороны, тексты могут быть подвергнуты качественному анализу — в этом случае исследователь

[1] Хотя и существуют оптимистические оценки, предполагающие рост их влияния [*Starr*, 2014].

в буквальном смысле читает и интерпретирует текст, пытаясь понять его содержание, логику и аргументацию. С другой стороны, тексты могут быть предметом количественного исследования — в этом случае выделяются те или иные формальные характеристики текстов (например, использование тех или иных слов и выражений, лексических конструкций и т.д.), которые затем сравниваются с другими текстами. Преимущества количественного подхода достаточно очевидны — он, во-первых, позволяет анализировать большие массивы текстов, не читая их (что потребовало бы очень больших затрат времени и усилий), а, во-вторых, свободен от влияния субъективных факторов, ведущих к тому, что различные исследователи на основе одного и того же текста могут сделать разные выводы. В то же время количественный анализ обладает очевидным недостатком — любые формальные характеристики по определению упрощают текст, игнорируя часть его содержания. «Чтение» позволяет гораздо лучше понять текст, чем сравнение его количественных характеристик. Иначе говоря, количественные подходы всегда основаны на достаточно сильных допущениях, которые могут привести к искажению анализа (см., например: [*Baden, Pipal, Schoonvelde, van der Velden,* 2022]).

Расцвет методов «text-as-data» связан с двумя обстоятельствами. Во-первых, последние десятилетия стали периодом резкого роста доступных для формального анализа текстов — как за счёт дигитализации печатных материалов, ставшей основой больших корпусов текстов, так и постоянной генерации текстов в Интернете (в частности, в социальных сетях), наверное, являющейся беспрецедентной в человеческой истории. Не случайно ключевым аспектом революции «text-as-data» является именно анализ цифровых данных [*Brady*, 2019; *Lazer, Radford*, 2017], хотя, конечно, в центре исследования могут находиться и традиционные типы текстов (и их анализ может быть даже более интересным). Во-вторых, растущие компьютерные мощности и разработка методов машинного обучения позволяют использовать более сложные методы для анализа этих текстовых данных, в частности, сокращая влияние субъективных оценок исследователей. Речь может идти об анализе сотен тысяч или даже миллионов текстов — ещё совсем недавно такие проекты были бы технически невозможны.

Можно говорить о своего рода иерархии методов «text-as-data» от чисто качественного «понимания» текстов к безусловно количественным подходам. В работе [*Benoit*, 2020] выделяются два качественных и два количественных подхода к анализу текстов. Первый — анализ дискурсов (discourse analysis) уже упоминался нами и представляет собой «простое» чтение и понимание текстов (слово «простое», безусловно, следует поставить в кавычки, поскольку ничего «простого» в процессе чтения текстов нет — как показывают ограничения, с которыми сталкивается, например, искусственный интеллект в этом отношении). Второй — контент-анализ — основан на выделении исследователем смысловых единиц в тексте и их систематизации. Ключевую роль в данном случае всё равно играет чтение текста, но чтение, не просто ориентированное на понимание содержания текста, а систематически идентифицирующее фрагменты текста, содержащие те или иные аргументы или риторические приёмы.

Третий подход — гибридный количественный — основан на анализе формальных характеристик текста, которые, однако же, исходно определяются исследователями. Самым ярким примером этой группы методов является словарный подход (dictionary approach) — выделение ключевых слов и поиск частоты их употребления и использования в тексте. Например, исследователи политических программ пытаются понять, как часто в тексте упоминаются те или иные ключевые понятия, являющиеся основами определённых идеологий (в 1990-е гг. в России примером могло бы, например, быть словосочетание «радикальная рыночная реформа») или политических позиций. Естественно, выбор слов во многом субъективен и опирается на понимание исследователем типичных структур риторики акторов, которых он изучает, — т. е. или на качественный анализ, или просто на

знание «кейса». Если то или иное понятие находится вне внимания исследователя, то словарный подход никак не поможет выявить соответствующие характеристики риторики.

Наконец, четвёртый подход основан на методах машинного обучения. Его преимущество состоит в полном освобождении от вмешательства исследователя в процесс изучения текстов. Например, так называемый «topic modeling» позволяет выделить типичные темы, встречающиеся в корпусе текстов (на практике речь идёт о сочетаниях слов, типичных для тех или иных тем). «Sentiment analysis» позволяет выделить, какие эмоции обычно сопровождают использование тех или иных слов в тексте (скажем, названия стран или политических групп), упоминаются ли они скорее в позитивном или в негативном ключе. Методы этой четвёртой группы включают в себя, в частности, подходы, позволяющие выявлять латентные характеристики текстов — например, классифицировать тексты по их политическим позициям (см., например: [*Proksch, Slapin,* 2009; *Ash, Gauthier, Widmer,* 2024]).

Задачи работ, использующих методы «text-as-data», можно свести к трём группам вопросов. Во-первых, «text-as-data» пытается *описать* те или иные группы текстов с точки зрения их лингвистических и содержательных особенностей. Речь идёт не только о типичных нарративах или эмоциональной окраске, но и, например, о сложности языка — тема, весьма важная как для речей политиков, так и для стиля научных статей. Во-вторых, исследователи пытаются *классифицировать* доступные тексты, например, исходя из того, какие нарративы (topics) в них господствуют. Как уже было указано выше, современные методы позволяют реализовывать такого рода проекты с минимальными допущениями, вводящимися исследователем. В-третьих, естественным приложением «text-as-data» является *сравнение* текстов (речей, статей, постов в социальных сетях), произведённых теми или иными акторами — например, сравнение риторики стран в Генеральной ассамблее ООН, риторики политических партий или риторики исследователей, принадлежащих к различным научным школам. Собственно говоря, именно последняя задача наиболее важна для общественных наук, ориентированных на тестирование гипотез, — например, как те или иные характеристики «говорящего» влияют на содержание производимых им текстов?

Общей характеристикой всех методов «text-as-data» является, однако же, весьма специфическое восприятие текста: как совокупности слов (bag-of-words). Иначе говоря, первым шагом любого исследования «text-as-data» становится разбивка текста на минимальные единицы (например, слова) и сопоставление текстов, исходя из использующихся в них слов и их сочетаний. Это, вне всякого сомнения, представляет собой весьма упрощённый способ чтения текстов по сравнению с тем, как их читают люди. Однако он позволяет использовать формальные методы для анализа больших корпусов текстов.

В этой связи целесообразо упомянуть и новейшие тенденции в формальном анализе текстов — использование в них искусственного интеллекта (больших лингвистических моделей, LLM). В этом случае, например, LLM используется для классификации текстов: исследователь даёт соответствующее задание (промпт) модели, а она уже распределяет тексты по категориям и выделяет их основные темы. Некоторые исследования показывают, что LLM лучше справляются с этой задачей, чем люди, нанимаемые для аннотации текстов (и, безусловно, использование LLM обходится гораздо дешевле) [*Gilardi, Alizadeh, Kubli,* 2023]. В то же время искусственный интеллект сегодня сам генерирует большие массивы текстов, и такие искусственные массивы также могут представлять интерес для исследователей [*Linegar, Kocielnik, Alvarez,* 2023].

Легко понять, почему методы «text-as-data» так привлекают, например, специалистов в области политической науки [*Grimmer, Stewart*, 2013; *Wikerson, Casas*, 2017]. Для политологии изучение текстов (скажем, программ политических партий, законов, выступлений политиков или пропагандистских документов) — нормальная часть

исследовательской повестки дисциплины. Политологов интересует, например, как политическая риторика сама по себе (её содержание, типичные приёмы, эволюция во времени), так и её способность влиять на поведение политических игроков (например, как те или иные стратегии избирательной кампании содействуют успеху или провалу партий). К тому же во многих случаях у политологов нет выбора, кроме как обратиться к изучению текстов — скажем, опросы или полевые исследования могут быть нереализуемы в тех или иных политических контекстах или связаны с большими издержками. В отсутствие доступных опросных данных привлекательным становится изучение социальных сетей — несмотря на то, что, конечно, посты, которые публикуются в них, не могут считаться корректным отображением предпочтений акторов. Политологи и в прошлом были склонны к генерации количественных данных на основе трансформации текстов: например, существовали (и существуют) большие проекты, посвящённые описанию программ политических партий [*Gemenis*, 2013], пусть и генерировавшиеся «вручную» кодировщиками, читавшими тексты и классифицировавшими их. Сегодня методы «text-as-data» дополняют и совершенствуют такие проекты.

Для экономической науки, однако, ситуация более сложна. Как будет показано в следующем разделе, если для политологии введение методов «text-as-data» в анализ было во многом естественным, то для экономики оно означало довольно существенную трансформацию целого ряда важных направлений развития дисциплины. Логика развития экономической науки (и экономической методологии) во многом направлена в противоположном направлении по сравнению с тем, к которому исследователей «подталкивают» практики «text-as-data».

Текст-как-данные: вызов для экономистов?

Конечно, экономическая наука не может пройти мимо появления столь интересного набора количественных подходов — тем более, что масштабы текстовой информации, которую производит современное цифровое общество и которая может быть использована для исследования, постоянно растут. Огромные массивы данных не могут не привлекать экономистов, и, действительно, в экономической науке «text-as-data» тоже используется всё более и более активно [*Gentzkow, Kelly, Taddy,* 2019; *Loughran, MacDonald,* 2020; *Ash, Hansen,* 2023]. В каком-то смысле интерес к «text-as-data» является частью интереса к большим данным [*Einav, Levin,* 2014], которые в экономике также получают всё большее и большее распространение. В то же время «text-as-data» отличается по своей логике от многих других предшествующих этапов эволюции количественных методов дисциплины.

Экономика как позитивистская дисциплина описывает себя на языке накопления знаний — каждое следующее поколение экономистов, по мнению большинства исследователей, знает об обществе, политике и экономике больше, чем предшествующее. Справедливость такого самоописания для эмпирической экономики может быть оспорена [*Либман*, 2024]; для настоящей статьи, однако же, важно, что подобное описание экономисты применяют и тогда, когда говорят об эволюции *методов* экономической науки. Например, революция достоверности описывает себя как (на настоящий момент) высший этап в развитии эмпирических методов, направленных на выявление причинно-следственных взаимосвязей, т.е. на адекватное тестирование экономических теорий, — от простых корреляций и регрессий к панельным данным и инструментальным переменным к идее эксперимента как «золотого стандарта» экономической науки. Иначе говоря, господствующий нарратив предполагает, что работы экономистов, написанные десятилетием ранее, уступают в качестве современным; методология постоянно совершенствуется. «Text-as-data» во многом выбивается из такого нарратива.

Текст-как-данные и выявленные предпочтения

Общей чертой практически всех общественных наук, кажущейся, на первый взгляд, самоочевидной, является представление о возможности получения информации об объектах исследования — индивидах, их объединениях и институтах — за счёт коммуникации с ними. Для социолога или политолога очевидным представляется начало исследования той или иной темы с попытки понять, что именно *сами участники* того ли иного экономического или общественного явления говорят о причинах и логике своих действий (в некоторых случаях даже определение ключевых понятий следует тому, как их понимают реальные социальные игроки). Конечно же, политологи и экономисты далеки от наивного отношения к этой теме — им прекрасно известно, что люди часто искажают свои предпочтения и мотивы, а их коммуникации (как с исследователями, так и с другими людьми) могут носить стратегический характер. Значительная часть общественных (и, кстати, гуманитарных наук — если вспомнить о концепции «исторической критики» в истории) посвящена именно тому, каким образом можно справиться с различного рода искажениями в доступных нам высказываниях людей — письменных или устных[2].

Экономическая наука представляет собой исключение среди других общественно-научных дисциплин. Её ключевой подход — принципиальное недоверие к любой информации, которую люди сами сообщают о себе. Концепция «cheap talk» предполагает, что слова экономических агентов не могут восприниматься как значимая информация — они игнорируются другими экономическими агентами и, соответственно, должны игнорироваться исследователями ([*Farrell*, *Rabin* 1996]. Многие экономические подходы основываются на том, что агенты будут в общем случае рассматривать риторику других игроков как недостоверный (non-credible) сигнал: «человек экономический» принципиально не верит обещаниям других людей[3]. Для того чтобы сигнал стал достоверным, он должен быть связан с издержками для отправляющего его агента (costly signal), а такие издержки, как полагают экономисты, у простой риторики практически отсутствуют. Иначе говоря, любые слова должны быть подкреплены действиями и лишь в этой ситуации рассматриваться как значимые.

Именно поэтому экономисты традиционно крайне скептически относятся к таким инструментам, как опросы общественного мнения или анализ текстов; вместо этого они предпочитают опираться на методы определения выявленных предпочтений (revealed preferences), т.е. считывать цели агентов, исходя из их поведения и тех решений, которые они принимают (предпочтительно связанных с существенными издержками для агентов) ([*Crawford, De Rock*, 2014]. По мнению экономистов, нет смысла спрашивать агентов об их предпочтениях — последние можно выявить исключительно исходя из того, какие решения они будут принимать[4]. Игроки будут или стратегически манипулировать своими ответами для достижения тех или иных целей, или просто выдавать случайные ответы[5]. Эта же причина объясняет, почему в экспериментальной экономике основное внимание уделяется конкретным

---

[2] Некоторые направления социологии в принципе считают эту цель недостижимой, полагая главной целью исследования анализ того, каким образом люди «конструируют» социальную реальность, а не выявление «подлинных» фактов.

[3] Теория рациональных ожиданий является примером применения этого типа аргументов к макроэкономическим проблемам.

[4] Сказанное не отрицает, что экономисты порой пользуются основанной на опросах информацией [*Boulier*, *Goldfarb*, 1998], но всё же внимание к опросам в экономике в разы меньше, чем в социологии или в политологии.

[5] Кстати сказать, именно это представление о человеческом поведении лежит в основе некоторых аргументов, критикующих плановое хозяйство: начиная с Ф. Хайека, экономисты полагают, что единственным способом обработать большие массивы информации в экономической системе является спонтанная координация игроков в рыночной экономике; любые попытки централизованного сбора информации обречены на провал.

действиям, которые игроки предпринимают в рамках экспериментов, причём игроки должны обязательно получать реальное денежное вознаграждение по итогам своих решений.

Подход «text-as-data» в этом отношении представляет собой принципиальный разрыв с традициями экономической науки — ведь в центре его внимания находится по определению как раз то, что экономисты традиционно отказывались изучать — тексты, т.е. акты коммуникации экономических агентов. С точки зрения более традиционных подходов к экономической науке «text-as-data» представляет собой изучение огромных массивов «cheap talk». Собственно говоря, в этом и состоит проблема для экономистов — с одной стороны, постоянно возрастающий объём текстовой информации делает её изучение для дисциплины, традиционно воспринимающей себя как «самая количественная», весьма привлекательным, а с другой — не очень понятно, как интепретировать полученные выводы с позиций строгих критериев подходов, основанных на выявленных предпочтениях.

Это противоречие может быть разрешено разными способами. С одной стороны, существует набор тем, в которых экономистов действительно интересуют слова — просто в силу того, что в центре их внимания находится как раз вопрос о реакции экономических агентов на слова других агентов (и если есть такая реакция, то каким образом она проявляется). Для исследователей финансовых рынков может быть интересным влияние коммуникации компаний (их пресс-релизов и отчётности) на изменение котировок; для исследователей макроэкономической политики — влияние словесных интервенций центральных банков на поведение рынков. Для поведенческой экономики исследование потенциальной значимости «cheap talk» и склонности экономических агентов всё же реагировать на казалось бы не подкреплённую никакими действиями коммуникацию в принципе является достаточно важной темой [*Charness*, *Grosskopf*, 2004]. В этих условиях использование методов «text-as-data» вполне приемлемо для большинства экономистов.

С другой стороны, «text-as-data» могут использоваться как способ генерации новых массивов данных, описывающих экономическую систему как таковую, т.е. не как инструмент анализа, а как способ получения количественных данных там, где они до этого отсутствовали. Например, в работе [*Baker, Bloom, Davis,* 2016] авторы разрабатывают новый индекс экономической неопределённости, основанный на анализе новостей в СМИ. В работе [*Hoberg, Lewis,* 2017] показывается, что риторика текстовой части финансовой отчётности фирм, публикующих недостоверную информацию, отличается от риторики «добросовестных» фирм. «Text-as-data» могут применяться для оценки масштабов эпидемий в отсутствие адекватных данных статистики, например на основе поисковых запросов в Интернете. В этой ситуации «text-as-data» используется как источник информации об аспектах функционирования экономической системы, для которых в противном случае количественные данные в принципе отсутствовали бы.

Тем не менее, несмотря на то, что, вне всякого сомнения, существуют примеры областей, в которых экономисты вполне открыты к применению методов «text-as-data», проблема соотношения этого подхода с традиционном акцентом на «дела», а не «слова» экономических агентов [*Libman*, 2015] остаётся. «Text-as-data» ставит экономистов перед выбором: или пересмотреть одно из традиционных положений их дисциплины, которое они считали её преимуществом, или отказаться от использования больших массивов данных, в принципе доступных для анализа.

Текст-как-данные и революция достоверности

Как уже упоминалось выше, наверное, ключевым трендом последних лет в эмпирической экономической науке является так называемая революция достоверности — представление об эксперименте как золотом стандарте экономических исследований,

позволяющем выявить причинно-следственные связи между переменными. Такое представление о критериях качества экономики существенным образом повлияло на практику работы экономистов. Большинство из них вместо больших межстрановых исследований, столь типичных для экономики прошлого, основное внимание уделяет поиску и исследованию конкретных, порой весьма специфических ситуаций, в которых или сам экономист может реализовать экспериментальное исследование (полевой эксперимент), или доступные данные могут интерпретироваться как результат эксперимента (естественный эксперимент). Такая тенденция нередко подвергалась критике: результатом становится крайне фрагментированная дисциплина, в которой экономисты часто изучают весьма специфические кейсы, единственным преимуществом которых является их соответствие строгим критериям «революции достоверности».

Конечно, методы «text-as-data» могут применяться в самых различных ситуациях, в том числе и в экспериментах. Однако в общем и целом сам подход, лежащий в основе «text-as-data», противоречит логике революции достоверности — фокус лежит на исследовании доступных массивов данных (и на выявлении закономерностей в них), а не специфических ситуаций, в которых корреляция переменных может интерпретироваться как причинно-следственная связь. Как уже упоминалось, «text-as-data» концентрируется на описании больших массивов текстов, т.е. на чисто дескриптивных задачах, а также на выявлении корреляции между теми или иными характеристиками текстов и их авторов или читателей[6]. Естественно, в политологии и в социологии существует большое число экспериментальных работ, посвящённых анализу влияния тех или иных текстов (риторики, пропаганды или рекламы) на поведение людей — речь идёт о так называемых «опросных экспериментах» (survey experiments)[7]. Но для их проведения не требуется применение методов «text-as-data»: ведь исследователям не нужно сводить к набору переменных большие корпуса текстов (достаточно понять, как конкретные тексты, выбранные ими, влияют на поведение или ответы участников опросных экспериментов).

Таким образом, «text-as-data» представляет собой с точки зрения развития экономической науки отход от принципа использования экспериментов как «критериев качества» количественных исследований. Наоборот, количественные исследования в каком-то смысле возвращаются к своим корням, когда главным фактором их реализации была доступность данных (например, статистической информации), а не наличие интересной и убедительной стратегии идентификации (т.е. выявления причинно-следственных связей). Огромные массивы текстовой информации (например, материалы социальных сетей) содействуют расцвету скорее дескриптивных исследований, чем работ, в центре внимания которых находятся причинно-следственные связи. Интересно, впрочем, что эта проблематика не вполне осознается самими экономистами — так, в статье [*Currie, Kleven, Zwiers,* 2020] развитие методов формального анализа текстов и «революция достоверности» рассматриваются как неразрывно связанные явления[8].

Противоречия между исследованиями, опирающимися на «text-as-data», и революцией достоверности носят даже более фундаментальный характер, чем противоречия, связанные с отказом от акцента на изучении выявленных предпочтений. Последние десятилетия стали

---

[6] К тому же сами по себе методы «text-as-data», сводящие текст к набору переменных, могут порождать специфические проблемы для причинно-следственного анализа [*Egami et al.,* 2022].

[7] В отличие от типичных для экономики лабораторных или полевых экспериментов, в опросном эксперименте участники сталкиваются с *гипотетическим выбором* — например, какой вариант они предпочли бы в той или иной ситуации. Конечно, с точки зрения ортодоксального экономиста речь идёт о типичном «cheap talk».

[8] Интересно, что методы «text-as-data» находят своё применение и в исследовании масштабов самой революции достоверности — насколько её элементы получили распространение в научной литературе [*Goldsmith-Pinkham*, 2024], — а также других аспектов риторики экономистов (скажем, роли политических предпочтений исследователей [*Jevleh, Kogut, Naidu,* 2024]).

периодом фрагментации теоретических основ экономического мейнстрима, неотъемлемой частью которого стала, например, поведенческая экономика [*Colander, Holt, Rosser,* 2004]. С этой точки зрения представление о незначимости словесной коммуникации в экономической науке далеко не столь универсально, как ранее. Те же опросные эксперименты постепенно становятся всё более значимым инструментом и для экономистов, а не только для политологов и социологов. Р. Шиллер считает исследование нарративов (т.е., по сути дела, словесной коммуникации и текстов, которые как раз и являются предметом «text-as-data») важным аспектом современного экономического анализа [*Shiller*, 2017; *Shiller*, 2020]. Однако в ситуации, когда теоретические основы экономической науки делаются более плюралистичными и расплывчатыми, методология экономики, основанная на революции достоверности, становится ещё более важной общей характеристикой дисциплины, в каком-то смысле определяющей её границы. Отказ от экспериментов (и схожих методов) в пользу количественного описания (quantitative description) оказывается вызовом для такого самоопределения экономики — и пока не понятно, каким образом она будет с этим вызовом справляться.

Заключение

Растущая роль методов «text-as-data» в современных общественных науках (в том числе в экономике), вне всякого сомнения, обогащает эти дисцплины как за счёт введения в научный оборот новых данных, так и в связи с появлением возможностей формального анализа данных, ранее доступных исключительно для качественного исследования. В то же время для нас «text-as-data» интересны не просто как метод, а как пример гораздо более сложного характера прогресса общественных наук (и экономической науки), чем тот, который часто постулируется в литературе (и имплицитно признаётся самими экономистами).

Методы «text-as-data», с одной стороны, представляют собой *количественную*, статистическую методологию, обеспечивающую осмысление ещё одного аспекта социальной реальности с использованием количественных данных (и в этом отношении они полностью соответствуют амбициям экономической науки). Но с другой стороны, с точки зрения основных направлений прогресса экономической науки «text-as-data» представляют собой разрыв с господствовавшими на протяжении десятилетий представлениями: вместо фокусирования на выявленных предпочтениях и экспериментальных методах они предполагают акцент на словесной коммуникации, текстах и количественном описании. Распространение «text-as-data», более успешных в политологических исследованиях, чем в экономических, также отчасти меняет традиционную динамику диффузии количественных методов в общественных науках, обычно начинающейся с экономики и позднее распространяющейся на другие дисциплины.

Пример «text-as-data» показывает, что кажущиеся неизменными и очевидными тенденции развития методологии часто не являются таковыми. Они меняются под воздействием или изменений в социальной реальности (в данном случае — появления новых массивов данных), или новых методов, которые оказываются привлекательными для исследователей. Возможно, впоследствии эти трансформации методологии будут рационализироваться в рамках того или иного исторического нарратива, представляющего эволюцию дисциплины как логичный прогресс от более примитивных к более сложным и достоверным методам анализа. Однако речь идёт именно о рационализации ex-post, а не о самой динамике развития дисциплины. Собственно говоря, «text-as-data» не являются уникальным примером таких изменений. Так, сама революция достоверности была основана на отказе от ряда предшествовавших тенденций развития экономической методологии[9]. Скорее всего, такие неожиданные повороты будут встречаться и в будущем.

[9] Речь идёт, в частности, о методах отбора переменных на основе статистических методов [*Leamer*, 2010].

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Либман А. (2024). «Зоопарк» эмпирических результатов: количественные исследования и прирост знания об обществе [*Libman A.* (2024). Zoo of Empirical Results: Quantitative Research and Accumulation of Knowledge in Social Sciences] // *Журнал Новой экономической ассоции*. №4. С. 178–194. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_178-194.

Ash E., Hansen S. (2023). Text algorithms in economics // *Annual Review of Economics*. Vol. 15. No. 1. Pp. 659–688. DOI: 10.1146/annurev-economics-082222-074352.

Ash E., Gauthier G., Widmer P. (2024). Relatio: Text semantics capture political and economic narratives // *Political Analysis*. Vol. 32. No. 1. Pp. 115–132. DOI: 10.1017/pan.2023.8.

Baden C., Pipal C., Schoonvelde M., van der Velden M. A. G. (2022). Three gaps in computational text analysis methods for social sciences: A research agenda // *Communication Methods and Measures*. Vol. 16. No. 1. Pp. 1–18. DOI: 10.1080/19312458.2021.2015574.

Baker S.R., Bloom N., Davis S.J. (2016). Measuring economic policy uncertainty // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 131. No. 4. Pp. 1593–1636. DOI: 10.1093/qje/qjw024.

Benoit K. (2020). Text as data: An overview // *The SAGE handbook of research methods in political science and international relations* / L. Curini, R. Franzese (eds.) Pp. 461–497. DOI: 10.4135/9781526486387.n29.

Boulier B.L., Goldfarb R.S. (1998). On the use and nonuse of surveys in economics // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 5. No. 1. Pp. 1–21. DOI: 10.1080/13501789800000001.

Brady H.E. (2019). The challenge of big data and data science // *Annual Review of Political Science*. Vol. 22. No.1. Pp. 297–323. DOI: 10.1146/annurev-polisci-090216-023229.

Charness G., Grosskopf B. (2004). What makes cheap talk effective? Experimental evidence // *Economics Letters*. Vol. 83. No. 3. Pp. 383–389. DOI: 10.1016/j.econlet.2003.12.007.

Colander D., Holt R., Rosser Jr. B. (2004). The changing face of mainstream economics // *Review of Political Economy*. Vol. 16. No. 4. Pp. 485–499. DOI: 10.1080/0953825042000256702.

Crawford I., De Rock B. (2014). Empirical revealed preference // *Annual Review of Economics*. Vol. 6. No. 1. Pp. 503–524. DOI: 10.1146/annurev-economics-080213-041238.

Currie J., Kleven H., Zwiers E. (2020). Technology and big data are changing economics: Mining text to track methods // *AEA Papers and Proceedings*. Vol. 110. Pp. 42–48.

Egami N., Fong C.J., Grimmer J., Roberts M.E., Stewart B.M. (2022). How to make causal inferences using texts // *Science Advances*. Vol. 8. No. 42. P. eabg2652. DOI: 10.1126/sciadv.abg2652.

Einav L., Levin J. (2014). Economics in the age of big data // *Science*. Vol. 346(6210), 1243089. DOI: 10.1126/science.1243089.

Farrell J., Rabin M. (1996). Cheap talk // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 10. No. 3. Pp. 103–118. DOI: 10.1257/jep.10.3.103.

Gemenis K. (2013). What to do (and not to do) with the comparative manifestos project data // *Political Studies*. Vol. 61(1_suppl). Pp. 3–23. DOI: 10.1111/1467-9248.12015.

Gentzkow M., Kelly B., Taddy M. (2019). Text as data // *Journal of Economic Literature*. Vol. 57. No. 3. Pp. 535–574. DOI: 10.1257/jel.20181020.

Gilardi F., Alizadeh M., Kubli M. (2023). ChatGPT outperforms crowd workers for text-annotation tasks // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 120(30). e2305016120. DOI: 10.1073/pnas.2305016120.

Goldsmith-Pinkham P. (2024). *Tracking the credibility revolution across fields*. arXiv preprint arXiv:2405.20604. DOI: 10.48550/arXiv.2405.20604.

Grimmer J., Stewart B. M. (2013). Text as data: The promise and pitfalls of automatic content analysis methods for political texts // *Political Analysis*. Vol. 21. No. 3. Pp. 267–297. DOI: 10.1093/pan/mps028.

Hoberg G., Lewis C. (2017). Do fraudulent firms produce abnormal disclosure? // *Journal of Corporate Finance*. Vol. 43. Pp. 58–85. DOI: 10.1016/j.jcorpfin.2016.12.007.

Imbens G.W. (2020). Potential outcome and directed acyclic graph approaches to causality: Relevance for empirical practice in economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 58. No. 4. Pp. 1129–1179. DOI: 10.1257/jel.20191597.

Jelveh Z., Kogut B., Naidu S. (2024). Political language in economics // *Economic Journal*. Vol. 134(662). Pp. 2439–2469. DOI: 10.1093/ej/ueae026.

Lazer D., Radford J. (2017). Data ex machina: introduction to big data // *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. No. 1. Pp. 19–39. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053457

Leamer E.E. (2010). Tantalus on the Road to Asymptopia // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 31–46. DOI: 10.1257/jep.24.2.31.

Libman A. (2015). Words or deeds: what matters? On the role of symbolic action in political decentralization // *Empirical Economics*. Vol. 49. Pp. 801–838. DOI: 10.1007/s00181-014-0893-8.

Linegar M., Kocielnik R., Alvarez R.M. (2023). Large language models and political science // *Frontiers in Political Science*. Vol. 5. 1257092. DOI: 10.3389/fpos.2023.1257092.

Loughran T., McDonald B. (2020). Textual analysis in finance // *Annual Review of Financial Economics*. Vol. 12. No. 1. Pp. 357–375. DOI: 10.1146/annurev-financial-012820-032249.

Oshchepkov A., Shirokanova A. (2022). Bridging the gap between multilevel modeling and economic methods // *Social Science Research*. Vol. 104. 102689. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2021.102689.

Proksch S.O., Slapin J.B. (2009). How to avoid pitfalls in statistical analysis of political texts: The case of Germany // *German Politics*. Vol. 18. No. 3. Pp. 323–344. DOI: 10.1080/09644000903055799.

Schumpeter J. (1933). The common sense of econometrics // *Econometrica.* Vol. 1. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.2307/1912225.

Shiller R.J. (2017). Narrative economics // *American Economic Review*. Vol. 107. No. 4. Pp. 967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967.

Shiller R.J. (2020). *Narrative economics: How stories go viral and drive major economic events.* — Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Starr M.A. (2014). Qualitative and mixed-methods research in economics: surprising growth, promising future // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 28. No. 2. Pp. 238–264. DOI: 10.1111/joes.12004.

Wilkerson J., Casas A. (2017). Large-scale computerized text analysis in political science: Opportunities and challenges // *Annual Review of Political Science*. Vol. 20. No. 1. Pp. 529–544. DOI: 10.1146/annurev- polisci-052615-025542.

Либман Александр Михайлович
alexander.libman@fu-berlin.de

Alexander Libman
PhD (Economics), Professor of Russian and East European Politics, Freie Universität, Berlin
alexander.libman@fu-berlin.de

TEXT-AS-DATA: AN ECONOMICS PERSPECTIVE

Abstract. Formal quantitative methods of text analysis — approaches collectively called "text-as-data" — are playing an increasingly important role in contemporary social sciences. At the same time, while their introduction in political science and partly in sociology is a natural process, largely consistent with the logic of the development of these disciplines, the place of "text-as-data" in economics is ambiguous; while corresponding to the general trends towards mastering an ever-growing range of quantitative methods, "text-as-data" at the same time contradicts some important principles of economics — in particular, attention to revealed preferences rather than rhetoric, and the principles of the "credibility revolution". The growing role of "text-as-data" demonstrates the complex and nonlinear nature of the progress of quantitative methods in economics (and in the social sciences in general).

Keywords: *text-as-data, reliability revolution, revealed preferences.*
JEL: B40, B41, N10, Z13.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

О.А. Кислицына
д.э.н., главный научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)

ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ ИЗБЕГАЮТ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ? (Социально-демографические детерминанты и причины избегающего поведения)

Аннотация. Отказ от обращения за необходимой медицинской помощью или избегание посещения медицинских организаций имеет серьёзные негативные последствия для здоровья и накладывает значительное бремя расходов на здравоохранение. Существует ограниченное количество литературы, посвящённой избегающему поведению в этой сфере. Цель данного исследования — изучить распространённость и причины избегающего поведения среди взрослых россиян; выявить факторы, связанные с уклонением от необходимой медицинской помощи, и определить наиболее неблагополучные социально-демографические группы, чаще всего подверженные избегающему поведению в целом и в соответствии с конкретными причинами. Информационная основа исследования — данные Комплексного обследования уровня жизни, проведённого Росстатом в 2022 г. Для оценки детерминант избегающего поведения построены многомерные модели логистической регрессии. Избегание медицинской помощи измеряется посредством вопроса о том, были ли у респондентов такие ситуации, когда они нуждались в медицинском осмотре или консультации с врачом, но не обращались в медицинскую организацию. Ответившим утвердительно предложили выбрать причины, по которым они не обращались за медицинской помощью. Установлено, что почти четверть взрослых россиян воздерживается от посещения врача, несмотря на осознанную потребность в медицинской помощи. Избегающими обращения за медицинской помощью чаще являются женщины, пожилые, имеющие плохое здоровье, среднее или высшее образование, принадлежащие к группе с низкими доходами, занятые, проживающие в городе с населением меньше 1 млн человек или в сельской местности, потребляющие алкоголь или курящие. Среди отказывающихся от медицинской помощи примерно для одной трети основными причинами такого поведения являются неудовлетворительная работа медицинской организации или недоверие эффективности лечения. Пятая и шестая часть избегающих сообщают, соответственно, что у них нет времени и лечение можно получить только на платной основе. Выявлены группы населения, избегающие медицинской помощи по конкретным причинам.

Ключевые слова: *общественное здравоохранение, использование медицинской помощи, избегание медицинской помощи, факторы избегания, причины избегания, Комплексное обследование уровня жизни.*
JEL: D91, I12, I18
УДК: 338.465.4
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_49_64
© О.А. Кислицына, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Кислицына О.А.* Почему россияне избегают медицинской помощи? (Социально-демографические детерминанты и причины избегающего поведения) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 49–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_49_64.

FOR CITATION: *Kislitsyna O.* Why Do Russians Avoid Medical Care? (Socio-Demographic Determinants and Reasons for Avoidance Behavior) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 49–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_49_64.

Введение

Система здравоохранения является важнейшей составляющей общественного благополучия, однако в большинстве стран, в том числе и в России, она сталкивается с рядом значительных проблем, которые затрудняют удовлетворение потребностей различных групп населения. Одна из них — высокая доля людей, которые, несмотря на наличие явных симптомов потребности в медицинской помощи, избегают посещения врачей или получения медицинских услуг. Избегание (*avoidance*) является одной из ключевых концепций для понимания реакции на стресс, которая следует за ожидаемым или пережитым травмирующим событием в здравоохранении [*Byrne,* 2008].

Негативные последствия такого избегающего поведения могут быть весьма серьёзными. Избегание медицинской помощи (уклонение, отказ от медицинской помощи) может привести к ухудшению состояния здоровья пациента, развитию хронических заболеваний и даже преждевременной смерти [*Byrne,* 2008; *Taber, Leyva, Persoskie,* 2015; *Rogers, Vedpathak, Lowe,* 2011; *Moser et al.,* 2006]. Многие заболевания на ранних стадиях поддаются эффективному лечению, но по мере прогрессирования болезни шансы на выздоровление снижаются, а риск осложнений возрастает, что влечёт за собой увеличение нагрузки на семью, рост расходов на медицинское обслуживание, создаёт финансовую нагрузку на систему здравоохранения, так как лечение запущенных заболеваний чаще всего обходится дороже, чем профилактические меры или лечение на ранних стадиях. Кроме того, предыдущие исследования показали, что некоторые группы населения демонстрируют избегающее поведение чаще, чем другие [*Byrne,* 2008; *Taber, Leyva, Persoskie,* 2015; *Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023].

Выделяют несколько моделей, позволяющих объяснить избегающее поведение [*Byrne,* 2008].

В соответствии с моделями поиска (*The information-seeking models*) [*Johnson,* 1997; *Wilson,* 1999], информация, подтверждающая личные убеждения, активно ищется, тогда как противоречащая предыдущим знаниям, личному мнению, убеждениям или ценностям, избегается, может привести к внутреннему дискомфорту или когнитивному диссонансу. Поэтому информация о здоровье или осознание симптомов, не соответствующие системе ценностей человека, может привести к уклонению от обращения за медицинской помощью.

Согласно теории разумного действия (*Theory of Reasoned Action*) [*Ajzen, Fishbein,* 1980], поведение человека определяется его намерениями, в свою очередь, зависящими от двух основных факторов: 1) личные убеждения о результате определённого поведения (например, предположение о том, что обращение в медицинское учреждение приведёт к негативным последствиям (страшный диагноз), снижает вероятность обращения за помощью); 2) социальные нормы (если окружение человека (семья, друзья, общество) считает, что обращаться за медицинской помощью нецелесообразно, то это влияет на его решение).

Теория планируемого поведения (*Theory of Planned Behavior*) [*Ajzen,* 1991] расширяет теорию разумного действия, добавляя третий элемент, также влияющий на намерения и поведение: восприятие человеком своей способности осуществить данное поведение (если человек считает, что у него нет возможности или ресурсов (времени, денег, доступа к медицинским учреждениям) для обращения за помощью, вероятность того, что он это сделает, снижается).

Теория обращения за помощью (*Theory of Care-Seeking Behavior*) [*Lauver,* 1992] сосредоточена на понимании факторов, влияющих на поведение людей: личные факторы (индивидуальные характеристики, такие как пол, возраст, уровень образования, предшествующий опыт обращения за медицинской помощью); семейные и социальные факторы (влияние семьи, друзей и социальной среды на принятие решения о поиске медицинской помощи, включая социальные нормы и поддержку со стороны близких); факторы,

связанные с состоянием здоровья (степень тяжести и длительность симптомов); доступность медицинской помощи (доступ к медицинским учреждениям, наличие медицинской страховки и финансовые аспекты); культурные факторы (влияние культурных убеждений и традиций на восприятие здоровья и обращение за помощью).

Согласно трансстеоретической модели (*Transtheoretical Model*) [*Prochaska, DiClemente, Norcross,* 1992], человек при выборе стратегии поведения проходит несколько последовательных стадий: предразмышление (люди не осознают проблему; в контексте избегания медицинской помощи это может означать, что человек не считает своё состояние серьёзным или не осознает необходимость медицинского вмешательства); размышление (люди начинают осознавать проблему, но ещё не принимают решения; они могут понимать, что им нужна медицинская помощь, но колеблются между желанием обратиться за ней и страхом или сомнением); подготовка (люди готовы к действиям и начинают планировать обращение за медицинской помощью; однако, если они не уверены в своих действиях или сталкиваются с препятствиями, они могут снова вернуться к предыдущим стадиям); действие (люди активно предпринимают шаги для обращения за медицинской помощью; однако, если они сталкиваются с негативным опытом или не получают ожидаемого результата, это может привести к отказу от дальнейших попыток); поддержка (если человек успешно обратился за медицинской помощью, важно, чтобы он продолжал следовать рекомендациям и не возвращался к старым привычкам). Отказ от обращения за медицинской помощью может быть обусловлен различными факторами на каждом из этих этапов. Например, страх перед диагнозом, недоверие системе здравоохранения, финансовые ограничения или недостаток информации могут удерживать человека от обращения за помощью.

Наконец, согласно поведенческой модели использования медицинских услуг (*Behavioral Model of Health Services Use* или *Behavioral Model of Utilization*) [*Aday, Andersen,* 1974; *Phillips, Morrison, Andersen, Aday,* 1998], поведение людей в сфере здравоохранения зависит от множества факторов, включая социальные, экономические и культурные условия, а также взаимодействие с поставщиками медицинских услуг.

Основные компоненты модели включают [*Phillips, Morrison, Andersen, Aday,* 1998; *Andersen,* 1995]:

1) характеристики населения: *a*) предрасполагающие факторы (влияют на потребности и предпочтения людей в отношении медицинских услуг: демографические характеристики, социальные и культурные аспекты); *b*) способствующие факторы (способствуют или препятствуют доступу к медицинской помощи); *c*) факторы потребности (характеристики здоровья);

2) переменные, связанные с поставщиком медицинских услуг: *a*) характеристики пациента, на которые могут влиять поставщики услуг (например, удобство получения медицинской помощи, опыт предыдущего использования услуг и их стоимость); *b*) характеристики поставщика, взаимодействующие с характеристиками пациента и влияющие на использование медицинской помощи (квалификация медиков, их отношение к пациентам, доступность времени для приёма);

3) характеристики среды, включая: *a*) характеристики системы оказания медицинских услуг; *b*) факторы внешней среды; *c*) факторы, обеспечивающие доступность на уровне сообщества.

Таким образом, избегание медицинской помощи связано со множеством факторов, включая индивидуальные характеристики людей, характеристики поставщиков медицинских услуг и системы здравоохранения в целом.

Несмотря на свою важность, избегающее поведение в здравоохранении и его причины не были должным образом проанализированы [*Byrne,* 2008; *Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023]. Большая часть исследований сосредоточена на изучении США [*Byrne,* 2008*; Kannan, Veazie,* 2014; *Leyva, Taber, Trivedi,* 2020; *Bista, Yu, Shete, Shastri,* 2021]. Однако мало что известно об

избегании медицинской помощи в России. Нам удалось найти всего несколько исследований на эту тему [*Калинкин и др.,* 2013*; Стародубов, Меньшикова, Сененко, Зубко,* 2022]. При том, что проблема избегающего поведения в здравоохранении весьма актуальная для нашей страны — доля населения, не обращающегося в медицинские организации при наличии потребности в медицинской помощи, на протяжении последних десяти лет стабильно составляет около трети: в 2014 г. — 33,6%, в 2016 г. — 33,0, в 2018 г. — 34,5, в 2020 г. — 29,2% [*Стародубов, Меньшикова, Сененко, Зубко,* 2022].

Это исследование является попыткой восполнить пробел в литературе: изучить распространённость и причины избегающего поведения среди взрослых россиян; выявить факторы, связанные с уклонением от необходимой медицинской помощи, и определить наиболее неблагополучные социально-демографические группы, чаще всего подверженные избегающему поведению в целом и в соответствии с конкретными причинами.

Данные и методы

Информационная основа исследования — данные Комплексного обследования уровня жизни населения (КОУЖ)[1], проведённого в 2022 г., в ходе которого опрошены 123 тыс. человек, из которых для дальнейшего анализа отобраны респонденты в возрасте 18 лет и старше (около 100 тыс. человек).

Зависимые переменные

Респондентам задан вопрос: «Были ли у Вас в этом году такие ситуации, когда Вы нуждались в медицинском осмотре или консультации с врачом, но не обращались в медицинскую организацию?». Ответившие утвердительно закодированы как избегающие медицинской помощи. Следующий вопрос задан только тем, кто не обращался в медицинскую организацию, несмотря на потребность в этом. Участникам опроса предложили выбрать причины, по которым они отказались от обращения за помощью. Они включали: 1) «не рассчитываю на эффективное лечение» (нет нужных специалистов, необходимых медикаментов или оборудования); 2) «не удовлетворяет работа медицинской организации» (необходимость предварительной записи, большие очереди, невнимательное отношение, плохие условия приёма или содержания больных); 3) «не могу добираться до медицинской организации без посторонней помощи»; 4) «тяжело добраться до медицинской организации»; 5) «не располагаю информацией о том, где можно получить необходимую медицинскую помощь»; 6) «не было времени»; 7) «необходимое лечение можно получить только на платной основе». Можно выбрать несколько причин. На основе ответов сконструированы семь зависимых переменных, принимающих значение 1, если человек избегает необходимой медицинской помощи по соответствующей причине, и ноль в противном случае.

Независимые переменные

В соответствии с поведенческой моделью [*Andersen,* 1995] в качестве независимых переменных рассмотрены индивидуальные характеристики респондентов, доступные в обследовании, представляющие три группы:

- предрасполагающие факторы, создающие условия для обращения за медицинской помощью: пол (мужчина / женщина); возраст (18–39, 40–54, 55–64, 65 и старше); семейное положение (состоящие в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) / одинокие (вдовые, разведённые, никогда не состоявшие в браке));

[1] Федеральная служба государственной статистики. Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html.

- способствующие или препятствующие использованию медицинских услуг факторы: социально-экономический статус, включающий уровень душевого денежного дохода (Q1 — самая бедная 25% группа, Q2, Q3, Q4 — самая богатая 25% группа), уровень образования (низкое / среднее / высокое), статус занятости (работает / не работает); а также тип поселения (мегаполис (1 млн и больше жителей) / большой город (250 тыс. — 1 млн) / средний или малый город (менее 50 тыс. — 250 тыс.) / село);
- факторы потребности, отражающие потребность в медицинской помощи, среди которых здоровье и факторы риска для здоровья: самооценка здоровья по пятибалльной шкале, дихотомизированная как плохое (плохое / очень плохое) и неплохое (очень хорошее / хорошее / удовлетворительное) здоровье; курение (не курит / курил, но бросил / курит) и потребление алкоголя (да / нет).

Многомерные логистические регрессии использовались для дальнейшего анализа, который был проведён в два этапа, на первом из которых выявлены факторы, связанные с тем, что респондент отказывается от необходимой медицинской помощи (табл. 1). На втором определены факторы, связанные с каждой из семи причин избегающего поведения (табл. 2).

Таблица 1
Многомерная модель логистической регрессии избегания медицинской помощи (коэффициенты шансов (OR) с 95%-ми доверительными интервалами (CI))

	OR	CI
Пол (женщины vs мужчины)	1,68***	(1,61–1,74)
Возраст		
40–54 vs 18–39	1,27***	(1,22–1,33)
55–64 vs 18–39	1,53***	(1,46–1,61)
65 и старше vs 18–39	1,78***	(1,69–1,88)
Семейное положение (одинокий vs в браке)	1,05	(0,98–1,05)
Образование		
среднее vs низкое	1,15***	(1,11–1,20)
высшее vs низкое	1,09**	(1,04–1,14)
Доход		
Q1 vs Q4	1,24***	(1,18–1,30)
Q2 vs Q4	1,24***	(1,19–1,30)
Q3 vs Q4	1,16***	(1,11–1,21)
Занятость (работает vs не работает)	1,05*	(1,01–1,10)
Тип поселения		
большой город vs мегаполис	1,39***	(1,31–1,48)
средний и малый город vs мегаполис	1,33***	(1,26–1,39)
село vs мегаполис	1,16***	(1,10–1,22)
Здоровье (плохое vs неплохое)	2,11***	(2,01–2,16)
Потребление алкоголя (да vs нет)	1,70***	(1,64–1,76)
Курение		
курил, но бросил vs не курит	1,28***	(1,22–1,35)
курит vs не курит	1,19***	(1,14–1,24)

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
Источник: расчёты автора.

Таблица 2

Многомерные модели логистической регрессии избегания медицинской помощи в соответствии с конкретными причинами среди участников опроса, не обращавшихся за медицинской помощью, несмотря на потребность в ней (коэффициенты шансов (OR) с 95%-ми доверительными интервалами (CI))

	Недоверие эффективности лечения	**Неудовлетворительная работа медицинской организации**	**Отсутствие времени**	**Платность лечения**	**Тяжело добираться до врача без помощи**	**Тяжело добраться до медицинской организации**	**Отсутствие информации**
Пол (женщины vs мужчины)	1,08* (1,01–1,16)	1,15*** (1,07–1,24)	1,00 (0,92–1,09)	1,23*** (1,12–1,34)	0,84 (0,68–1,03)	1,00 (0,85–1,18)	1,07 (0,79–1,45)
Возраст							
40–54 vs 18–39	1,32*** (1,21–1,44)	1,03 (0,95–1,12)	0,79*** (0,72–0,86)	1,27*** (1,14–1,41)	1,43 (0,98–1,10)	1,55*** (1,18–2,05)	1,05 (0,73–1,50)
55–64 vs 18–39	1,45*** (1,32–1,60)	1,24*** (1,13–1,36)	0,50*** (0,45–0,56)	1,50*** (1,34–1,69)	0,82 (0,57–1,18)	1,93*** (1,48–2,52)	0,93 (0,62–1,39)
65 и старше vs 18–39	1,31*** (1,17–1,46)	1,18* (1,06–1,31)	0,21*** (0,18–0,25)	1,15* (1,01–1,31)	1,58** (1,41–4,00)	2,97*** (2,28–3,86)	0,83 (0,54–1,28)
Семейное положение (одинокие vs в браке)	0,95 (0,89–1,01)	0,90*** (0,85–0,96)	0,90** (0,83–0,97)	1,00 (0,94–1,09)	1,94*** (1,64–2,29)	1,52*** (1,34–1,74)	0,89 (0,69–1,16)
Образование							
среднее vs низкое	1,13** (1,05–1,22)	1,06 (0,99–1,14)	0,99 (0,89–1,09)	1,12* (1,02–1,22)	0,60*** (0,52–0,70)	0,88* (0,76–1,00)	0,93 (0,68–1,28)
высшее vs низкое	1,15** (1,04–1,26)	1,02 (0,93–1,11)	1,19*** (1,06–1,34)	1,19*** (1,07–1,33)	0,50*** (0,34–0,63)	0,81* (0,67–0,98)	1,13 (0,78–1,63)
Занятость (работает vs не работает)	0,91 (0,83–0,99)	0,97 (0,89–1,06)	2,54*** (2,26–2,84)	0,97 (0,88–1,08)	0,20*** (0,14–0,28)	0,56*** (0,45–0,68)	0,61** (0,42–0,87)
Доход							
Q1 vs Q4	1,03 (0,94–1,14)	1,14** (1,04–1,25)	0,94 (0,84–1,05)	1,15* (1,02–1,29)	0,74 (0,55–0,99)	1,57*** (1,25–1,96)	0,49*** (0,33–0,73)
Q2 vs Q4	1,12* (1,02–1,23)	1,19*** (1,09–1,30)	0,85** (0,77–0,95)	1,15* (1,03–1,29)	0,79 (0,60–1,04)	1,33* (1,05–1,68)	0,50*** (0,34–0,75)

Окончание табл. 2

	Недоверие эффективности лечения	**Неудовлетворительная работа медицинской организации**	**Отсутствие времени**	**Платность лечения**	**Тяжело добираться до врача без помощи**	**Тяжело добраться до медедицинской организации**	**Отсутствие информации**
Q3 vs Q4	1,00 (0,92–1,10)	1,17*** (1,08–1,28)	0,88** (0,80–0,98)	1,04 (0,93–1,16)	0,94 (0,71–1,23)	1,23 (0,97–1,55)	0,58** (0,41–0,83)
Тип поселения							
большой город vs мегаполис	1,12 (0,99–1,27)	1,24*** (1,11–1,38)	0,60*** (0,53–0,68)	1,04 (0,90–1,21)	1,31 (0,95–1,80)	0,94 (0,72–1,22)	0,85 (0,55–1,31)
средний и малый город vs мегаполис	1,84*** (1,66–2,04)	1,23*** (1,12–1,35)	0,48*** (0,43–0,53)	1,36*** (1,21–1,54)	1,01 (0,76–1,34)	0,65*** (0,52–0,82)	0,82 (0,58–1,18)
село vs мегаполис	1,11 (0,99–1,24)	0,62*** (0,56–0,69)	0,51*** (0,45–0,57)	0,98 (0,86–1,13)	1,54** (1,15–2,05)	1,57*** (1,25–1,96)	0,76 (0,50–1,15)
Здоровье (плохое vs неплохое)	1,46*** (1,34–1,60)	1,24*** (1,13–1,35)	0,38*** (0,29–0,47)	1,48*** (1,34–1,64)	5,20*** (4,45–6,06)	2,29*** (2,01–2,61)	1,29 (0,91–1,84)
Потребление алкоголя (да vs нет)	1,13*** (1,05–1,21)	1,29*** (1,21–1,38)	1,08 (0,99–1,18)	1,08 (0,99–1,17)	0,50*** (0,42–0,60)	0,71*** (0,62–0,81)	0,84 (0,63–1,12)
Курение							
курил, но бросил vs не курит	1,16** (1,05–1,29)	1,16** (1,06–1,28)	1,11 (0,98–1,25)	1,21** (1,07–1,36)	1,07 (0,83–1,39)	1,15 (0,93–1,42)	1,23 (0,82–1,86)
курит vs не курит	1,10* (1,01–1,20)	1,15* (1,06–1,24)	1,07 (0,98–1,18)	0,97 (0,88–1,08)	1,03 (0,79–1,34)	0,93 (0,76–1,14)	1,39 (0,99–1,96)

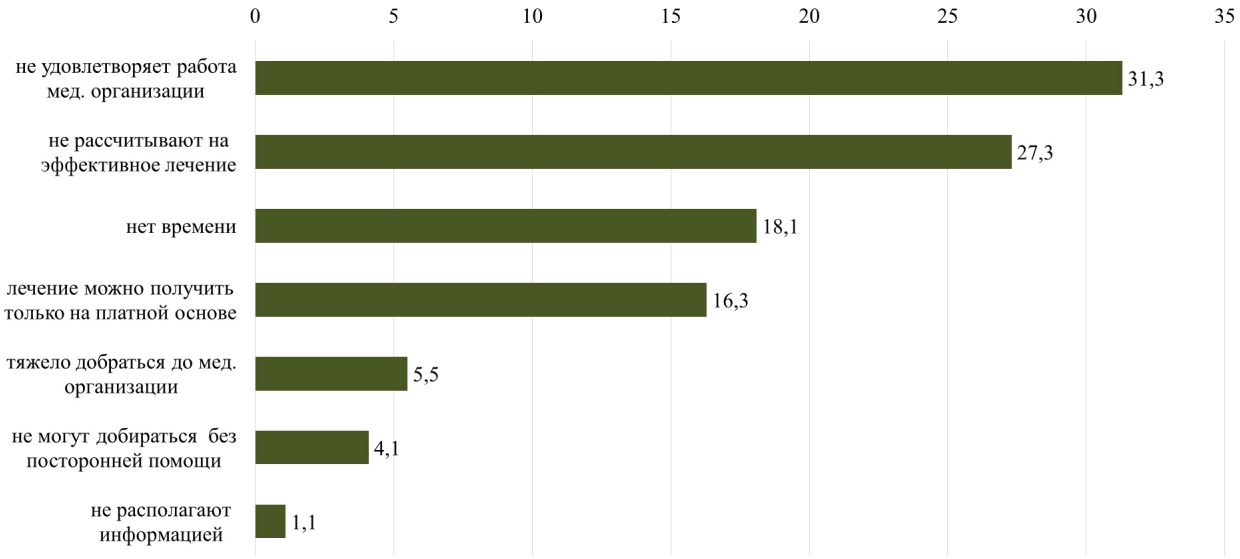
* p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

Источник: расчёты автора.

Результаты

Установлено, что 23,6% участников опроса в течение года не обращались в медицинскую организацию, несмотря на потребность в ней. Основные причины избегания медицинской помощи представлены на рис. 1:

1) не удовлетворяет работа медицинской организации (31,3%);
2) не рассчитывают на эффективное лечение (27,3%);
3) нет времени (18,1%);
4) необходимое лечение можно получить только на платной основе (16,3%);
5) тяжело добраться до медицинской организации (5,5%);



Примечание: В сумме не 100%, так как можно выбрать несколько причин.

Рис. 1. Распространённость основных причин избегания медицинской помощи среди участников опроса, не обращавшихся за медицинской помощью, несмотря на потребность в ней, %

Источник: расчёты автора.

6) не могут добираться до медицинской организации без посторонней помощи (4,1%);
7) не располагают информацией о том, где можно получить необходимую медицинскую помощь (1,1%).

В табл. 1 представлены результаты многомерной логистической регрессии, прогнозирующей факторы, определяющие решение респондентов воздержаться от обращения за медицинской помощью. Установлено, что уклонение от обращение к врачу связано с полом, возрастом, образованием, доходом, занятостью, типом поселения, состоянием здоровья и поведением, оказывающим на него влияние (курением и потреблением алкоголя) (табл. 1). Наблюдается почти двукратный риск избегающего поведения среди тех, кто имеет плохое здоровье (OR=2,11 CI:2,01-2,16). Чем старше респонденты, тем выше для них вероятность отказа от необходимой медицинской помощи: например, по сравнению с теми, кому 18-39 лет, риск избегающего поведения почти в 2 раза выше для тех, кому 65 лет и больше (OR=1,78 CI:1,69-1,88). Женщины почти в 1,7 раз (OR=1,68 CI:1,61-1,74) более склонны отказываться от посещения медицинской организации, чем мужчины. По сравнению с лицами с месячным душевым доходом домохозяйства, попадающим в четвёртый квартиль (Q4-самые богатые), те, чьи доходы входят в первый и второй квартиль, в 1,2 раза более склонны избегать медицинской помощи (OR=1,24 OR:1,18-1,30 для Q1 и OR=1,24 CI:1,19-1,30 для Q2). По сравнению с низко образованными, имеющие средний (OR=1,15 CI:1,11-1,20) и высокий (OR=1,09 CI:1,04-1,14) уровень образования с большей вероятностью уклоняются от медицинской помощи. Занятость немного повышала риск отказа от обращения к врачу (OR=1,05 CI:1,01-1,10). Проживающие в большом (OR=1,39 CI:1,31-1,48), малом или среднем (OR=1,33 CI:1,26-1,39) городе и в сельской местности (OR=1,16 CI:1,10-1,22) с большей вероятностью избегают медицинской помощи по сравнению с жителями городов-миллионников. Увеличивают риск избегающего поведения потребление алкоголя — в 1,7 раз (OR=1,70 CI:1,64-1,76), курение в прошлом — в 1,3 раза (OR=1,28 CI:1,22-1,35), текущее курение — в 1,2 раза (OR=1,19 CI:1,14-1,24).

В табл. 2 представлены результаты многомерной логистической регрессии для семи причин уклонения от медицинской помощи среди участников опроса, не обращавшихся за ней, несмотря на осознанную потребность.

Женщины, по сравнению с мужчинами, с большей вероятностью отказываются от медицинской помощи из-за того, что необходимое лечение можно получить только на платной основе (OR=1,23 CI: 1,12-1,34), не удовлетворяет работа медицинской организации (OR=1,15 CI:1,07-1,24), не рассчитывают на эффективное лечение (OR=1,08 CI:1,01-1,16).

Чем старше участники опроса, тем с большей вероятностью они избегают лечения из-за трудностей в доступе к медицинской организации (например, для лиц в возрасте 65 лет и старше OR=2,97 CI:2,28-3,86). Для самой старшей возрастной группы наблюдается высокий риск отказа от необходимого лечения по причине того, что некому помочь добраться до медицинского учреждения (OR=1,58 CI:1,41-4,00). Возраст 40 лет и старше, особенно для возрастной группы 55-64 лет, связан с риском избегающего поведения по причине необходимости платить за лечение (OR=1,50 CI:1,34-1,69), недоверия эффективности лечения, (OR=1,45 CI:1,32-1,60 и неудовлетворительной работы медицинской организации (OR=1,24 CI:1,13-1,36). Чем старше участники опроса, тем реже они уклоняются от медицинской помощи из-за нехватки времени.

Отсутствие семейного партнёра увеличивает риск избегающего поведения в 2 раза (OR=1,94 CI:1,64-2,29) из-за того, что респонденты не могут добираться до медицинской организации без помощи и в 1,5 раз (OR=1,52 CI:1,34-1,74) из-за трудностей с доступом до медицинского учреждения, при этом одинокие, по сравнению с состоящими в браке, с меньшей вероятностью уклоняются от медицинской помощи по причине отсутствия времени и неудовлетворительной работы медицинского учреждения.

По сравнению с низко образованными, получившие среднее и высокое образование с большей вероятностью избегают медицинской помощи по причине необходимости платить за лечение (соответственно, OR=1,12 CI:1,02-1,22 и OR=1,19 CI:1,07-1,33), недоверия эффективности лечения (OR=1,13 CI:1,05-1,22 и OR=1,15 CI:1,04-1,26). Высокое образование связано с отказом от необходимой медицинской помощи из-за отсутствия времени (OR=1,19 CI:1,06-1,34). При этом более высокий уровень образования снижает риск избегающего поведения из-за трудности доступа к медицинской организации, в том числе, по причине отсутствия помощи.

Имеющие душевые денежные доходы домохозяйства ниже четвёртого квартиля Q4 с большей вероятностью избегают медицинской помощи из-за трудности с доступом (например, для Q1 OR=1,57 CI:1,25-1,33), неудовлетворительной работы медицинской организации (для Q1 OR=1,14 CI:1,04-1,25), платности лечения (для Q1 OR=1,15 CI:1,02-1,29). Низкие доходы с меньшей вероятностью связаны с избегающим поведением по причине отсутствия информации и времени.

Занятость в 2,5 раза (OR=2,54 CI:2,26-2,84) увеличивает риск отказа от необходимой медицинской помощи из-за отсутствия времени, но снижает вероятность избегающего поведения по причине трудности доступа к медицинской организации — на 44%, в том числе из-за отсутствия помощи — на 80, отсутствия информации — на 39%.

У респондентов, проживающих в сельской местности, риск избегающего поведения в 1,6 раз выше, по сравнению с жителями мегаполисов, из-за трудности с доступом к медицинским учреждениям (OR=1,57 CI:1,25-1,96), в том числе по причине отсутствия помощи (OR=1,54 CI:1,15-2,05). В то же время сельские жители с меньшей вероятностью уклоняются от обращения к врачу из-за отсутствия времени — на 49% и неудовлетворительной работы медицинской организации — на 38%. По сравнению с проживающими в мегаполисах, жители больших городов чаще отказываются от необходимой медицинской помощи из-за неудовлетворительной работы медицинской организации (OR=1,24 CI:1,11-1,38) и реже из-за отсутствия времени. Риск избегающего поведения увеличивается для проживающих в средних и малых городах по причине того, что они не рассчитывают на эффективное лечение (OR=1,84 CI:1,66-2,04), не удовлетворены работой медицинской

организации (OR=1,23 CI:1,12-1,35), из-за платности лечения (OR=1,36 CI: 1,21-1,54), и снижается из-за отсутствия времени — на 52 и трудности доступа — на 35%.

Плохое здоровье увеличивает вероятность отказа от необходимой медицинской помощи по всем причинам, кроме отсутствия времени и информации, особенно из-за того, что респонденты испытывают трудности с доступом к медицинской организации (OR=2,29 CI:2,01-2,61) и не могут добираться до неё без посторонней помощи (OR=5,20 CI:4,45-6,06).

Потребление алкоголя связано с отказом от врачебной помощи из-за неудовлетворительной работы медицинской организации (OR=1,29 CI:1,21-1,38) и отсутствия веры в эффективность лечения (OR=1,13 CI:1,05-1,21). Потребляющие алкоголь реже указывают трудности с доступом к медицинскому учреждению, в том числе из-за отсутствия помощи в качестве причины избегающего поведения.

Курение в прошлом и в настоящее время увеличивают вероятность отказа от медицинской помощи из-за недоверия эффективности лечения (соответственно, OR=1,16 CI:1,05-1,29 и OR=1,10 CI:1,01-1,20) и неудовлетворительной работы медицинской организации (OR=1,16 CI:1,06-1,28 и OR=1,15 CI:1,06-1,24). Дополнительно, курение в прошлом связано с избегающим поведением по причине платности лечения (OR=1,21 CI:1,07-1,36).

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что почти четверть россиян отказывается от посещения врача, несмотря на осознанную потребность в медицинской помощи, что заметно выше, чем, например, в Турции (13,7%) [*Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023], почти столько же, сколько в Швеции (24%) [*Westin, Ahs, Bränd Persson, Westerling,* 2004], но ниже, чем в США (30-31%) [*Bista, Yu, Shete, Shastri, 2021*; *Kannan, Veazie,* 2014]. На избегающее поведение в разных странах могут влиять различный доступ к медицинской помощи, медицинское страхование, эффективность системы здравоохранения, а также различные характеристики на индивидуальном уровне [*Kang, Li, Du,* 2023].

Результат исследования, вызывающий особую тревогу, показал, что примерно для одной трети респондентов, отказывающихся от необходимой медицинской помощи, основными причинами такого поведения являются неудовлетворительная работа медицинской организации или недоверие эффективности лечения. Это свидетельствует о проблеме общественного здравоохранения в России. Похожий результат получен в Швеции [*Westin, Ahs, Bränd Persson, Westerling,* 2004], где самой распространённой причиной уклонения от посещения врача, несмотря на предполагаемую потребность в медицинской помощи, о которой сообщила треть опрошенных, является неверие в пользу визита к врачу, и в США [*Taber, Leyva, Persoskie,* 2015], где среди причин отказа от обращения за медицинской помощью на первом месте называются факторы, связанные с врачами и организацией здравоохранения. Далее следуют отсутствие времени и экономические причины, что соответствует полученным в проведённом исследовании результатам.

Избегающие медицинской помощи с большей вероятностью принадлежат к особо уязвимым группам населения: женщины, пожилые, имеющие плохое здоровье, низкие доходы. Кроме того, отказывающиеся от медицинской помощи с большей вероятностью получили среднее или высшее образование, работают, проживают в городе (не мегаполисе) или в сельской местности, имеют вредные для здоровья привычки (курение или потребление алкоголя).

Полученные результаты во многом подтверждают выводы других исследователей. Влияние уровня дохода на избегающее поведение схоже во многих исследованиях: имеющие более низкий доход с большей вероятностью уклоняются от медицинской помощи (например, [*Kannan, Veazie,* 2014; *Sulku, Tokatlioglu,* 2023; *Vilhjalmsson,* 2021; *Sulku, Tokatlioglu, Cosar,*

2023]). Анализ показал, что трудности с доступом к медицинской организации, вероятно, обусловленные удалённостью медицинских учреждений, недостатком средств на транспорт и/или его нехваткой в регионе; неудовлетворённость работой медицинской организации и платность лечения являются главными препятствиями для обращения за помощью среди групп с низкими и средними доходами по сравнению с высокообеспеченными.

Одним из наиболее поразительных результатов исследования является отказ от необходимой медицинской помощи респондентов с плохим здоровьем. Аналогичные результаты получены многими другими авторами (например, [*Sulku, Tokatlioglu,* 2023*; Splinter et al.,* 2021; *Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023]). Избегание медицинской помощи среди этой категории лиц может иметь серьёзные последствия как для самих людей, так и для системы здравоохранения в целом. В литературе нет единого мнения относительно причин связи плохого здоровья и избегающего поведения [*Sulku, Tokatlioglu,* 2023]. Предполагается, что влияние оказывает стоимость лечения, страх перед лечением, мысли о смерти, негативное отношение к врачам, неблагоприятный опыт общения с поставщиками медицинских услуг. Проведённое исследование позволило установить, что люди с плохим здоровьем отказываются от обращения за медицинской помощью по причине сложностей в доступе, в том числе из-за отсутствия посторонней помощи, видимо, вследствие физических ограничений, отдалённости медицинских учреждений и/или отсутствия транспорта; платности лечения; недостатка доверия системе здравоохранения, выражающегося в неверии в эффективность лечения и неудовлетворённости медицинской организацией, что, возможно, связано с негативным опытом в прошлом.

Относительно других факторов наблюдаются разноречивые результаты. Например, установлено, что женщины с большей вероятностью избегают медицинской помощи, что соответствует результатам в Турции [*Sulku, Tokatlioglu,* 2023; *Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023], Нидерландах [*Splinter et al.,* 2021], Швеции [*Westin, Ahs, Bränd Persson, Westerling,* 2004], но противоречит результатам в США [*Spleen, Lengerich, Camacho, Vanderpool,* 2014; *Taber, Leyva, Persoskie,* 2015*; Bista, Yu, Shete, Shastri,* 2021]. Избегающее поведение среди женщин может быть обусловлено рядом факторов. Многие женщины, особенно матери, могут ставить заботу о семье выше своих собственных потребностей, откладывая визиты к врачу. Кроме того, женщины могут чаще отказываться от обращения за медицинской помощью по экономическим причинам. Такие факторы, как высокие расходы на лечение могут влиять на их решение. Что и установлено в этом исследовании — необходимость платить за лечение у женщин находится на первом месте среди причин отказа от медицинской помощи. Аналогичный результат получен в другом исследовании [*Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023].

Проведённое исследование продемонстрировало, что вероятность избегания медицинской помощи увеличивается с возрастом, что подтверждает выводы одних исследователей [*Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023; *Reisinger, Moss, Clark,* 2018; *Splinter et al.,* 2021], но противоречит выводам других [*Spleen, Lengerich, Camacho, Vanderpool,* 2014; *Bista, Yu, Shete, Shastri,* 2021; *Ratnapradipa, Jadhav, Kabayundo, Wang, Smith,* 2023]. Уклонение от необходимой медицинской помощи среди пожилых вызывает обеспокоенность, так как это, как правило, люди, имеющие проблемы со здоровьем, особые медицинские и социальные потребности, требующие большего участия медицинского персонала [*Leyva, Taber, Trivedi,* 2020]. Установлено, что основными причинами избегающего поведения среди пожилых являются невозможность добраться до медицинской организации, в том числе без посторонней помощи; платность лечения, недоверие эффективности лечения и неудовлетворённость работой медицинской организации. Более ранние исследования показывают, что отказ от медицинской помощи среди пожилых людей в значительной степени связан с воспринимаемым качеством медицинской помощи и отношениями с поставщиками медицинских услуг (например, общением и взаимопониманием) [*Leyva, Taber, Trivedi,* 2020].

Одни исследователи показали, что избегающее поведение чаще наблюдается среди лиц с более высоким уровнем образования, что согласуется с проведённым анализом [*Farina, Ailshire,* 2022; *Zhong, Huisingh-Scheetz, Huang,* 2022; *Kang, Li, Du,* 2023], однако противоречит другим исследованиям, обнаружившим, что низкий уровень образования, скорее всего, связан с отказом от обращения за медицинской помощью [*Westin, Ahs, Bränd Persson, Westerling,* 2004; *Splinter et al.,* 2021]. Исследователи предположили, что избегание медицинской помощи среди взрослых с более высоким уровнем образования может отражать потребности в уходе: хорошо образованные взрослые могут откладывать плановые приёмы или необязательную/несрочную помощь [*Farina, Ailshire,* 2022]. К этой гипотезе можно добавить, что к избегающему поведению среди более образованных респондентов может привести высокий уровень занятости и стресс, связанные с работой; более высокие ожидания от медицинских услуг, которые, в случае их неудовлетворения, могут приводить к избегающему поведению; доступ к большему объёму информации о здоровье и медицинских услугах, результатом чего может стать избыточная самодиагностика или недоверие врачам. Проведённый анализ, скорее, подтверждает эти гипотезы, так как показывает, что основные причины, из-за которых люди со средним и высшим образованием отказываются от медицинской помощи, включают отсутствие времени, платность лечения, отсутствие веры в эффективность лечения. К тому же образованные люди могут быть более осведомлены о серьёзных заболеваниях, что может вызывать страх и тревогу по поводу возможных диагнозов, что, в свою очередь, может привести к избеганию медицинской помощи.

Проживающие не в мегаполисе (а в городах меньшего размера или в сельской местности) с большей вероятностью уклоняются от медицинской помощи, что частично подтверждает выводы других исследователей о том, что избегающее поведение чаще наблюдается в сельской местности по сравнению с городской [*Spleen, Lengerich, Camacho, Vanderpool,* 2014*; Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023]. Такой результат, вероятно, объясняется тем, что в небольших городах и сельской местности может быть ограниченное количество медицинских учреждений, не хватает квалифицированных медицинских работников, что делает доступ к врачу более сложным; люди, живущие в удалённых районах, могут сталкиваться с трудностями в транспортировке до медицинских организаций, особенно, если у них нет собственного автомобиля; могут иметь более низкие доходы, что также влияет на решение обратиться за помощью. Проведённый анализ во многом подтвердил эти гипотезы: по сравнению с жителями мегаполисов проживающие в сельской местности отказываются от медицинской помощи по причине трудностей с доступом, в том числе и потому, что некому сопровождать до медицинской организации; проживающие в городе избегают обращения за медицинской помощью из-за неудовлетворительной работы медицинской организации, недоверия эффективности лечения и необходимости платить за него.

Факторы, связанные с риском плохого здоровья, такие как курение и потребление алкоголя, нечасто рассматриваются в исследованиях избегающего поведения. Установлено, что потребление алкоголя и курение как в настоящее время, так и в прошлом увеличивают риск избегания медицинской помощи. Это частично согласуется с другими исследованиями, доказавшими негативное влияние курения на поведение в отношении поиска медицинской помощи [*Kannan, Veazie,* 2014; *Splinter et al.,* 2021; *Bista, Yu, Shete, Shastri,* 2021; *Kang, Li, Du,* 2023]. Можно предложить несколько гипотез, согласно которым вредные привычки могут увеличивать риск уклонения от обращения к врачу. Во-первых, виды поведения с риском для здоровья обычно группируются вместе (например, курильщики также чаще сообщают о физической неактивности, нездоровом питании и т.п. [*Strine et al.,* 2005]), т.е. курящие и потребляющие алкоголь в целом не заботятся о своём здоровье. Во-вторых, страдающие от зависимости, могут испытывать стигматизацию; иметь негативный опыт

взаимодействия с медицинскими учреждениями, включая недостаток понимания их проблем, что делает их менее склонными обращаться за медицинской помощью. В-третьих, зависимость может способствовать возникновению финансовых трудностей из-за расходов на алкоголь и табак, что также может ограничить доступ к медицинским услугам. Эти гипотезы частично подтверждаются проведённым исследованием, установившим, что главные причины отказа от необходимой медицинской помощи среди лиц с нездоровым типом поведения — неудовлетворительная работа медицинской организации, недоверие эффективности лечения и платность лечения.

Исследование выявило слабую статистически значимую связь между занятостью и решением отказаться от медицинской помощи, подтвердив выводы других авторов о том, что занятые [*Sulku, Tokatlioglu, Cosar,* 2023] с большей вероятностью, а неработающие [*Pharr, Moonie, Bungum,* 2012; *Reisinger, Moss, Clark,* 2018] с меньшей вероятностью откладывают или избегают медицинской помощи. Основной причиной избегающего поведения среди занятых является нехватка времени, что, очевидно, связано с тем, что медицинские учреждения работают в часы, которые совпадают с графиком работы, что затрудняет посещение врача. Кроме того, постоянная занятость и стресс могут привести к усталости, что может вызвать нежелание тратить время на медицинские проблемы, даже если они важны.

Исследование не выявило связь между семейным положением и выбором посещать или нет медицинскую организацию в случае необходимости. Однако при анализе причин избегающего поведения установлен риск отказа от медицинской помощи среди одиноких участников обследования по сравнению с состоящими в браке из-за трудностей с доступом к медицинскому учреждению, в том числе и вследствие отсутствия помощи, что соответствует выводам исследователей о том, что люди, не имеющие социальной поддержки, с большей вероятностью откладывают медицинскую помощь или уклоняются от неё [*Reisinger, Moss, Clark,* 2018].

У проведённого исследования есть несколько ограничений. Во-первых, характер данных не позволяет выявить причинно-следственные связи. Во-вторых, сообщения об уклонении от медицинской помощи и его причинах являются самоотчётом респондентов и могут отличаться от фактически наблюдаемого поведения. В-третьих, неизвестно, насколько серьёзными считали сами участники обследования свои симптомы, что могло повлиять на их решение, обращаться за медицинской помощью или нет [*Splinter et al.,* 2021]. Возможно, что избегающее поведение различается в зависимости от заболеваний. В-четвертых, в исследовании не рассматривались другие возможные детерминанты отказа от необходимой медицинской помощи, например, такие как характеристики поставщиков медицинских услуг, отношение между пациентом и поставщиком (в первую очередь доверие), убеждения респондентов в отношении здоровья, по причине отсутствия их в обследовании. Необходимо, чтобы будущие обследования включили эти факторы для проверки более сложных моделей избегающего поведения в сфере здравоохранения. Кроме того, необходимы исследования для изучения влияния различных типов поставщиков медицинских услуг на отказ от необходимой медицинской помощи.

Вывод

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что система здравоохранения в нашей стране не приспособлена для удовлетворения потребностей значительной части населения, что выражается в том, что существенная доля россиян избегает необходимой медицинской помощи. При этом среди причин избегающего поведения на первом месте по частоте упоминания находятся неудовлетворительная работа медицинской организации и отсутствие веры в эффективность лечения. Кроме того, одной из главных

причин отказа от обращения за медицинскими услугами, помимо отсутствия времени, называется возможность получить лечение только на платной основе при том, что здравоохранение в нашей стране формально бесплатное.

Установлены демографические и социально-экономические факторы, связанные с избеганием медицинской помощи: пол, возраст, образование, доходы, занятость, тип поселения, состояние здоровья и поведение с риском для здоровья. Выявлены особо уязвимые группы населения, не обращающиеся за медицинской помощью, даже в случае её необходимости: женщины, пожилые, принадлежащие к группе с низким доходом, имеющие жалобы на плохое здоровье.

Женщины, пожилые, особенно предпенсионного возраста, имеющие низкие доходы, проживающие в городе (но не в мегаполисе), чаще называют такие позиции, как «лечение можно получить только на платной основе», «не удовлетворяет работа медицинской организации» и «не рассчитываю на эффективное лечение», в качестве причин уклонения от необходимой медицинской помощи. Молодёжь, работающие, проживающие в городе избегают обращения в медицинское учреждение из-за «отсутствия времени». Пожилые, одинокие, имеющие низкие доходы, проживающие в сельской местности отказываются от медицинской помощи по причине того, что «тяжело добраться до медицинской организации», в том числе и потому, что «тяжело добираться без посторонней помощи».

Результаты исследования подчёркивают необходимость повышения удовлетворённости и доверия населения системе здравоохранения путём улучшения доступности и качества; разработки программ и инициатив, ориентированных на конкретные группы населения, направленные на борьбу с избегающим поведением с тем, чтобы снизить вероятность неблагоприятных последствий для здоровья.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Калинкин Д.Е., Карпов А.Б., Тахауов Р.М., Хлынин С.М., Варлаков М.А., Ефимова Е.В. (2013). Факторы, определяющие активность обращения и удовлетворённость медицинской помощью трудоспособного населения закрытого промышленного города [*Kalinkin D.E., Karpov A.B., Takhauov R.M., Khlynin S.M., Varlakov M.A., Efimova E.V.* (2013). Factors determining the activity of seeking and satisfaction with medical care of the working-age population of a closed industrial city] // *Медицина труда и промышленная экология.* №4. С. 37–43. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-opredelyayuschie-aktivnost-obrascheniya-i-udovletvorennost-meditsinskoy-pomoschyu-trudosposobnogo-naseleniya-zakrytogo

Стародубов В.И., Меньшикова Л.И., Сененко А.Ш., Зубко А.В. (2022). Оценка жителями Российской Федерации своего здоровья и условий получения медицинской помощи [*Starodubov V.I., Menshikova L.I., Senenko A.Sh., Zubko A.V.* (2022). Assessment by residents of the Russian Federation of their health and conditions for receiving medical care] // *Менеджер здравоохранения.* №8. С. 25–38. DOI: 10.21045/1811-0185-2022-8-25-38.

Aday L., Andersen R. (1974). A framework for the study of access to medical care // *Health Services Research.* Vol. 9. No. 3. Pp. 208–220.

Ajzen I., Fishbein M. (1980). *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior.* — Englewood Cliffs. NJ: Prentice-Hall.

Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes.* Vol. 50. No. 2. Pp. 179–211. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90020-T.

Andersen R.M. (1995). Revisiting the behavioral model and access to medical care: does it matter? // *Journal of health and social behavior.* Vol. 36. No. 1. Pp. 1–10. DOI: 10.2307/2137284.

Bista S., Yu R., Shete S., Shastri S.S. (2021). Factors Associated with Healthcare Avoidance among US Adults: Analyses of the 2019 Healthy Information National Trends Survey // *Journal of Family Medicine.* Vol. 8. No. 9. Pp. 1280. DOI: 10.26420/jfammed.2021.1280.

Byrne S.K. (2008). Healthcare avoidance: a critical review // *Holistic Nursing Practice.* Vol. 22. No. 5. Pp. 280–292. DOI: 10.1097/01.HNP.0000334921.31433.c6.

Farina M.P., Ailshire J.A. (2022). Sociodemographic and health status differences in delaying medical care during the COVID-19 pandemic among older adults: findings from the Health and Retirement Study // *BMC Public Health.* Vol. 22. No. 1. Pp. 1720. DOI: 10.1186/s12889-022-14118-4.

Johnson J.D. (1997). *Cancer-Related Information Seeking.* — Cresskill, NJ: Hampton Press.

Kang L., Li C., Du H. (2023). Predictors of Medical Care Delay or Avoidance Among Chinese Adults During the COVID-19 Pandemic // *Patient Prefer Adherence.* Vol. 17. Pp. 3067–3080. DOI: 10.2147/PPA.S436794.

Kannan V.D., Veazie P.J. (2014). Predictors of avoiding medical care and reasons for avoidance behavior // *Medical Care.* Vol. 52. No. 4. Pp. 336–345. DOI: 10.1097/MLR.0000000000000100.

Lauver D. (1992). A theory of care-seeking behavior // *Journal of Nursing Scholarship*. Vol. 24. No. 4. Pp. 281–287. DOI: 10.1111/j.1547-5069.1992.tb00734.x.

Leyva B., Taber J.M., Trivedi A.N. (2020). Medical Care Avoidance Among Older Adults // *Journal of Applied Gerontology.* Vol. 39. No. 1. Pp. 74–85. DOI: 10.1177/0733464817747415.

Moser D.K., Kimble L.P., Alberts M.J., Alonzo A., Croft J.B., Dracup K., Evenson K.R., Go A.S., Hand M.M., Kothari R.U., Mensah G.A., Morris D.L., Pancioli A.M., Riegel B., Zerwic J.J. (2006). Reducing delay in seeking treatment by patients with acute coronary syndrome and stroke: a scientific statement from the American Heart Association Council on cardiovascular nursing and stroke council // *Circulation.* Vol. 114. No. 2. Pp. 168–182. DOI: 10.1161/CIRCULATIONAHA.106.176040.

Pharr J.R., Moonie S., Bungum T.J. (2012). The impact of unemployment on mental and physical health, access to health care and health risk behaviors // *International Scholarly Research Notices.* Vol. 2012. Article ID 483432. Pp. 1–7. DOI: 10.5402/2012/483432.

Phillips K.A., Morrison K.R., Andersen R., Aday L. (1998). Understanding the context of healthcare utilization: assessing environmental and provider related variables in the behavioral model of utilization // *Health Services Research.* Vol. 33. No. 3. Pp. 571–596.

Prochaska J.O., DiClemente C.C., Norcross J.C. (1992). In search of how people change: applications to addictive behaviors // *American Psychologist*. Vol. 47. No. 9. Pp. 1102–1114. DOI: 10.1037//0003-066x.47.9.1102.

Ratnapradipa K.L., Jadhav S., Kabayundo J., Wang H., Smith L.C. (2023). Factors associated with delaying medical care: cross-sectional study of Nebraska adults // *BMC Health Services Research.* Vol. 23. No. 1. Pp. 118. DOI: 10.1186/s12913-023-09140-0.

Reisinger M.W., Moss M., Clark B.J. (2018). Is lack of social support associated with a delay in seeking medical care? A cross-sectional study of Minnesota and Tennessee residents using data from the behavioral risk factor surveillance system // *BMJ Open.* Vol. 8. No. 7. Pp. e018139. DOI: 10.1136/bmjopen-2017-018139.

Rogers S.N., Vedpathak S.V., Lowe D. (2011). Reasons for delayed presentation in oral and oropharyngeal cancer: the patients perspective // *British Journal of Oral and Maxillofacial Surgery.* Vol. 49. No. 5. Pp. 349–353. DOI: 10.1016/j.bjoms.2010.06.018.

Spleen A.M., Lengerich E.J., Camacho F.T., Vanderpool R.C. (2014). Health care avoidance among rural populations: results from a nationally representative survey // *The Journal of Rural Health.* Vol. 30. No. 1. Pp. 79–88. DOI: 10.1111/jrh.12032.

Splinter M.J., Velek P., Ikram M.K., Kieboom B.C.T., Peeters R.P., Bindels P.J.E., Ikram M.A., Wolters F.J., Leening M.J.G., de Schepper E.I.T., Licher S. (2021). Prevalence and determinants of healthcare avoidance during the COVID-19 pandemic: a population-based cross-sectional study // *PLoS Medicine.* Vol. 18. No. 11. Pp. e1003854. DOI: 10.1371/journal.pmed.1003854.

Strine T.W., Okoro C.A., Chapman D.P., Balluz L.S., Ford E.S., Ajani U.A., Mokdad A.H. (2005). Health-related quality of life and health risk behaviors among smokers // *American Journal of Preventive Medicine.* Vol. 28. No. 2. Pp. 182–187. DOI: 10.1016/j.amepre.2004.10.002.

Sulku S.N., Tokatlioglu Y., Cosar K. (2023). Determinants of health care avoidance and avoidance reasons in Turkey // *Journal of Health Management.* Vol. 31. No. 5. Pp. 817–829. DOI: 10.1007/s10389-021-01577-z.

Sulku S.N., Tokatlioglu Y. (2023). Why do People Avoid Visiting Specialist Doctor? Answers from a Developing Country: Turkey Case // *Journal of Public Health.* Vol. 25. No. 23. Pp. 097206342211510. DOI: 10.1177/09720634221151004.

Taber J.M., Leyva B., Persoskie A. (2015). Why do people avoid medical care? A qualitative study using national data // *Journal of General Internal Medicine.* Vol. 30. No. 3. Pp. 290–297. DOI: 10.1007/s11606-014-3089-1.

Vilhjalmsson R. (2021). Family income and insufficient medical care: A prospective study of alternative explanations // *Scandinavian Journal of Public Health.* Vol. 49. No. 8. Pp. 875–883. DOI: 10.1177/1403494820944096.

Westin M., Ahs A., Bränd Persson K., Westerling R. (2004). A large proportion of Swedish citizens refrain from seeking medical care--lack of confidence in the medical services a plausible explanation? // *Health Policy.* Vol. 68. No. 3. Pp. 333–344. DOI: 10.1016/j.healthpol.2003.10.008.

Wilson T.D. (1999). Models in information behaviour research // *Journal of Documentation.* Vol. 55. No. 30. Pp. 249–270. DOI: 10.1108/EUM0000000007145.

Zhong S., Huisingh-Scheetz M., Huang E.S. (2022). Delayed medical care and its perceived health impact among US older adults during the COVID-19 pandemic // *Journal of the American Geriatrics Society.* Vol. 70. No. 6. Pp. 1620–1628. DOI: 10.1111/jgs.17805.

Кислицына Ольга Анатольевна
olga.kislitsyna@gmail.com
Olga Kislitsyna
doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow
olga.kislitsyna@gmail.com

WHY DO RUSSIANS AVOID MEDICAL CARE? (Socio-Demographic Determinants and Reasons for Avoidance Behavior)

Abstract. Refusing to seek necessary medical assistance or avoiding visits to healthcare facilities has serious negative health consequences and imposes a significant healthcare cost burden. There is a limited amount of literature on avoidance behavior in this area. The aim of this study is to examine the prevalence and causes of avoidance behavior among Russian adults; identify factors associated with the avoidance of necessary medical care; and recognize the most disadvantaged socio-demographic groups most often exposed to avoidance behavior in general and according to specific causes. The informational base of the study is the Comprehensive Survey of Living Conditions conducted by Rosstat in 2022. Multivariate logistic regression models have been constructed to assess the determinants underlying avoidance behavior. Avoidance of medical care is measured by asking respondents whether they had situations when they needed a medical examination or consultation with a doctor, but did not seek help from a medical organization. Those who answered affirmatively were asked to choose the reasons for not seeking medical assistance. It was found that nearly a quarter of adult Russians refrain from visiting a doctor, despite being aware of their need for medical care. The individuals who avoid seeking medical assistance are more often women, elderly, in poor health, with secondary or higher education, belonging to a low-income group, employed, living in cities with a population of less than 1 million or in rural areas, and those who consume alcohol or smoke. Among those refusing medical assistance for about one-third the main reasons for such behavior were the unsatisfactory performance of the medical organization or distrust in the effectiveness of treatment. Another fifth and sixth of the avoiders report, respectively, that they do not have time and that treatment can only be obtained on a paid basis. Groups of the population that avoid medical assistance for specific reasons have been identified.

Keywords: *public health, medical care use, medical care avoidance, factors of avoidance, reasons for avoidance, Comprehensive Survey of Living Conditions.*
JEL: D91, I12, I18.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.Л. Клячко
д.э.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, обусловливающие интеграцию высшего образования и науки в современной экономике, и возникающие в связи с этим вопросы. При этом основное внимание уделено изменению в финансировании научных исследований и разработок в вузах как в целом в Российской Федерации, так и в одиннадцати её субъектах, на которые в последние годы приходится почти ¾ расходов на НИОКР в высших учебных заведениях. Это Москва, Санкт-Петербург, Томская, Новосибирская, Свердловская и Ростовская области, Республики Татарстан и Башкортостан, Пермский, Красноярский и Краснодарский края. Показано, что в 2019–2023 гг. происходит постепенное увеличение финансирования вузовской науки из федерального бюджета. Начало увеличения было положено в 2020 г. с началом пандемии COVID-19. Организации в рассматриваемый период по-разному вкладывались в научные исследования в высшей школе, но общей тенденцией является отставание их вложений от федерального бюджетного финансирования. Московские вузы нарастили удельный вес доходов, получаемых от научной деятельности, в общем объёме их доходов в 2023 г. относительно 2019 г., в Санкт-Петербурге этот показатель снизился, несмотря на то, что во второй российской столице действуют четыре национальных исследовательских университета. В девяти остальных регионах доля доходов вузов от НИОКР выросла. В 2023 г. на высшие учебные заведения этих девяти регионов пришлось 20% всех доходов российской высшей школы от науки. Хотя доля доходов вузов Санкт-Петербурга от НИОКР за рассматриваемый период снизилась, они тем не менее по этому показателю сохранили второе место после вузов Москвы. На третье место вышли высшие учебные заведения Томской области. В целом в настоящее время финансирование вузовской науки не только не сокращается, но в основных регионах её развития растёт. Однако, по крайней мере в вузовском секторе науки, пока не удаётся обеспечивать это развитие за счёт частных денег и, следовательно, частной инициативы. В итоге в высшей школе идёт всё большее огосударствление научных исследований и разработок, и кризисные явления в экономике, в частности высокая инфляция, во многом способствуют этому.

Ключевые слова: *научные исследования, вузовская наука, высшее образование, финансирование вузовской науки.*
JEL: I21, I22, I23, I28, O30
УДК: 378.31, 378.33, 378.6, 338.27
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_65_89
© Т.Л. Клячко, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Клячко Т.Л.* Научные исследования в российских вузах: проблемы и региональные особенности // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 65–89. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_65_89.
FOR CITATION: *Klyachko T.* Scientific research in Russian universities: problems and regional features // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 65–89. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_65_89.

Введение

Развитию научных исследований в российских вузах уделяется в последние годы сравнительно небольшое внимание, несмотря на то, что в президентском указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (07.05.2024 № 309) поставлена задача довести объём внутренних затрат на исследования и разработки «до 2 процентов валового внутреннего продукта, в том числе за счёт увеличения инвестиций со стороны частного бизнеса на эти цели не менее чем в два раза».

Вместе с тем вопросы интеграции науки и образования, повышения эффективности научных исследований, развития на основе результатов интеллектуальной собственности малых инновационных предприятий (МИП), более активное вовлечение частного бизнеса в финансирование НИОКР поднимались неоднократно, но привлечение внимания к развитию науки в России в целом и его вузовского сегмента, в частности, особых успехов не имели [*Аблажей,* 2014; *Бертон,* 2007; *Бюллетень…,* 2018; *Дежина,* 2014; *Дежина*, 2023; *Кузьминов, Юдкевич,* 2021; *Пушкарёв, Пушкарёва,* 2012; *Радаев,* 2010]. В качестве определённых достижений в этой области можно назвать Проект 5/100, который привёл к появлению российских вузов в престижных мировых рейтингах университетов, хотя и не на тех позициях, которые рассматривались, как целевые: в топ-100 указанных рейтингов вошёл только МГУ (вместо пяти университетов), однако он и ранее занимал высокие места в этих «табелях о рангах». Тем не менее в процессе реализации Проекта 5/100 активизировалась публикационная активность преподавателей и научных работников российских вузов [*Егоров*, 2025; *Иванова, Евграфов, Моругова,* 2020; *Кузьминов, Юдкевич,* 2021; *Романов,* 2023; *Федотова, Мареев, Карпова,* 2015], были созданы международные лаборатории с участием ведущих мировых исследователей, стали возникать сетевые научно-исследовательские проекты, в которые входило несколько российских и зарубежных университетов [*Инглхарт, Карабчук, Моисеев, Никитина,* 2013; *Костюкова, Масленникова, Отт,* 2025; *Кузьминов, Юдкевич,* 2021; *Неретина*, 2013].

Наиболее полно история развития научных исследований в российской (советской) высшей школе проанализирована в работе Я.И. Кузьминова и М.М. Юдкевич «Университеты в России: как это работает» [*Кузьминов, Юдкевич,* 2021]. В ней достаточно подробно рассмотрена эволюция «присутствия» науки в вузах со времён Российской империи через советский период и до наших дней. В своей монографии авторы, в частности, констатируют: «Достаточно долго, начиная с советского периода, наука играет в высших учебных заведениях подчинённую роль, практически все вузы (включая большинство университетов) прежде всего нацелены на преподавание <…>. Лишь в последние годы ситуация начинает меняться под влиянием государственной политики, которая направлена на интеграцию образовательного и научного секторов и превращение ведущих российских университетов в исследовательские институции. Разделение вузовского и академического секторов было обусловлено как политическими, так и экономическими причинами. Но говорить о вузовской науке в отрыве от контекста российской науки в целом невозможно» [*Кузьминов, Юдкевич,* 2021. С. 449].

Авторы «Университетов России» считают, что причиной «растаскивания» науки и высшего образования в СССР по «разным квартирам» было экономическое устройство Советского Союза: плановая система рассматривала науку и образование как виды деятельности, которые должны были по-разному финансироваться и иметь разное институциональное устройство. Так, фундаментальная наука была отнесена к Академии наук СССР (к большой и к малым)[1], прикладная наука — к отраслевым НИИ, которые должны

[1] Помимо собственно Академии наук СССР (большая Академия), существовали малые Академии: Академия медицинских наук СССР (АМН СССР), Академия педагогических наук СССР (АПН СССР) и Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ).

были обеспечить проведение прикладных НИОКР и их внедрение в соответствующие отрасли народного хозяйства, а высшее образование рассматривалось как фабрика по подготовке кадров и для науки, и для всех остальных отраслей, включая и саму высшую школу. Только ряд крупнейших классических университетов сохранили научные подразделения, прежде всего это были Московский и Ленинградский государственные университеты. Вместе с тем в технических вузах, которые имели хорошо оборудованные учебные лаборатории, научные исследования и опытно-конструкторские разработки также велись, при этом не только в научных подразделениях, но и на кафедрах [*Кузьминов, Юдкевич,* 2021].

«Смычка» науки и высшего образования обеспечивалась двумя путями: преподаванием в вузах исследователей из научных институтов — как академических, так и отраслевых, проведением учебных и преддипломных практик студентов и выпускников вузов в различных НИИ, а также поступлением выпускников университетов в аспирантуры научных институтов.

Во многом к разрыву существовавших связей между научными институтами (академическими и отраслевыми) и высшими учебными заведениями привёл переход от плановой экономики к рыночной. Причём, хотя эти связи не были институализированными, они были вполне устойчивыми. В период перестройки, когда стали возможны так называемые хоздоговорные научные проекты, многие крупные вузы стали активно сотрудничать с научными институтами, что развивало навыки и механизмы взаимодействия высшего образования и науки. Как указывает И.Г. Дежина, «к моменту распада СССР вузовская наука представляла собой самый небольшой сектор науки, ориентированный преимущественно на прикладные исследования и разработки, в том числе по договорам с промышленными предприятиями» [*Дежина*, 2023. С. 78]. Но именно поэтому разрыв связей оказался весьма болезненным.

Как указано в той же работе, «в 1992 г. вузовская наука по численности исследователей составляла 7,8% от всей российской науки, а по объёмам затрат на исследования и разработки — 5,7%» [*Дежина*, 2023. С. 79]. Несмотря на слабую развитость вузовской науки, с конца 1990-х гг. начинаются попытки восстановления взаимодействия высшего образования и науки, вовлечения профессорско-преподавательского состава (ППС) в научно-исследовательскую деятельность. Так, в это время начинает реализовываться президентская программа «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.»[2], которая во многом отражала понимание следующих важнейших проблем в развитии уже российской высшей школы:

- необходимость на новой, в том числе и научной, основе готовить кадры высшей квалификации (кадры с высшим образованием) для становящейся рыночной экономики. Потенциала вузовского профессорско-преподавательского состава для решения этой задачи не хватало. Нужно было привлекать научные кадры, которые могли осмыслить происходящие перемены в экономике и социальной сфере России и, соответственно, на основе этого понимания выстроить новую систему подготовки специалистов;
- интеграция науки и высшей школы могла обеспечить в этот период сохранение научных кадров (исследователей) в стране, поскольку именно вузы уже научились привлекать внебюджетные средства: в них быстро развивалось платное образование. Научные учреждения такой финансовой подпитки не имели, а государственное финансирование науки (научных институтов) было значительно сокращено (табл. 1).

[2] Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 903.

Таблица 1
Расходы на исследования и разработки в вузовском секторе науки России

Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Внутренние затраты на исследования и разработки, в % к суммарным затратам в стране	5,7	5,6	5,9	5,4	4,8	5,4	5,2	4,8	4,5
Внутренние затраты на исследования и разработки в постоянных ценах 1989 г., млн руб.	185,1	169,9	172,9	134,5	131,3	160,3	133,3	136,6	151,1

Источник: Шувалова О.Р., Кузнецова И.А., Росовецкая Л.А., Городникова Н.В., Сагиева Г.С., Гохберг Л.М. Наука в Российской Федерации: Стат. сб. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С. 287–288.

Как следует из табл. 1, к 2000 г. внутренние затраты на исследования и разработки (в постоянных ценах 1989 г.) были почти на 20% ниже, чем в 1992 г. Я.И. Кузьминов и М.М. Юдкевич в уже упоминавшейся работе констатировали: «Кроме сокращения собственно зарплат исследователи столкнулись с сокращением, а в ряде случаев и с прекращением финансирования оборудования и расходных материалов. Именно эти факторы, не дающие возможности нормально заниматься наукой, в сочетании с факторами финансовыми привели к массовой "утечке мозгов" как из вузовского, так и из академического сектора» [*Кузьминов, Юдкевич,* 2021. С. 475].

Для улучшения ситуации с высшим образованием и вузовской наукой в 2006 г. в России был запущен на конкурсной основе Инновационный проект[3], который улучшил финансовое положение вузов-победителей и простимулировал запуск в них новых научных проектов. Национальный проект «Образование», в рамках которого реализовывался Инновационный проект, привёл к выделению в российской системе высшего образования двух типов статусных университетов (университетов, имеющих особый статус): национальных исследовательских и федеральных университетов. В 2009 г. к ним добавились вузы, получившие право устанавливать собственные образовательные стандарты, что предполагало реализацию инновационных образовательных программ (программ повышенной сложности), которые должны были опираться на научные разработки, проводимые этими высшими учебными заведениями[4]. Затем были проведены конкурсы по выделению в субъектах Российской Федерации опорных университетов, но эта инициатива продолжения не получила и значимого следа в вузовской науке не оставила.

Кроме того, в 2008 г. было принято решение о развитии малых инновационных предприятий, которые должны были обеспечить коммерциализацию результатов НИОКР, проводимых в высшей школе. Стали создаваться также университетские технопарки и бизнес-инкубаторы. Ряд университетов стали позиционировать себя как предпринимательские. Фактически речь шла о создании вокруг выделенных статусных вузов (т.е. имеющих

[3] 19 мая 2006 г. Министерство образования и науки Российской Федерации определило первые 17 лучших инновационных программ высших учебных заведений. Общий объём финансирования: 10 млрд руб.; срок выполнения программ — 2006–2007 г. 28 февраля 2007 г. были определены дополнительные (вторая очередь) 40 лучших инновационных программ. Общий объём финансирования: 20 млрд руб.; срок выполнения программ 2007–2008 гг.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 09.09.2008 г. № 1332 (ред. от 01.02.2020) «Об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе разрабатывать и утверждать самостоятельно образовательные стандарты по всем уровням высшего образования».

особый статус в системе высшего образования) экосистем по созданию и внедрению в производство результатов интеллектуальной деятельности.

Уже упоминавшийся Проект 5/100[5] был запущен в 2012 г., что способствовало привлечению внимания к вузовской науке и её результатам. Участниками проекта в два этапа стали 21 университет (были отобраны на конкурсной основе), задача которых определялась как выход на высокие позиции в мировых университетских рейтингах. Определённые результаты в этом проекте были достигнуты, но не столь впечатляющие, как было задумано. На смену ему пришёл национальный проект «Наука и университеты»[6] с Программой «Приоритет 2030»[7]. В его рамках стали создавать научно-образовательные центры (НОЦ), научные центры мирового уровня (НЦМУ), Центры компетенций Национальной технологической инициативы (НТИ), передовые инженерные школы, а также платформу университетского технологического предпринимательства.

Во многом и национальный проект «Наука и университеты», и принявший его эстафету после 2024 г. национальный проект «Молодёжь и дети», в который вошла Программа «Приоритет 2030», направлены на расширение научных исследований в российских вузах, а также на создание для них финансовой поддержки. Но до сих пор, как справедливо отмечено в [*Кузьминов, Юдкевич,* 2021. С. 481]: «Место науки в вузах в финансовом плане невелико. Так, доля доходов вузов от научных исследований и разработок в объёме бюджетного финансирования составляет всего лишь около 10%, а в объёме внебюджетного финансирования это примерно шестая часть средств. Ведущие вузы при этом заметно отличаются от вузов массового сегмента: среди ведущих вузов эти показатели примерно в 1,5 раза выше среднего, а среди остальных — в 1,5 раза ниже. Доходы от науки составляют лишь небольшую долю доходов преподавателей». Эта монография была опубликована в 2021 г., и возникает вопрос, насколько в последние годы вырос доход вузов от реализации научных проектов.

Финансирование вузовской науки на современном этапе

Можно предположить, что одним из мотивов выделения национальных исследовательских университетов было стремление переместить в них часть (живую часть) во многом стагнирующей академической науки. Другими словами, функцией национальных исследовательских университетов становилось проведение фундаментальных научных исследований. Федеральные университеты должны были стать «точками роста» в федеральных округах, концентрируя исследования регионально-отраслевого характера (т.е. принимая на себя частично функции отраслевых НИИ, но в привязке их деятельности к региональным особенностям входящих в федеральный округ субъектов Российской Федерации). Вместе с тем они должны были методически и научно поддерживать региональные вузы, одновременно

---

[5] Проект 5-100 был запущен Минобрнауки России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2012 г. № 2006-р; Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2013 г. № 211).

[6] Национальный проект «Наука», действовавший с 2018 г., трансформировался в национальный проект «Наука и университеты», сохранив свою ключевую направленность на развитие научно-образовательной инфраструктуры, поддержку научных исследований и развитие высшего образования. Национальный проект «Наука и университеты» реализуется согласно указам Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

[7] «Приоритет-2030» — государственная программа поддержки университетов, действующая на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 г. № 729 в рамках национального проекта «Наука и университеты». С 2025 г. «Приоритет-2030» входит в состав нового национального проекта «Молодёжь и дети».

обеспечивая повышение в них качества высшего образования и, соответственно, подготовку и переподготовку кадров для региональных экономик. Формирование НОЦ, куда входили НИУ или ФУ, научные организации и различные индустриальные партнёры, по идее, должны были создать вокруг университетов экосистемы разработки и внедрения результатов НИОКР, что не получилось ранее при организации малых инновационных предприятий. Кроме того, национальные исследовательские университеты, федеральные университеты и вузы, получившие право устанавливать собственные стандарты (фактически они приравнены по статусу к НИУ и ФУ), должны были взять на себя во многом функции стимулирования создания студенческих (фактически — молодёжных) стартапов и развития передовых инженерных школ.

В 2023 г.[8] удельный вес доходов российских вузов от реализации научных исследований и разработок составил 12,9%, что только на 0,7 п.п. превышало этот показатель в 2019 г. — 12,2% (рис. 1).

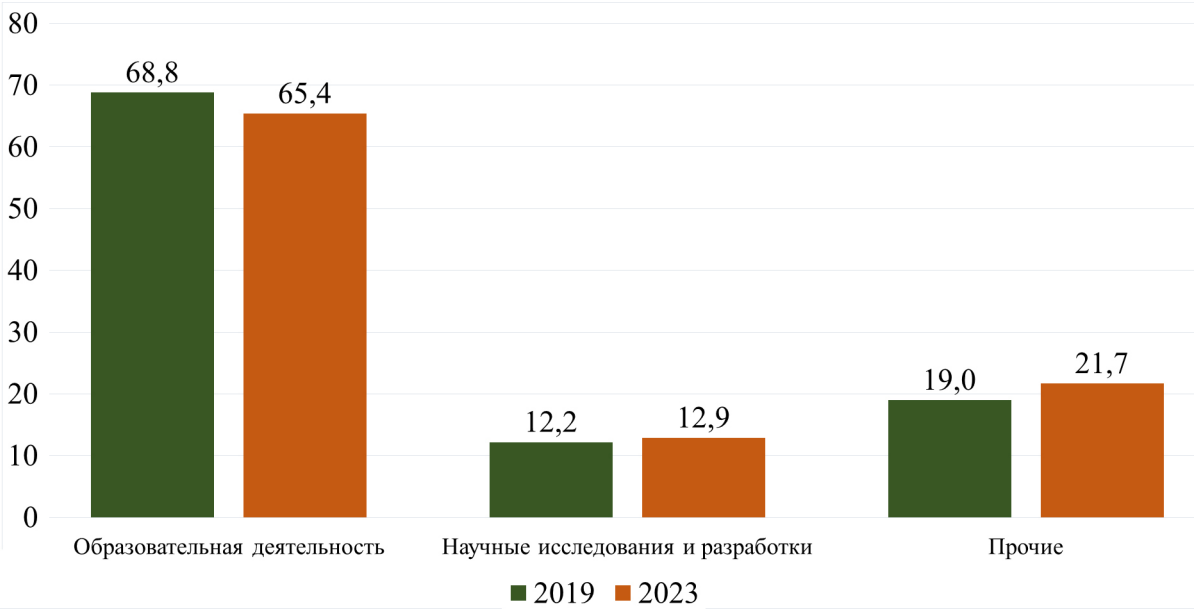


Рис. 1. Структура доходов российских вузов в 2019 и 2023 гг., %

Источник: ВПО-2 2019, 2023[9], расчёты автора.

В значительной мере в столь небольшом росте рассматриваемого показателя во многом была «повинна» пандемия COVID-19, поскольку локдауны и длительный период приостановки очной деятельности вузов и организаций, которые заказывали вузам исследования, привели к сокращению научно-исследовательских работ. В пандемийные 2020 и 2021 гг. удельный вес доходов российских вузов от НИОКР в их общих доходах снизился до 11,8% (на 0,4 п.п.), чтобы после окончания пандемии вырасти в 2022 г. до 12,4%, т.е. на 0,6 п.п. (табл. 2).

Обращает на себя внимание, что в пандемийный период удельный вес поступлений в вузы на проведение НИОКР из федерального бюджета в 2020 г. вырос на 2,3 п.п. по сравнению с 2019 г., а в 2021 г. сократился на 1,2 п.п., чтобы резко — на 6,3 п.п. вырасти в 2022 г. С одной стороны, это было связано с окончанием в 2022 г. пандемийных ограничений, а с другой — с переструктурированием источников доходов вузов на научные исследования.

---

[8] Последние доступные данные.

[9] Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (далее — ВПО-2).

Таблица 2
Финансирование вузовской науки в России в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в доходах вузов	12,9	12,4	11,8	11,8	12,2
Удельный вес финансирования из федерального бюджета в доходах вузов от НИОКР	48,2	46,6	40,3	41,5	39,3
Удельный вес финансирования от организаций в доходах вузов от НИОКР	44,7	44,9	51,1	49,6	51,5

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

В 2023 г. на вузы только Москвы и Санкт-Петербурга пришлось 55% всех доходов высшей школы от НИОКР, а на 11 субъектов Российской Федерации, включая Москву и Санкт-Петербург, 77,4%, притом, что в 2019 г. на эти регионы приходилось 73,2% (рис. 2).

Из рис. 2 вытекает, что за пятилетний период больше всего вырос удельный вес доходов московских вузов от НИОКР в общем объёме доходов российской высшей школы от научной деятельности — на 1,5 п.п. Близкий к московским вузам рост показали томские вузы, в которых этот удельный вес вырос на 1,1 п.п. В Республике Башкортостан рассматриваемый показатель вырос за 5 лет на 0,9 п.п. В остальных регионах его рост составил 0,1–0,3 п.п.; за исключением вузов Санкт-Петербурга, где он *упал* на 0,8 п.п. Следовательно, при общем росте с 73,2 до 77,4% доходов вузов от НИОКР, приходящихся на 11 регионов России, они были перераспределены во многом в пользу высших учебных заведений девяти регионов и Москвы.

Далее анализ будет сосредоточен на ситуации с финансированием науки в вузовских системах именно этих одиннадцати регионов, тем более, что в Москве находятся одиннадцать НИУ (в Санкт-Петербурге четыре НИУ, и странно, что удельный вес доходов вузов этого

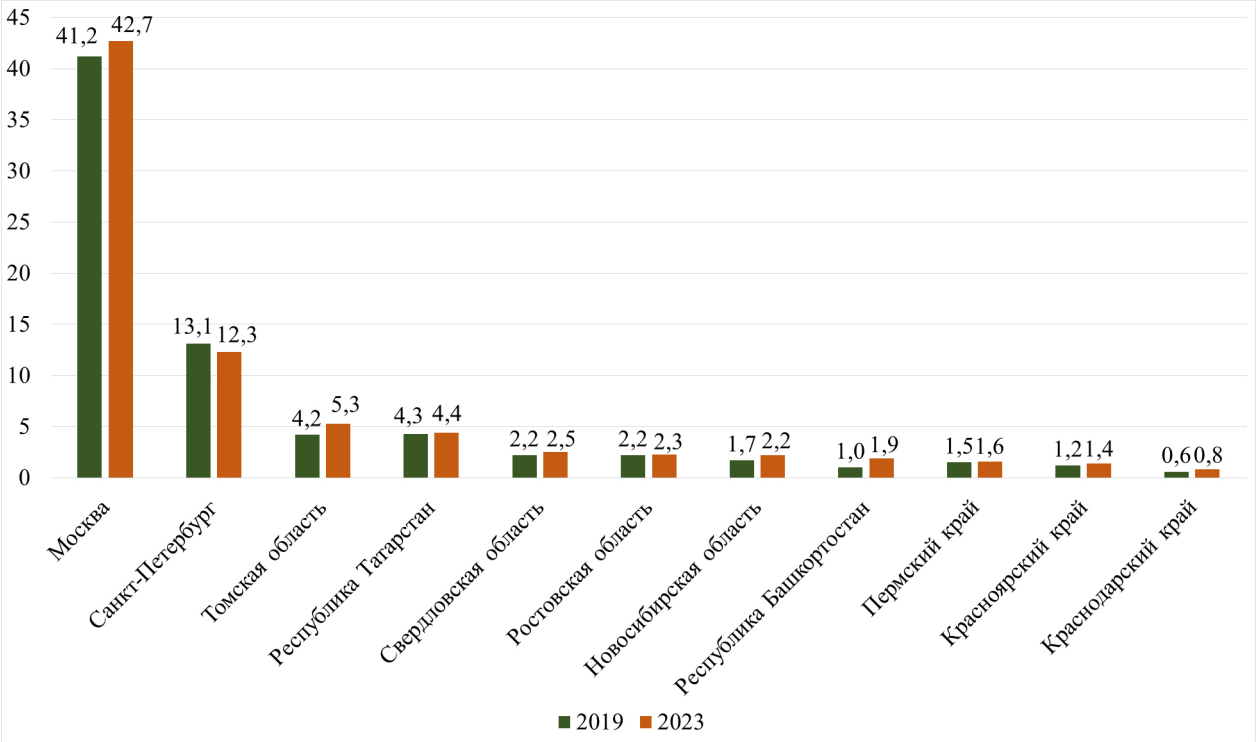


Рис. 2. Удельный вес доходов вузов 11 регионов от НИОКР в общем объёме доходов российских высших учебных заведений на научные исследования и разработки, в %
Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

региона от НИОКР падает в доходах от науки вузовской системы в целом). В Республике Татарстан два НИУ и один ФУ, в Ростовской, Свердловской областях и Красноярском крае по одному ФУ, в Томской области и Пермском крае находятся два НИУ, в Новосибирской области один НИУ. В Республике Башкортостан и Краснодарском крае статусные высшие учебные заведения отсутствуют, но тем не менее их системы высшего образования нарастили в последние годы доходы от НИОКР, как было отмечено выше.

Основные источники финансирования вузовской науки

Из табл. 2 следует, что в целом по стране доход российских вузов в основном обеспечивается двумя источниками: финансированием из федерального бюджета (прежде всего по государственному заданию) и поступлениями от организаций, выступающих заказчиками на НИОКР. На указанные два источника пришлось в 2023 г. 92,9%. Ещё 7,1% обеспечивают заказы из региональных бюджетов, поступления из государственных внебюджетных фондов (основным внебюджетным фондом, финансирующим научные исследования на грантовой основе, является Российский государственный научный фонд — РГНФ) и иностранных источников.

С 2021 г. удельный вес организаций в финансировании вузовской науки снизился на 6,4 п.п., т.е. в последние годы бюджетные поступления играют всё большую роль в доходах высшей школы, получаемых от проведения научных исследований. Вместе с тем в уже упоминавшемся президентском указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» предполагается, что доведение внутренних затрат на НИОКР до 2% ВВП России должно обеспечиваться за счёт роста частных инвестиций «не менее чем в 2 раза». Насколько эта задача реалистична в современных условиях? Рассмотрим складывающиеся тенденции на примере вузов 11 регионов, которые в 2023 г. получили, как уже было отмечено, 77,4% всех доходов российских высших учебных заведений от проводимых научных исследований.

Москва

В московских вузах за пять лет с 2019 г. по 2023 г. финансирование научных исследований увеличилось почти в 1,7 раза. При этом финансирование из федерального бюджета выросло в 2,1 раза, а поступления от организаций — в 1,2 раза. Это привело к изменению структуры доходов московских вузов от НИОКР (табл. 3).

Таблица 3
Структура доходов московских вузов от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	16,2	15,9	15,5	16,1	15,7
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	55,3	55,8	47,8	48,2	42,7
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	38,3	36,8	44,4	43,2	52,1
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	6,4	7,4	7,8	8,7	5,2

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

В московских вузах удельный вес доходов от НИОКР в общем объёме доходов высших учебных заведений за пять лет вырос с 15,7 до 16,2%, т.е. всего на 0,5 п.п. Однако структура этих доходов поменялась существенно: удельный вес финансирования из федерального

бюджета вырос на 12,6 п.п., а организаций сократился на 13,7 п.п. Одновременно несколько вырос удельный вес доходов из других источников — на 1,2 п.п. При этом, как хорошо видно из табл. 3, удельный вес финансирования НИОКР из этих источников сократился с 2020 г. на 2,3 п.п.

Если рассматривать динамику финансирования НИОКР московских вузов в 2019–2023 гг. за счёт федерального бюджета и организаций, то она была следующей (табл. 4).

Таблица 4
Финансирование НИОКР московских вузов из федерального бюджета и организаций в 2019–2023 гг.

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		**Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021**		**Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020**		**Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019**	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	5947343	15,6	9479587	33,0	1444963	5,3	6752965	32,9
Организации	5375764	21,3	–1439138	–5,4	2194865	9,0	–551711	–2,2

Источник: ВПО-2 20192023, расчёты автора.

В 2020-м, пандемийном, году федеральный бюджет увеличил финансирование научных исследований и разработок в московских вузах почти на треть относительно 2019 г. Это было связано с политикой поддержки вузовской науки в пандемию и перестройкой научной деятельности в основном на дистанционный режим. В то же время организации сокращали своё финансирование НИОКР в высших учебных заведениях в силу возросшей экономической неопределённости. В 2021 г. прирост финансирования из федерального бюджета резко сократился, чтобы снова вырасти в 2022 г. с началом СВО. Организации же, как и с началом пандемии, сократили финансирование НИОКР в указанном году, а затем нарастили его в 2023 г. Федеральный бюджет в 2023 г., увеличивая расходы на вузовскую науку в Москве, сократил, тем не менее, прирост их объёма. Вместе с тем рост финансирования из федерального бюджета НИОКР в московских вузах в 2023 г. оставался выше уровня официальной инфляции.

Санкт-Петербург

Во второй российской столице ситуация с вузовской наукой за пятилетие 2019–2023 гг. изменялась во многом в противоположном направлении по сравнению с Москвой (табл. 5).

Таблица 5
Структура доходов вузов Санкт-Петербурга от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	**2023**	**2022**	**2021**	**2020**	**2019**
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	12,8	13,5	13,1	13,3	13,6
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	34,9	36,8	34,2	36,3	34,6
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	62,0	59,1	61,8	59,5	61,6
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	3,1	4,0	4,0	4,2	3,9

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Как уже было указано, в 2019–2023 гг. удельный вес доходов вузов Санкт-Петербурга от научных исследований и разработок в их общих доходах снизился на 0,8 п.п., в то время как в Москве он вырос. Но, что более примечательно, в вузах Санкт-Петербурга удельный вес финансирования НИОКР из федерального бюджета практически не менялся ни в пандемийный период, ни с началом СВО, оставаясь примерно на уровне 1/3. При этом удельный вес поступлений от организаций на НИОКР колебался в диапазоне от 59,1 до 62,0%, т.е. весь период был достаточно высоким. Его «просадка» наблюдалась только в 2020 г. (–2.1 п.п. по сравнению с 2019 г.) и в 2022 г. (–2,7 п.п. по сравнению с 2021 г.). Удельный вес остальных источников в доходах вузов Санкт-Петербурга от научных исследований и разработок был меньше, чем в Москве, и снизился за рассматриваемый период на те же 0,8 п.п. (по сравнению с 2020 г. — на 1,1 п.п.).

В табл. 6 представлена динамика изменений в финансировании вузовской науки в Санкт-Петербурге из двух основных источников в 2019–2023 гг.

Таблица 6

Финансирование НИОКР в вузах Санкт-Петербурга в 2019–2023 гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023-2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022-2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021-2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020-2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	–169 878,3	–2,3	1 410 962,2	24,0	–54957,6	–0,9	655 274,3	12,4
Организации	933 716,2	8,0	1 089 208,2	10,3	893 641,3	9,2	320 928	3,4

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

В целом за пятилетие финансирование вузовской науки за счёт федерального бюджета в Санкт-Петербурге выросло на 34,9%, а поступления от организаций — на 34,5%. Но динамика этого финансирования была принципиально различной. Организации стабильно наращивали финансирование науки в высшей школе данного мегаполиса три года и только в 2023 г. прирост их вложений немного уменьшился по сравнению с приростом годом ранее. Что касается федерального бюджета, то его финансирование выросло в 2020 г. по сравнению с 2019 г., снизилось в 2021 г., резко — почти на четверть — выросло в 2022 г. и вновь сократилось в 2023 г. Другими словами, для вузовской системы Санкт-Петербурга в целом существует достаточно большая неопределённость в финансировании научных исследований, хотя для отдельных вузов указанная неопределённость может отсутствовать: их финансирование НИОКР оставалось все эти годы достаточно стабильным. Вместе с тем питерские вузы могут в большей мере полагаться (ориентироваться) на заказы организаций на проведение НИОКР, чем на госзадание.

Томская область

В Томской области удельный вес доходов вузов от НИОКР в общем объёме вузовских доходов значительно выше по сравнению с вузами двух российских столиц (табл. 7).

Следует отметить, что удельный вес доходов от научных исследований и разработок в общем объёме доходов томских вузов самый высокий в России. Вместе с тем удельный вес финансирования НИОКР за счёт федерального бюджета в высших учебных заведениях Томской области практически совпадает с показателем вузов Москвы. Однако в этом регионе удельный вес поступлений от организаций за выполнение НИОКР вузами выше, чем

Таблица 7
Структура доходов вузов Томской области от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	27,5	21,2	18,3	18,9	22,5
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	55,0	53,0	37,0	61,3	54,5
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	44,0	46,0	60,3	35,4	41,6
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	1,0	1,0	2,7	3,3	3,9

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

в московских. Можно сказать, что федеральный бюджет и организации выступают комплементарно, фактически финансово дополняя в данном регионе друг друга в сфере научных исследований. При этом в 2019–2023 гг. финансирование вузовских НИОКР из указанных двух источников (ФБ и организаций) в Томской области было в каждом конкретном году разнонаправленным, что позволяло удерживать определённую финансовую стабильность в этой сфере (табл. 8).

Таблица 8
Финансирование НИОКР в вузах Томской области в 2019– 2023 гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	1 549 898	48,8	1 489 222	88,3	–1 007 072	–37,4	19 373,7	0,7
Организации	1 028 384	37,3	1 470,9	0,1	1 197 812	77,0	–486 021	–23,8

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

В 2020-м, пандемийном, году относительно 2019 г. прирост расходов федерального бюджета на научные исследования и разработки в вузах Томской области был небольшим — всего 0,7%, а вложения организаций не только не выросли, а, напротив, сильно сократились (на 23,6%). В 2021 г. финансирование вузовской науки в томском регионе со стороны федерального бюджета сильно (более, чем на треть) снизилось, а со стороны организаций заметно выросло (на 77%). В 2022 г. эстафета наращивания расходов на науку в Томской области перешла к государству (федеральному бюджету), а организации практически не увеличивали свои расходы на данные цели. И только в 2023 г. произошло синхронное наращивание финансирования научных исследований в томских вузах как из федерального бюджета, так и организациями.

В целом за рассматриваемый период финансирование НИОКР в томских вузах из федерального бюджета выросло на 76,7%, а за счёт организаций — на 85,3%. Однако на уровне отдельных вузов может превалировать или первый, или второй источник. Так, наука в национальном исследовательском Томском государственном университете в основном финансируется из федерального бюджета (в 2023 г. доля внебюджетных средств

в финансировании НИОКР составила 21,3%), а в Томском Политехе (тоже НИУ) — из средств организаций (в 2023 г. доля внебюджетных средств в финансировании научных исследований и разработок указанного вуза достигла почти 55,5%)[10].

Республика Татарстан

В вузах Республики Татарстан доходы от НИОКР в общих их доходах составили в 2023 г. 21,3%, что выше общероссийского и московского показателей, но ниже томского. С 2019 г. указанный показатель вырос на 5,5 п.п. (табл. 9).

Таблица 9
Структура доходов вузов Республики Татарстан от НИОКР в 2019–2023 гг., %

	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	21,3	16,4	16,1	16,7	15,8
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	44,6	42,3	42,2	48,0	43,9
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	46,8	50,6	53,9	48,9	50,4
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	8,6	7,1	3,8	3,1	5,7

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

В 2019–2023 гг. в вузах Республики Татарстан удельный вес финансирования НИОКР из федерального бюджета весь период был ниже удельного веса финансирования от организаций. Ещё одна особенность Республики Татарстан — довольно высокий удельный вес иных источников финансирования вузовской науки, кроме федерального бюджета и организаций. Это поступления из внебюджетных фондов и иностранных источников, которые за пятилетие выросли, соответственно, в 2,5 и 4,6 раза[11]. Финансирование науки в вузах Республики Татарстан из федерального бюджета в 2023 г. по сравнению с 2019 г. увеличилось в 2,1 раза, поступления от организаций в 1,9 раза. Динамика финансирования НИОКР в вузах Республики Татарстан в 2019-2023 гг. из федерального бюджета и за счёт организаций показана в табл. 10.

В 2020 г., т.е. в первый пандемийный год, государство (федеральный бюджет) заметно нарастило финансирование вузовской науки в Республике Татарстан (на 19,3%), в 2021 г. его расходы снизились, а затем два года ускоренно росли, особенно сильно (более чем на 50%) они выросли в 2023 г. по сравнению с 2022 г. Организации же в Республике Татарстан наращивали свои расходы на научные исследования в вузах весь рассматриваемый период то в большей, то в меньшей степени. Значительный рост финансирования вузовской науки в Татарстане пришёлся на второй год пандемии: в 2021 г. по сравнению с 2020 г. они выросли на 21,8%. Но ещё больше финансирование организациями НИОКР в вузах выросло в 2023 г. — почти на треть относительно 2022 г. Во многом это обусловлено тем, что ряд организаций данной республики относится к ОПК и они, как можно предположить, передали вузам заказы на прикладные научные разработки.

[10] По данным Информационно-аналитических материалов по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2024 г. (результаты 2023 г.). URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2024/_vpo/inst.php?id=296 (дата обращения: 15.04.2025). К сожалению, мониторинг не разделяет внебюджетные средства по источникам, но традиционно в вузовской науке вложения от организаций во внебюджетном финансировании составляют основную часть, так как гранты РГНФ небольшие, а поступления из иностранных источников в последние годы снизились.

[11] Расчёты по данным ВПО-2 2019-2023.

Таблица 10
Финансирование НИОКР в вузах Республики Татарстан в 2019–2023гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	1542254	51,1	465234	18,2	–71457,1	–2,7	424804,5	19,3
Организации	1177954	32,6	350720,1	10,8	584175,6	21,8	149691,4	5,9

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Свердловская область

Свердловская область — развитый промышленный регион России с одним из наиболее успешных федеральных университетов, который в рамках национального проекта «Наука и университет» стал ядром одного из созданных в то время научно-образовательных центров (НОЦ). Этот НОЦ является в настоящее время на общем фоне достаточно эффективным, концентрируя вокруг УрФУ многие университеты и индустриальных партнёров из Свердловской области и других регионов Уральского федерального округа. Кроме того, в данный межрегиональный НОЦ также входят 10 научных институтов Уральского отделения РАН. Как следствие, в общих доходах вузов Свердловской области доходы от НИОКР в 2023 г. превысили общероссийский уровень (табл. 11).

Таблица 11
Структура доходов вузов Свердловской области от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	13,4	13,3	12,0	12,1	11,7
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	43,6	18,3	15,9	43,9	29,1
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	54,2	68,9	65,4	51,6	45,6
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	2,2	12,8	18,7	4,5	25,3

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

В вузах Свердловской области удельный вес финансирования научных исследований и разработок за счёт федерального бюджета, кроме пандемийного 2020 г., когда он резко вырос, и 2023 г., когда он столь же сильно увеличился, был весьма невысоким на фоне вузов всех рассмотренных ранее регионов. Одновременно в вузах данного региона в отдельные годы рассматриваемого периода удельный вес поступлений от организаций в оплату заказов на НИОКР превышал или был практически равен ⅔ всего финансирования научных исследований и разработок. Представляется, что это следствие вхождения вузов региона, и прежде всего УрФУ, в НОЦ, что обеспечивает достаточно стабильное финансирование прикладной вузовской науки индустриальными партнёрами. Ещё одним значимым источником финансирования науки в вузах Свердловской области в 2019 г., 2021 г. и 2022 г. были поступления из внебюджетных фондов, что частично компенсировало снижение

финансирования из федерального бюджета, обеспечивая определённую финансовую стабильность в проведении научных исследований. Вместе с тем значительно в большей мере «выживание» науки в высшей школе Свердловской области определялось её сотрудничеством с предприятиями региона и округа. Динамика финансирования НИОКР в вузах Свердловской области за счёт средств федерального бюджета и организаций представлена в табл. 12.

Таблица 12
Финансирование НИОКР в вузах Свердловской области в 2019–2023гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	1137305,4	164,9	215576,2	45,5	–758462,2	–61,5	492361,4	66,5
Организации	–322786,1	–12,5	642384,6	33,0	498912,3	34,4	291114	25,1

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

В 2020 г. федеральный бюджет на 66,5% увеличил финансирование вузов Свердловской области по сравнению с 2019 г., что, очевидно, стало реакцией на пандемию COVID-19. В 2021 г. федеральный бюджет столь же резко сократил свои вложения (на 61,5%), видимо, посчитав, что функция поддержки вузовской науки в данном регионе в кризисный период была выполнена. Но уже в 2022 г. федеральный бюджет увеличил свои расходы на научные исследования в вузах Свердловской области, что было связано с началом СВО, а в 2023 г. их наращивание можно рассматривать как беспрецедентное (на 164,9%). Это, как представляется, обусловлено необходимостью развёртывать прикладные научные исследования, связанные с деятельностью ОПК в Уральском федеральном округе. Организации в 2020 г. увеличили финансирование вузовской науки более чем на четверть, что не очень характерно для ранее рассмотренных регионов, в которых организации в период пандемии либо сокращали свои вложения в вузовскую науку, либо увеличивали их крайне незначительно. В 2021 и 2022 гг. этот процесс продолжился (оба года вложения организаций прирастали более чем на треть), а в 2023 г. тренд неожиданно развернулся: вложения организаций снизились на 12,5% по сравнению с 2022 г. Это могло быть связано с ростом финансирования из ФБ — вузовские «научные мощности» оказались заняты госзаданием и места для заказов организаций просто не осталось. Нарастить же быстро эти «мощности» (оборудование и численность научных работников) вузы не могут. Возможен и другой вариант: организации получили необходимые им с началом СВО результаты сделанных ранее заказов на прикладные разработки и частично не сформировали новые заказы. А федеральный бюджет профинансировал либо нужные ему прикладные НИОКР, либо в большей мере фундаментальные исследования, чтобы создать определённый задел на будущее. Но, в принципе, то, что растущие объёмы заказов организаций сменились их некоторым падением, — не очень хороший знак для вузов региона, показывающий, что потребности или возможности организаций в наращивании вложений в вузовскую науку в условиях высокой инфляции, по всей видимости, постепенно сокращаются. Это создаёт для вузов региона достаточно большую зону неопределённости в плане стабильности их научной деятельности в будущем.

Ростовская область

В Ростовской области удельный вес доходов вузов от научно-исследовательской деятельности в 2023 г. составил 12,7% и вырос по сравнению с 2019 г. на 1,2 п.п., но тем не менее не достиг общероссийского показателя в 12,9%. При этом удельный вес федерального бюджета в финансировании вузовской науки в данном регионе в 2019–2022 гг. составлял немногим меньше (2019 и 2021 гг.) или немногим больше 25% (табл. 13). Однако в 2023 г. этот показатель резко увеличился до 46,7%. Что касается удельного веса финансирования НИОКР в вузах Ростовской области со стороны организаций, то он с 2019 г. по 2022 г. составлял не менее 70%, но в 2023 г. на фоне роста поступлений из ФБ снизился до 50,9%. Вклад остальных источников в финансирование научной деятельности вузов Ростовской области только в 2021 г. приближался к 4%, в остальные годы он был примерно в 2 раза ниже.

Таблица 13
Структура доходов вузов Ростовской области от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	12,7	11,9	11,4	11,7	11,5
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	46,7	27,7	24,3	25,3	22,1
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	50,9	70,5	71,9	72,4	75,9
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	2,3	1,8	3,9	2,3	2,1

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Динамика финансирования научных исследований и разработок в вузах Ростовской области за счёт средств федерального бюджета и организаций в 2019–2023 гг. была следующей (табл. 14).

Таблица 14
Финансирование НИОКР в вузах Ростовской области в 2019–2023гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	993454,5	108,9	197714,1	27,7	22237,7	3,2	131100,3	23,4
Организации	–249061,5	–10,7	211443,4	10,0	137011,5	6,9	46218,4	2,4

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Финансирование вузовской науки в Ростовской области из федерального бюджета демонстрировало в 2019–2023 гг. своеобразные «качели»: в 2020 г. её финансирование выросло почти на четверть в связи с началом пандемии, в 2021 г. финансирование увеличилось относительно 2020 г. всего на 3,2%, что продемонстрировало завершение с точки зрения государства адаптации вузовской науки региона к новым пандемийным условиям. В 2022 г. с началом СВО вливания в науку снова выросли практически на четверть и в 2023 г. увеличились уже очень

сильно — на 108,9% (в этом плане в 2023 г. прирост расходов на науку в Ростовской области был во многом аналогичен показателю Свердловской области). В целом же за рассматриваемый период расходы на науку в вузах Ростовской области выросли в 3,4 раза.

Динамика финансирования научных исследований и разработок в вузах данного региона со стороны организаций была иной: они стабильно, но медленно наращивали свои вложения в 2019–2022 гг., а в 2023 г. их сократили. И здесь ситуация была во многом аналогична происшедшему в Свердловской области, когда расходы организаций на вузовские исследования после трёхлетнего роста стали снижаться. Скорее всего, в Ростовской области это было связано с исчерпанием возможностей организаций в условиях растущей инфляции финансировать НИОКР в вузах региона в прежних объёмах. Всего за пять лет вложения организаций в вузовскую науку в Ростовской области выросли в 1,1 раза, т.е. формально остались примерно на прежнем уровне, но с учётом инфляции они достаточно сильно снизились. Однако в силу резкого роста в 2023 г. финансирования из ФБ в целом за рассматриваемый период вложения в науку в вузах данного региона выросли в 1,6 раза. Вместе с тем в настоящее время трудно прогнозировать, сколь долго федеральный бюджет сможет замещать сокращающиеся расходы организаций на заказы на НИОКР в ростовских высших учебных заведениях. Таким образом, можно констатировать, что, как и в случае Свердловской области, сфера вузовской науки данного региона вошла в 2023 г. в зону неопределённости.

Новосибирская область

В вузах Новосибирской области финансирование научных исследований и разработок из федерального бюджета выросло в 2019–2023 гг. в 2,3 раза, а поступления от организаций почти в 2 раза. В результате удельный вес доходов вузов данного региона от проведения научных исследований в их общих доходах в 2023 г. достиг 14,8%, увеличившись по сравнению с 2019 г. на 4,2 п.п. (табл. 15).

Таблица 15
Структура доходов вузов Новосибирской области от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	14,8	13,7	10,8	10,8	10,6
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	47,2	54,2	55,7	48,1	37,4
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	46,7	40,3	39,0	47,1	44,0
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	6,0	5,5	5,4	4,8	18,6

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Как следует из табл. 15, в 2023 г. удельные веса финансирования вузовских НИОКР за счёт федерального бюджета и организаций практически сравнялись. Удельный вес вложений в вузовскую науку из федерального бюджета рос в пандемийные годы и с началом СВО, но в 2023 г. заметно снизился. Всего же за рассматриваемый период он увеличился на 9,8 п.п. А вот удельный вес финансирования НИОКР в вузах региона со стороны организаций, хотя и колебался, но в целом за рассматриваемый период изменился всего на 2,7 п.п. При этом в 2020 г. по сравнению с 2019 г. резко снизился удельный вес вложений в вузы Новосибирской области из иных источников, кроме ФБ и организаций. Однако после 2020 г. удельный вес этих поступлений стал медленно, но расти, увеличившись в 2020–2023 гг. на 1,2 п.п. Динамика финансирования НИОКР в вузах Новосибирской области в 2019-2023 гг. за счёт средств федерального бюджета и заказов организаций представлена в табл. 16.

Таблица 16
Финансирование НИОКР в вузах Новосибирской области в 2019–2023 гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	1232,1	0,1	463449,2	37,4	278236,9	28,9	229872,5	31,4
Организации	421852,3	33,4	396055,8	45,6	–74461,8	–7,9	83546,7	9,7

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Все годы рассматриваемого периода финансирование вузовских НИОКР в Новосибирской области из федерального бюджета росло, причём в 2020-2022 гг. довольно высокими темпами. Однако в 2023 г. этот рост резко затормозился. Организации почти на 10% нарастили вложения в вузовскую науку в 2020 г. по сравнению с 2019 г., поддержав тем самым вузы региона в первый пандемийный год, хотя и в значительно меньших объёмах по сравнению с ФБ. Но в 2021 г. организации сократили свои вложения, в то время как ФБ продолжил их увеличивать. А вот в 2022 и 2023 гг. вложения организаций резко возрастают, хотя ФБ в 2023 г., как уже было отмечено, практически перестаёт увеличивать своё финансирование НИОКР в вузах Новосибирской области. По всей видимости, в 2022–2023 гг. заказы организаций на прикладные вузовские НИОКР выросли в силу необходимости решать научные задачи, связанные с развитием ОПК. После решения указанных задач эти заказы могут сильно сократиться, как это произошло в Свердловской и Ростовской областях. Тем более, что инфляция остаётся высокой, и можно предположить, что запас прочности и ресурсов организаций постепенно снижается.

Республика Башкортостан

В Республике Башкортостан в 2019–2023 гг. федеральный бюджет увеличил финансирование научных исследований и разработок в вузах этого региона в 5,6 раза. Организации в рассматриваемый период нарастили финансирование вузовской науки в высших учебных заведениях Башкортостана в 1,8 раза[12]. Этот рост вложений во многом привёл к тому, что удельный вес доходов вузов от науки в их общих доходах вырос с 7,4 до 11,4%, или на 4,0 п.п. (в 1,5 раза) (табл. 17).

Таблица 17
Структура доходов вузов Республики Башкортостан от НИОКР в 2019–2023гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	11,4	10,0	9,3	7,1	7,4
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	45,8	42,2	35,9	29,4	21,6
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	44,8	43,6	54,7	59,8	67,2
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	9,4	14,2	9,4	10,8	11,1

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

[12] Расчёты по данным ВПО-2 2019–2023 гг.

Резкое увеличение финансирования научных исследований в высшей школе региона со стороны ФБ, обгонявшее рост вложений организаций, повлекло за собой изменение удельных весов указанных двух «инвесторов» в общем объёме поступлений на вузовские НИОКР в Республике Башкортостан. Если в 2019 г. удельный вес ФБ в финансировании науки в вузах составлял чуть больше 20%, а удельный вес организаций — чуть более ⅔, то в 2023 г. эти удельные веса практически сравнялись. На иные источники, кроме ФБ и организаций, в финансировании научных исследований в вузах Республики Башкортостан приходилось 9,4–14,2%. Этими источниками были, во-первых, региональный бюджет, который играет в Республике Башкортостан большую роль, и, во-вторых, внебюджетные фонды. Динамика финансирования научных исследований и разработок в вузах Республики Башкортостан за счёт федерального бюджета и организаций представлена в табл. 18.

Таблица 18

Финансирование НИОКР в вузах Республики Башкортостан в 2019–2023 гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	502202,8	54,2	272381,2	41,6	294164,7	81,6	103734,7	40,4
Организации	441363,4	46,1	–42528,8	–4,3	265020,7	36,1	–63385,8	–7,9

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Как следует из табл. 18, рост финансирования вузовской науки в Республике Башкортостан из ФБ шёл в 2019–2023 гг. непрерывно. Наибольшим он был в 2021 г., когда продолжалась пандемия COVID-19. В 2022 г. прирост финансирования из ФБ относительно 2021 г. снизился, чтобы снова вырасти в 2023 г. При этом изменения вложений со стороны организаций носили волнообразный характер: в 2020 г., с началом пандемии, они снизились, по выходу из пандемии выросли, с началом СВО сократились, а в 2023 г. вновь возросли. Организации снижали свои вложения в НИОКР вузов Башкортостана в 2020 г. (начало пандемии) и в 2022 г. (начало СВО). Напротив, в 2021 г. и 2023 г. финансирование организациями научных исследований и разработок в высшей школе серьёзно возрастало.

В 2023 г., как было отмечено, был достигнут определённый паритет финансирования научных исследований в вузах Республики Башкортостан со стороны ФБ и организаций. Это позволяет организациям оптимизировать свои усилия в данном направлении. Можно ожидать, что организации постепенно начнут уменьшать вложения в вузовскую науку региона или по крайней мере сокращать их прирост. Другими словами, в Республике Башкортостан идёт медленное замещение поступающих частных денег в научные исследования государственными, хотя задача стоит прямо противоположная — увеличить вложения в российскую науку, благодаря большему привлечению в неё внебюджетных средств.

Пермский край

В вузах Пермского края удельный вес доходов от НИОКР в общем объёме их доходов достиг в 2023 г. 18,1%, увеличившись с 2019 г. на 1,9 п.п. Следует отметить, что в высших учебных заведениях региона финансирование НИОКР происходит прежде всего за счёт организаций, на которые в 2019 г. приходилось 82,5% всего финансирования вузовской

науки в Пермском крае, а в 2023 г. — 75,1%. Несмотря на снижение удельного веса организаций во вложениях в научные исследования вузов региона на 7,4 п.п., федеральный бюджет их замещает крайне ограниченно — всего за рассматриваемый период его удельный вес в финансировании НИОКР в региональной системе высшего образования увеличился только на 0,5 п.п. Значительный рост данного показателя наблюдался исключительно в 2020 г., когда в пандемию федеральный бюджет вынужденно нарастил свои расходы на научные исследования и разработки в вузах. В Пермском крае, кроме ФБ и организаций, в финансировании вузовской науки в рассматриваемый период заметно выросла роль регионального бюджета — почти в 2,5 раза (рост поступлений из ФБ увеличился в 1,6 раза, организаций — в 1.4 раза), что привело к росту удельного веса поступлений из иных источников с 3,9% в 2019 г. до 10,8% в 2023 г. (табл. 19).

Таблица 19
Структура доходов вузов Пермского края от НИОКР в 2019–2023гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	18,1	16,3	17,9	18,4	16,2
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	14,1	14,6	15,7	27,9	13,6
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	75,1	74,7	79,6	68,7	82,5
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	10,8	10,7	4,7	3,4	3,9

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Динамика финансирования научных исследований и разработок в вузах Пермского края за счёт средств ФБ и организаций была в 2019-2023 гг. следующей (табл. 20).

Таблица 20
Финансирование НИОКР в вузах Пермского края в 2019–2023 гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	45102,5	13,5	–20110,8	–5,7	–236768,6	–40,1	351169,3	147,0
Организации	300680,3	17,6	–78584,1	–4,4	331526,2	22,8	2481,7	0,2

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Федеральный бюджет резко нарастил финансирование НИОКР в пермских вузах в 2020 г. относительно 2019 г. — на 147,9%. Это была реакция на пандемию, но уже в 2021 г. финансирование снижается, съедая большую часть его прироста в 2020 г. Небольшое снижение наблюдается и в 2022 г., т.е. в Пермском крае начало СВО не привело к росту вливаний в вузовскую науку из ФБ. В 2023 г. финансирование из него выросло, причём его прирост более чем в 2 раза перекрыл снижение 2022 г. Организации особенно сильно поддержали своими заказами (финансированием) вузовские НИОКР в 2021 г. (в 2020 г. их реакция была слабой — прирост финансирования относительно 2019 г. составил всего 0,2%).

В 2022 г. вложения организаций в научные исследования вузов упали синхронно с их снижением из федерального бюджета, но по абсолютной величине их сокращение было почти в 4 раза больше снижения поступлений из ФБ. В 2023 г. оба основных источника финансирования вузовской науки в Пермском крае его увеличили (по абсолютной величине прирост вложений организаций был почти в 6,7 раза больше по сравнению с приростом финансирования из ФБ). Такой значительный прирост вложений организаций в вузовские НИОКР показывает, что, по всей видимости, возникла острая потребность проведения прикладных научных исследований и разработок, связанных с потребностями ОПК. В этом плане ситуация с финансированием вузовских научных исследований и разработок в Пермском крае была схожа с ситуацией в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане, Башкортостане, Томской и Новосибирской областях и значительно отличалась от ситуации в Свердловской и Ростовской областях.

Красноярский край

В Красноярском крае в 2019-2023 гг. финансирование научных исследований и разработок в вузах из ФБ выросло в 1,7 раза, а вложения со стороны организаций практически не изменились в 2023 г. по сравнению с 2019 г., хотя с учётом инфляции они существенно снизились. Особенностью Красноярского края является рост в 2023 г. финансирования вузовской науки из регионального бюджета в 9,7 раза в абсолютном выражении, что значительно выше, чем в Пермском крае или Республике Башкортостан, где роль регионального бюджета также росла. В результате удельный вес регионального бюджета в финансировании НИОКР в вузах Красноярского края достиг в 2023 г. 26,7%, что было вполне сопоставимо с удельными весами федерального бюджета (35,7%) и организаций (34,2%). Следует отметить, что быстрый рост удельного веса расходов регионального бюджета на вузовские НИОКР пришёлся на 2022 г. и вероятнее всего был связан с началом СВО (он также рос в 2020 г., когда началась пандемия) (табл. 21).

Таблица 21
Структура доходов вузов Красноярского края от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	10,5	8,0	7,8	8,5	8,2
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	35,7	39,9	31,3	37,9	33,6
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	34,2	44,1	59,9	49,3	55,5
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	30,1	16,1	8,9	12,8	10,8
в т.ч. удельный вес регионального бюджета в финансировании НИОКР	26,7	11,0	3,2	7,6	4,5

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Динамика финансирования НИОКР в вузах Красноярского края за счёт федерального и регионального бюджетов, а также организаций показана в табл. 22.

Из табл. 22 хорошо видно, что федеральный и региональный бюджеты синхронно наращивали и снижали финансирование НИОКР в вузах Красноярского края: увеличили в 2020 г. относительно 2019 г., снизили в 2021 г. относительно 2020 г. и вновь стали увеличивать с 2022 г. При этом региональный бюджет делал это значительно интенсивнее по сравнению с ФБ. Что касается организаций, то они сокращали вложения в вузовскую науку региона в 2020 и 2022 гг., т.е. оба раза (пандемия и СВО) это происходило, когда начиналась

Таблица 22
Финансирование НИОКР в вузах Красноярского края в 2019–2023гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	228673,1	39,8	161761,6	39,1	–122646	–22,9	74609,9	16,2
Организации	134323,5	21,1	–155405	–19,6	95221,5	13,7	–66039,4	–8,7
Региональный бюджет	443745,1	279,9	116500,6	277,2	–65045,6	–60,7	45281,3	73,3

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

турбулентность и росла неопределённость. Затем (в 2021 и 2023 гг.) они с лихвой компенсировали указанное сокращение. В результате всех изменений в 2023 г. вузовская наука Красноярского края практически поровну финансировалась из трёх источников — федерального и регионального бюджетов и организаций. Но при этом необходимо учитывать, что высшая школа Красноярского края стала получать на НИОКР в основном бюджетные средства, а поступление внебюджетных средств снизилось. Соответственно, учитывая, что Красноярский край — один из 11 регионов, на которые в 2023 г. приходилось более ¾ всего финансирования вузовской науки, снижение в нём удельного веса внебюджетных вложений в вузовские НИОКР является ещё одним свидетельством, что выполнение задачи, поставленной в ранее упомянутом президентском указе об увеличении внутренних затрат на науку до 2% ВВП, находится под угрозой.

Краснодарский край

Феномен развития НИОКР в вузах Краснодарского края состоит в том, что за пять лет — 2019–2023 гг. — их финансирование из ФБ выросло в 7,3 раза, а от организаций — в 3,0 раза[13]. Это привело к тому, что низкий удельный вес доходов от научной деятельности в вузах края в общем их объёме, равный 4,6% в 2019 г., вырос в 2023 г. до 11,3%, т.е. почти в 2,5 раза (табл. 23).

Удельный вес ФБ в финансировании вузовской науки в Краснодарском крае поднялся до 55,0% в 2023 г. с 30,8% в 2019 г. Необычным было и то, что этот удельный вес снизился в 2020 г. на 8,2 п.п., хотя в вузах других регионов он, как правило, рос. Вместе с тем в 2021 г. данный показатель резко вырос до 56,2%, а затем оставался на близких уровнях. Удельный вес организаций в доходах вузов края от научных исследований и разработок в общем их объёме, напротив, после роста в 2020 г. стал снижаться и в 2023 г. составил 37,5% при 50,3% в 2019 г. Остальные источники — прежде всего региональный бюджет — играли определённую роль в пандемийные годы и в 2022 г., т.е. при начале СВО. В 2023 г. их роль заметно сократилась на фоне роста финансирования со стороны федерального бюджета (табл. 23).

Что касается динамики финансирования вузовских НИОКР в Краснодарском крае за счёт ФБ и организаций, то она была следующей (табл. 24).

[13] Расчёты на основе данных ВПО-2 2019-2023 гг.

Таблица 23
Структура доходов вузов Краснодарского края от НИОКР в 2019–2023 гг., %

Годы	2023	2022	2021	2020	2019
Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах	11,3	9,2	10,2	4,5	4,6
Удельный вес федерального бюджета в финансировании НИОКР	55,0	53,5	56,2	22,6	30,8
Удельный вес организаций в финансировании НИОКР	37,5	35,2	33,9	56,9	50,3
Удельный вес остальных источников в финансировании НИОКР	7,6	11,4	9,9	20,5	18,9

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Таблица 24
Финансирование НИОКР в вузах Краснодарского края в 2019–2023 гг. за счёт федерального бюджета и организаций

	Прирост/ сокращение финансирования 2023–2022		Прирост/ сокращение финансирования 2022–2021		Прирост/ сокращение финансирования 2021–2020		Прирост/ сокращение финансирования 2020–2019	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Федеральный бюджет	397536,0	37,4	–24487,3	–2,3	927044,0	575,4	–38932,4	–19,5
Организации	295364,4	42,2	42235,9	6,4	253162,9	62,6	78105,8	23,9

Источник: ВПО-2 2019-2023, расчёты автора.

Из табл. 24 следует, что основное увеличение финансирования вузовской науки в Краснодарском крае из ФБ произошло в 2021 г. во второй год пандемии, а в первый пандемийный 2020 г., напротив, это финансирование снизилось. В 2022 г. с началом СВО федеральное финансирование немного сократилось относительно 2021 г. В 2023 г. наблюдался второй значительный рост вложений в научные исследования и разработки в вузах данного региона из ФБ. Организации же весь рассматриваемый период увеличивали финансирование НИОКР в вузах Краснодарского края.

Во многом увеличение финансирования науки в вузах данного региона из ФБ было связано с развитием Сочинской агломерации и особенно федеральной территории «Сириус». Кроме того, необходимо учитывать, что и в целом Краснодарская агломерация — одна из крупнейших в России. Это предопределяет необходимость развёртывания в ней современной системы высшего образования и, соответственно, вузовских научных исследований и разработок. Можно также констатировать, что организации в Краснодарском крае, несмотря на высокую инфляцию, в настоящее время сохраняют ресурсы (иногда они квазигосударственные) для продолжения финансирования вузовской науки.

Заключение

Анализ ситуации с финансированием вузовской науки из различных источников показывает, что за рассматриваемый период оно в целом по Российской Федерации росло темпами выше уровня инфляции. По данным Росстата[14], накопленная инфляция за 2019–2023 гг. соста-

[14] Индексы потребительских цен (тарифов) на отдельные товары и услуги по Российской Федерации. URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/183191

вила 40,9%, а вложения в вузовские НИОКР выросли на 53,0%[15]. При этом расходы федерального бюджета выросли на 87,6%, а организаций — на 32,6%[16]. Таким образом, рост финансирования научных исследований в высшей школе страны выше темпов инфляции был обеспечен прежде всего увеличением расходов на эти цели из федерального бюджета. Организации не смогли угнаться за инфляцией, и их роль в финансировании вузовской науки снизилась.

За рассматриваемый период «стягивание» средств на научные исследования в высшие учебные заведения 11 регионов России продолжилось. Если в 2019 г. на них приходилось 73,2% всего финансирования науки в высшей школе, то в 2023 г. уже 77,4%. При этом вузы Москвы получают всё увеличивающуюся долю этого «пирога»: так, в 2023 г. на них пришлось 42,7% всех средств, поступивших в вузовскую науку (в 2019 г. — 41,2%). Вузы Санкт-Петербурга, напротив, сокращают свою долю (в 2023 г. она составила 12,3%, в 2019 г. — 13,1%). Вместе с тем в 2023 г. вузы обеих столиц получили 55% всех средств, вложенных в вузовскую науку России. На высшие учебные заведения девяти остальных регионов (из 11) пришлось в 2023 г. 22,4% всего финансирования НИОКР в российской системе высшего образования. Их доля немного выросла по сравнению с 2019 г. (18,9%). В целом получаем следующую картину по России в 2023 г. — вузы двух столиц получили 55% всего финансирования науки в высшей школе, девять регионов — 22,4% и 74 региона[17] — 22,6%.

Несмотря на то, что на вузы выделенных 11 регионов в 2023 г., как уже отмечалось, пришлось 77,4% всех средств, поступивших в российские высшие учебные заведения на научные исследования и разработки, динамика их финансирования из федерального бюджета и от организаций достаточно сильно различалась по годам рассматриваемого периода. Тем не менее общая тенденция состояла в снижении роли организаций и повышении роли государственных средств в финансовом обеспечении вузовских НИОКР. Это противоречит задаче выхода к 2030 г. на 2% ВВП внутренних затрат на науку в России прежде всего за счёт наращивания вложений «частного бизнеса на эти цели не менее чем в два раза»[18]. Тем более, что часть организаций, заказывающих НИОКР вузам, являются государственными или квазигосударственными. Следует отметить, что начало экспансии государства в вузовскую науку во многом связано с кризисными периодами — с пандемией COVID-19 и проведением СВО. Организации в эти моменты, как правило, сокращали свои вложения в вузовские НИОКР. В ряде регионов федеральному бюджету «помогал» поддерживать НИОКР в высшей школе региональный бюджет. Но эта практика была достаточно ограниченной.

В 2023 г. политика организаций по финансированию науки в вузах в рассматриваемых регионах различалась: в двух из них организации (Свердловская, Ростовская области) начали немного сокращать свои вложения в финансирование вузовской науки, а в остальных девяти увеличивали, причём выше уровня инфляции. Было ли сокращение финансирования вузовской науки со стороны организаций в Свердловской и Ростовской областях снижением их ресурсных возможностей или удовлетворением потребности в прикладных научных исследованиях, сказать трудно. Можно предположить, что организации этих регионов среагировали на усиление инфляции и заранее оптимизировали направления своих расходов. Кроме того, они, видя, что федеральный бюджет наращивает финансирование вузовской науки, могли счесть приемлемым снижение собственных вложений. А организации в остальных из рассмотренных регионов или пока сами получают доходы, превосходящие уровень инфляции, поэтому могут продолжать финансировать НИОКР в вузах в прежних объёмах и даже их увеличивать, или получают заказы, для выполнения которых им нужны прикладные вузовские исследования.

---

[15] Расчёты по данным ВПО-2 2019-2023.

[16] Расчёты по данным ВПО-2 2019-2023.

[17] Без учёта новых территорий.

[18] Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (от 07.05.2024 г. № 309).

В целом в настоящее время финансирование вузовской науки не только не сокращается, но в основных регионах её развития растёт. Однако, по крайней мере в вузовском секторе науки, пока не удаётся обеспечивать это развитие за счёт частных денег и, следовательно, частной инициативы. В итоге в высшей школе идёт всё большее огосударствление научных исследований и разработок, и кризисные явления в экономике этому во многом способствуют.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Аблажей А.М. (2014). Интеграция науки и высшего образования: старые проблемы и новые подходы [*Ablazhey A.M.* (2014). Integration of science and higher education: old problems and new approaches] // *Высшее образование в России*. № 8–9. С. 53–59.

Бюллетень о сфере образования №17. Интеграция высшего образования и науки в России. (2018). Аналитический центр при Правительстве РФ. Сентябрь. [*Education bulletin No. 17. Integration of higher education and science in Russia.* (2018) Analytical center under the Government of the RF. September]. https://ac.gov.ru/files/publication/a/18401.pdf?ysclid=ma0q2faioj37704008 (дата обращения: 27.04.2025).

Дежина И.Г. (2023). Государственная политика по развитию науки в российских вузах: уроки 90-х [*Dezhina I.G.* (2023). Russia's state policy on the development of science at universities: lessons from the 90s] // *Высшее образование в России*. Т. 32. № 10. С. 76–90.

Дежина И.Г. (2007). Опыт интеграции образования и науки на примере программы «Фундаментальные исследования и высшее образование» [*Dezhina I.G.* (2007). The Program «Basic research and higher education» as the example of experience of embodiment between science and education] // *Университетское управление: практика и анализ.* № 1. С. 45–50.

Егоров Н.Е. (2025). Оценка публикационной активности ведущих университетов России [*Egorov N.E.* (2025). Evaluation of the publication activity of the leading universities in Russia] // *Управление наукой и наукометрия*. Т. 20. Вып. 1. С. 12–25.

Иванова А.Д., Евграфов А.А., Моругова О.В. (2020). Публикационная активность как приоритет в развитии вузов России [*Ivanova A.D., Evgrafov A.A., Morugova O.V.* (2020). Publication activity as a priority in the development of Russian universities] // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. № 3. С. 88–98.

Инглхарт Р., Карабчук Т.С., Моисеев С.П., Никитина М.В. (2013). Международные научно-исследовательские лаборатории в России: субъективная и объективная оценка результативности [*Inglehart R., Karabchuk T.S., Moiseev S.P., Nikitina M.V.* (2013). International research laboratories in Russia: factors underlying scientists' satisfaction with their work] // *Форсайт*. Т. 7. № 4. С. 44–59.

Кларк Б.Р. (2007). Интеграция исследований и обучения: модели XIX и XX столетий [*Clark B.R.* (2007). Integrating research and teaching: 19th and 20th century models] // *Вестник высшей школы.* № 2. С. 35–37.

Костюкова Т.А., Масленникова О.Г., Отт М.А. (2022). Сетевое взаимодействие университетов как потенциал развития качества высшего образования в современных условиях [*Kostyukova T.A., Maslennikova O.G., Ott M.A.* (2022). Universities networking as a potential for the development of the quality of higher education under modern conditions] // *Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical review).* Вып. 4(44). С. 81–90.

Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. (2021). *Университеты в России: как это работает* [*Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M.* (2021). Universities in Russia: how it works]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Неретина Е.А. (2013). Сетевое взаимодействие — основа динамичного развития вузов [*Neretina E.A.* (2013). Networking as the basis of flexible dynamic development of universities] // *Высшее образование в России*. № 4. С. 128–133.

Пушкарёв Ю.В., Пушкарёва Е.А. (2012). Особенности современного развития науки в вузе: теоретико-методологический анализ [*Pushkarev Yu.V., Pushkareva E.A.* (2012). Features of modern development of science in higher school: the theoretical and methodological analysis] // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. № 5(9). С. 28–34.

Радаев В.В. (2010). Пять принципов построения нового университета [*Radaev V.V.* (2010). Five principles for building a new university] // *Pro et Contra*. № 3. С. 6–18.

Романов Е.В. (2023). Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» [*Romanov E.V.* (2023). Publication activity of Russian universities: from "academic capitalism" to "academic socialism"] // *Вопросы экономики*. № 2. С. 100–115.

Федотова О.Д., Мареев В.В., Карпова Г.Ф. (2015). Стимулирование публикационной активности преподавателей как путь вхождения российских вузов в систему всемирных связей в области науки и образования [*Fedotova O.D., Mareev V.V., Karpova G.F.* (2015). Stimulation of publishing activity of university lecturer as a way for entering Russian universities in the system of world relations in the sphere of science and education] // *Науковедение*. Т. 7. № 6. С. 2–11.

Шувалова О.Р., Кузнецова И.А., Росовецкая Л.А., Городникова Н.В., Сагиева Г.С., Гохберг Л.М. (2005). *Наука в Российской Федерации:* Стат. сб. [*Shuvalova O.R., Kuznetsova I.A., Rosovetskaya L.A., Gorodnikova N.V., Sagieva G.S., Gokhberg L.M.* (2005). Science in the Russian Federation. Stat. Coll.]. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.

Клячко Татьяна Львовна
tlk@ranepa.ru

Tatiana Klyachko
Doctor of sciences (Economics), professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
tlk@ranepa.ru

SCIENTIFIC RESEARCH IN RUSSIAN UNIVERSITIES: PROBLEMS AND REGIONAL FEATURES

Abstract. The article examines the issues and processes that determine the integration of higher education and science in the modern economy. The main attention is paid to changes in the financing of scientific research and development in universities, both in the Russian Federation as a whole and in 11 of its regions, which in recent years have accounted for almost ¾ of R&D expenditures in higher education institutions. These regions are: Moscow, St. Petersburg, Tomsk, Novosibirsk, Sverdlovsk and Rostov regions, the Republics of Tatarstan and Bashkortostan, Perm, Krasnoyarsk and Krasnodar territories. It is shown that in 2019–2023 there is a gradual increase in funding for university science from the federal budget. The increase began in 2020 with the onset of the Covid-19 pandemic. During the period under review, organizations invested in scientific research in higher education in different ways, but the general trend is that their investments lag behind federal budget funding. Moscow universities increased the share of income received from scientific activities in their total income in 2023 compared to 2019, in St. Petersburg this figure decreased despite the fact that four national research universities operate in the second Russian capital. In the remaining nine regions, the share of university income from R&D increased. In 2023, higher education institutions in these nine regions accounted for 20% of all Russian higher education income from science. Although the share of St. Petersburg universities' income from R&D decreased during the period under review, they nevertheless retained second place in this indicator after Moscow universities. Higher education institutions in the Tomsk region came in third place. In general, at present, funding for university science is not only not decreasing, but is growing in the main regions of its development. However, at least in the university science sector, it has not yet been possible to ensure this development through private money and, consequently, private initiative. As a result, there is an increasing nationalization of scientific research and development in higher education, and the crisis phenomena in the economy, in particular high inflation, contribute to this in many ways.

Keywords: *scientific research, university science, higher education, funding of university science.*
JEL: I21, I22, I23, I28, O30.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.А. Юревич
к.э.н., старший научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

А.А. Федюнина
к.э.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРИНИМАЮЩИХ ЭКОНОМИК И МУЛЬТИНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

Аннотация. В условиях глобального ужесточения экологического регулирования актуальным остаётся вопрос об его эффективности и потенциальных негативных последствиях, таких как «зелёный парадокс», когда меры экологической политики приводят к краткосрочному росту загрязнений. В данном исследовании анализируется влияние экологического регулирования на выбросы парниковых газов и конкурентные позиции мультинациональных корпораций (МНК) на основе панельных данных за 2000–2020 гг. с использованием межстрановых таблиц «затраты-выпуск» (OECD Greenhouse gas footprint indicators, Analytical Activities of MNEs (AAMNE)) и баз данных мер экологического регулирования (PINE Database). Результаты подтверждают нелинейный характер связи между строгостью регулирования и уровнем выбросов, зависящий от экономического развития страны и отраслевой специфики. Примечательно, что эффект «зелёного парадокса» наблюдается в развитых странах при применении налогов, а в развивающихся – при использовании штрафов. Тестирование гипотез «ореола загрязнения» и «гавани для загрязнения» показало, что МНК получают конкурентное преимущество в условиях жёсткого регулирования, особенно в обрабатывающей промышленности, где их технологическое превосходство нивелирует издержки. Однако по всем отраслям экономики уже обнаруживаются признаки «зелёного парадокса», связанного с неоптимальным дизайном мер или краткосрочными адаптационными издержками. Исследование подчёркивает необходимость дифференцированного подхода к экологическому регулированию с учётом отраслевых особенностей и рисков для локальных предприятий.

Ключевые слова: *экологический ущерб, экологическое регулирование, МНК, экологические налоги и штрафы, «зелёный парадокс».*
JEL: Q53, Q58
УДК: 338.23
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_90_104
© М.А. Юревич, А.А. Федюнина, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Юревич М.А., Федюнина А.А.* Экологическая политика принимающих экономик и мультинациональные корпорации: эмпирический анализ // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 90–104. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_90_104.

FOR CITATION: *Yurevich M. Fedyunina A.* Environmental Policies of Host Economies and Multinational Corporations: An Empirical Analysis // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 90–104. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_90_104.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по теме «Трансформации цепочек создания стоимости угольной отрасли и связанных с ней отраслей в условиях глобального энергоперехода и санкционного давления на российскую экономику» (Соглашение № 6.13.1-02/210723–1 от 21.07.2023 г.).

Введение

Ужесточение экологического регулирования стало общемировым трендом и превратилось в неотъемлемое слагаемое устойчивого экономического развития. При этом в академических и управленческих кругах вновь и вновь обсуждается вопрос о необходимости, эффективности и целесообразности таких мер, особенно в кризисные периоды. В этой связи часто упоминают так называемый «зелёный парадокс», когда меры экологической политики провоцируют рост издержек предприятий, что приводит к увеличению выпуска (как минимум, в краткосрочном периоде), препятствуют проведению НИОКР и внедрению инноваций и в конечном счёте продуцирует ещё больший ущерб окружающей среде [*Van der Ploeg, Withagen,* 2012*; Yin, Liu, Gu,* 2022]. Однако, как демонстрируют результаты эмпирических исследований, «зелёный парадокс» может возникать или не возникать в экономических системах в зависимости от множества обстоятельств.

Очевидно, что одни и те же инструменты экологического регулирования по-разному воздействуют на различные предприятия даже в пределах одной отрасли. И в определённых случаях природоохранные меры могут стать скрытым оружием протекционистской политики, меняя конкурентные условия для участников рыночных отношений [*Sadeghzadeh,* 2014]. Мультинациональные корпорации (МНК) как участники этих отношений находятся в особом привилегированном положении за счёт возможности переноса производственных процессов в локации с более лояльной нормативно-правовой средой в области экологии или в так называемые «гавани для загрязнения» [*Levinson, Taylor,* 2008]. Но данная гипотеза далеко не всегда находит подтверждение на реальных данных и требует дополнительной проверки на основе массивной панели с широким международным охватом и глубокой ретроспективой, а также с учётом возможного действия «зелёного парадокса».

Экологический ущерб и экологическое регулирование: обзор ключевых исследований

Несмотря на растущую распространённость экологического регулирования, вопрос о том, работают ли меры экологической политики с точки зрения снижения экологического ущерба остаётся открытым. Например, в [*Zhang, Zhang, Yu,* 2020] была обнаружена ∩-связь между интенсивностью регулирования и загрязнением экологии. Среди причин такой зависимости называются как протяжённость во времени эффекта от введения мер, так и необходимость достижения критической массы регулирующих актов, что позволяет сменить технологический базис экономической модели отрасли или всей экономики на более природосберегающий [*Ouyang, Li., Du,* 2019*; Chen, Fan, Zhou,* 2020]. Поэтому анализ результатов экологического регулирования целесообразен лишь в долгосрочном периоде [*Neves, Marques, Patrício,* 2020]. Эффективность экологического регулирования оказалась связана с уровнем развития национальной экономики. Так, в странах с развивающейся экономикой регулирование приводит к увеличению выбросов, а в странах ОЭСР — к их сокращению [*Wang, Wei,* 2020]. Тем не менее необходимость экологической повестки в международной политике или как элемента национальных политик не подвергается сомнению, а области неэффективности экологического регулирования объясняются выбором неоптимальной формы воздействия, т.е. несоответствием состава мер регулирования экономическому профилю объекта [Doğan *et al.,* 2022].

Характер воздействия экологической политики на экономическую активность на микро- и макроуровне зачастую исследуется в рамках проверки гипотезы Портера, согласно которой новые требования регуляторов в области охраны природы стимулируют компании внедрять инновации, что положительно отражается на их конкурентоспособности

и в конечном счёте обуславливает оптимизацию издержек [*Porter, Linde,* 1995]. При этом различают три трактовки данной гипотезы: слабую и сильную версию, а также узкую трактовку [*Jaffe, Palmer,* 1997]. В первой из них утверждается, что вследствие регуляторных ограничений фирмы вынуждены искать новые пути сокращения возросших издержек на основе внедрения инноваций, которые далеко не всегда повышают общий инновационный потенциал фирм, но могут иметь локальный процессный характер. Согласно сильной версии гипотезы предприятия, оперируя на рынках с асимметрией информации, зачастую не способны находить точечные инновационные решения для выполнения введённых экологических требований, а вынуждены повышать общий технологический уровень и производительность. В узкой трактовке утверждается, что некоторые инструменты в большей степени стимулируют инновационную активность, некоторые — в меньшей. В частности, гибкие и рыночные (например, торгуемые квоты и др.) меры более предпочтительны по сравнению с административными (к примеру, неторгуемые лимиты на объём выбросов).

Дискуссии о характере воздействия природоохранного регулирования на деятельность МНК, как правило, строятся вокруг двух гипотез: «ореол загрязнения» и «гавани для загрязнения». Согласно первой — МНК более устойчивы к мерам экологической политики, т.к. обладают более современными, в т.ч. природосбергающими технологиями, которые внедряются в производственные процессы и распространяются на рынках присутствия филиалов. Соответственно, чем больше страна привлекает МНК, тем эффективней становятся меры экологического регулирования и тем больше снижается ущерб экологии. Согласно второй гипотезе — МНК стремятся переносить «грязные» производства в страны с менее жёсткой экологической политикой, тем самым сокращая издержки. Таким образом, МНК, с одной стороны, более устойчивы к новым экологическим требованиям в силу наличия более современных технологий, с другой стороны — более восприимчивы к регулированию, которое сулит значительные финансовые потери, из-за возможности релоцировать производство [*Scaringelli,* 2014].

По большому счёту гипотезы (а точнее следствия из них) друг другу не противоречат (гипотеза «гаваней для загрязнения» скорее противопоставляется гипотезе Портера [*D'Agostino,* 2015]), и всё упирается в жёсткость мер регулирования, поэтому каждая из них многократно находила эмпирическое подтверждение или опровержение. Так, в автомобильной отрасли США на ранней стадии действия национальной программы по сокращению выбросов местные компании продемонстрировали бо́льшую инновационную активность по сравнению с иностранными предприятиями [*Lee, Veloso, Hounshell,* 2011]. На выборке итальянских фирм инновационная активность МНК оказалось выше, чем у локальных компаний только при условии глубокой локализации первых (наличие тесных связей с местными поставщиками); правда, вместо нормативно-правового экологического «принуждения» моделировался эффект секторальных экологических инвестиций [*Cainelli, Mazzanti, Montresor,* 2012]. По результатам моделирования на опросных данных 4,2 тыс. предприятий из 7 стран ОЭСР выяснилось, что факт принадлежности к структурам МНК оказался статистически незначим при установлении связи экономических и экологических показателей фирм с уровнем жёсткости экологического регулирования [*Lanoie et al.,* 2011].

На макроуровне для выборки из 30 стран объём привлечённых ПИИ оказался нелинейно связан с уровнем жёсткости регулирования в области экологии — наиболее привлекательными стали страны с его умеренным уровнем [*Kalamova, Johnstone,* 2012]. А на панельных данных для 120 развивающихся стран была обнаружена положительная связь между жёсткостью экологического регулирования и объёмом входящих ПИИ [*Kim, Rhee,* 2019]. Интересные результаты были получены при изучении исходящих ПИИ из Нидерландов [*Poelhekke, Van der Ploeg,* 2015]. Выяснилось, что в таких отраслях, как добыча и переработка природных ресурсов, строительство, розничная торговля, пищевая промышленность, менее жёсткое регулирование в области охраны природы привлекает ПИИ;

а в секторах машиностроения, электроники и автомобилестроения, транспорта и связи, наоборот, более строгая экологическая политика становится фактором привлекательности. Авторы исследования объясняют полученные результаты, которые именуют «зелёными гаванями», стремлением компаний укрепить репутацию в области устойчивого управления и корпоративной ответственности.

Авторы эмпирических исследований факторов экологического ущерба, стремясь обеспечить наиболее широкий международный охват и глубину наблюдений, а также учесть отраслевую специфику загрязнений, с недавних пор стали использовать таблицы «затраты-выпуск». В частности, было обнаружено, что в странах ОЭСР, чей экономический профиль ближе к концу цепочек добавленной стоимости, относительный уровень выбросов углекислого газа ниже по сравнению со странами, не относящимися к этой группе, где производство сконцентрировано в большей степени на начальных стадиях цепочек [*López, Arce, Osorio,* 2023]. На примере китайской экономики было показано, что МНК характеризуются относительно невысоким прямым экологическим ущербом, однако, их местные партнёры, наоборот, формируют существенные риски окружающей среде [*Liu et al.,* 2024]. Уровень жёсткости экологического регулирования оказался не связан с мерой углеродного следа, воплощённого в импорте, в краткосрочном периоде, но в долгосрочном — имел прочную и устойчивую связь [*Sadik-Zada, Ferrari,* 2020]. В [*Wang, Ramsey,* 2024] строгость экологической политики рассматривалась в качестве фактора, определяющего взаимодействие местных компаний и МНК в контексте воздействия на интенсивность экологического ущерба последних.

Несмотря на обилие работ, посвящённых изучению связи между интенсивностью мер экологической политики и уровнем ущерба окружающей среде, за пределами исследовательского фокуса остался эконометрический анализ этой зависимости по широкой группе стран в долгосрочном периоде с учётом отраслевой структуры. С точки зрения доступности исходных данных именно последний атрибут обладает наибольшими сложностями, которые позволяют преодолеть международные таблицы «затраты-выпуск», дополненные сведениями о привязки экологических мер к отраслям воздействия. Соответственно, ключевыми гипотезами исследования стали:

- меры экологической политики принимающих стран приводят к уменьшению выбросов углекислого газа;
- меры экологической политики принимающих стран дают конкурентное преимущество МНК по сравнению с внутренними компаниями.

Статистическая оценка динамики выработки парниковых газов и интенсивности экологической политики

При всём многообразии источников данных о состоянии окружающей среды (десятки баз данных о загрязнённости воздуха, биоразнообразии, изменении климата, площади лесов и т.д.) дефицитными остаются сведения об экологическом ущербе в разрезе отраслей экономики из-за сложности получения исходной информации. Решением этой проблемы стало использование межотраслевых таблиц «затраты-выпуск» с модельными расчётами экологического ущерба на основе данных об отраслевых энергопотреблении, логистике и др. Широкую популярность среди исследователей приобрела база данных EXIOBASE [*Stadler et al.,* 2018], в актуальной версии которой произведена калькуляция выбросов углекислого газа для 44 стран, 163 отраслей с 1995 по 2011 гг. (и прогнозными оценками до 2022 г.). Более широкий географический (76 стран) и временной (1995–2020 гг.) охват имеет база OECD Greenhouse gas footprint indicators [*Yamano, Guilhoto,* 2020], но в плане методологии расчётов обе базы данных имеют много общего.

Если ориентироваться на базу данных ОЭСР, то в период с 2000 по 2020 г. объём выбросов парниковых газов, связанных с производством товаров и услуг, вырос примерно на треть. При этом соотношение развитых и развивающихся стран в совокупном ущербе изменилось от 1 к 1 до 3 к 7 (рис. 1).

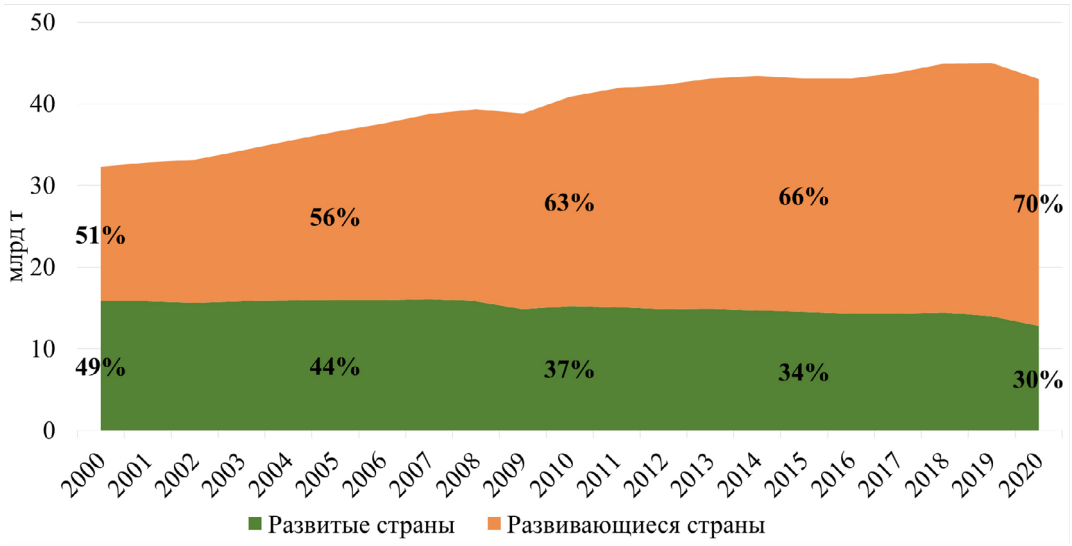


Рис.1. Объём выбросов парниковых газов, связанных с производством товаров и услуг

Источник: OECD Greenhouse gas footprint indicators. OECD Greenhouse gas footprint indicators. URL: https://www.oecd.org/en/data/datasets/greenhouse-gas-footprint-indicators.html (дата обращения: 13.05.2025).

На глобальном уровне наибольший рост объёма выбросов углекислого газа наблюдается в сфере обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха, водоснабжения и водоотведения, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений. С некоторой долей условности эти отрасли можно объединить в категорию коммунальных услуг (рис. 2). С теми же темпами (почти в 1,5 раза) за 20 лет вырос объём выбросов в обрабатывающих производствах. Среди обрабатывающих производств более 50% загрязнений было связано с производством химикатов и неметаллических минеральных продуктов, около трети — производством металлургической продукции и готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (за 20 лет доля возросла с 29 до 35%). Остальные обрабатывающие отрасли причиняли значительно меньший экологический ущерб, который имел невысокую волатильность.

Как и в случае с измерением ущерба экологии существует множество источников, агрегирующих сведения о содержании национальных экологических политик [*Booth, 2017*]. И вновь основная сложность использования подавляющего большинства из них вызвана отсутствием привязки отдельных мер к конкретным отраслям экономики. Одним из немногих исключений является Climate Policy Database, но в ней используется оригинальная отраслевая структура, которая с большим трудом может быть адаптирована к традиционным классификаторам экономической деятельности. Этой проблемы лишена Policy Instruments for the Environment (PINE) Database, содержащая информацию о более чем 4,5 тыс. мер с указанием области экологического воздействия (загрязнение воздуха, водных ресурсов, изменение климата и др.), типов мер (налоги, штрафы, льготы, субсидии и т.д.) и множества других признаков.

Согласно данным PINE, в 2000 — 2024 гг. общее количество действующих мер по всему миру выросло почти двукратно (рис. 3). Наибольшей популярностью пользуются налоги и сборы, затем — благоприятные для окружающей среды субсидии и платежи (налоговые вычеты, льготные кредиты, гранты и т.п.). К наименее распространённому инструменту — добровольным инициативам — относятся проекты пропаганды экологически

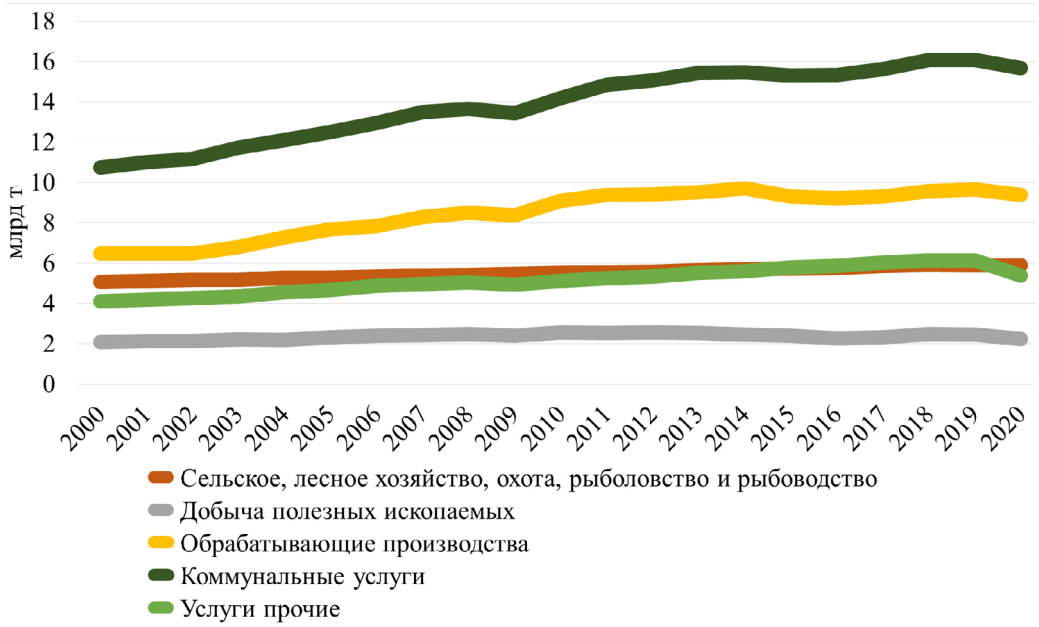


Рис. 2. Объём выбросов парниковых газов, связанных с производством товаров и услуг, в разрезе укрупнённых отраслей экономики

Источник: OECD Greenhouse gas footprint indicators· OECD Greenhouse gas footprint indicators. https://www.oecd.org/en/data/datasets/greenhouse-gas-footprint-indicators.html (дата обращения: 13.05.2025).

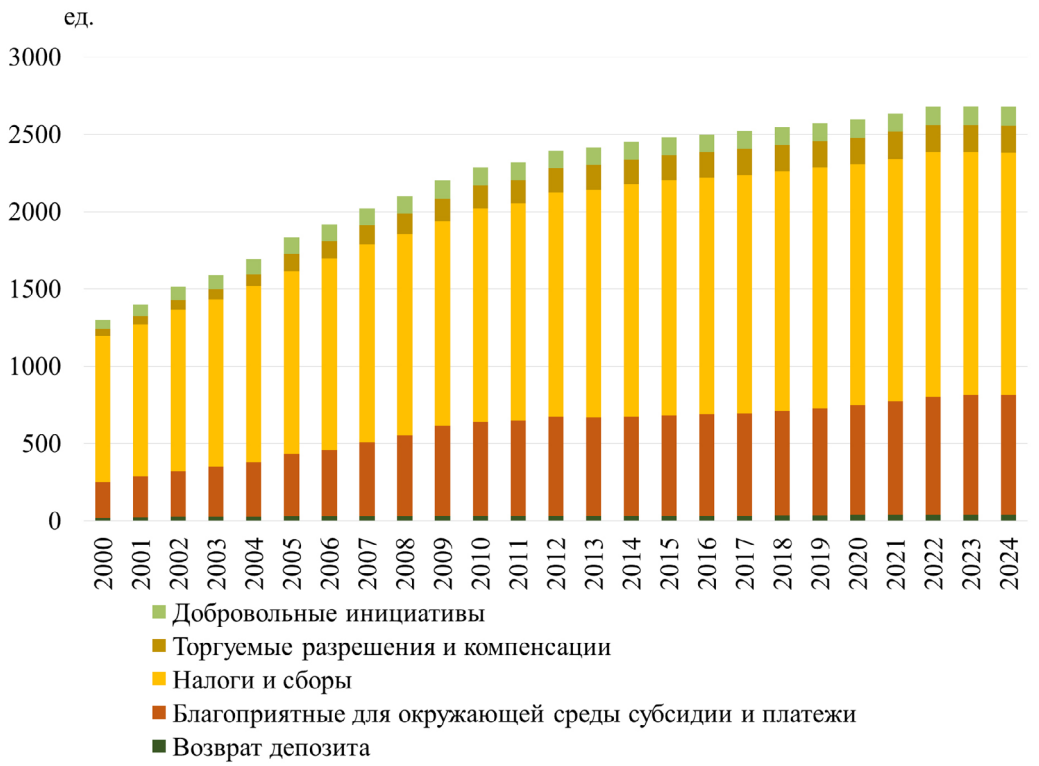


Рис. 3. Динамика количества инструментов экологической политики

Источник: Policy Instruments for the Environment (PINE) Database. OECD. Policy Instruments for the Environment (PINE) Database. https://www.oecd.org/en/data/datasets/policy-instruments-for-the-environment-pine-database.html (дата обращения: 13.05.2025)

ответственного потребления и производства, а также общественные и деловые объединения, призванные стимулировать их участников снизить ущерб окружающей среде.

В отраслевом разрезе безусловное лидерство по числу действующих мер воздействия имеют обрабатывающие производства, далее идут сельское, лесное хозяйство, охота,

рыболовство и рыбоводство; коммунальные услуги; торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение. Среди всех стран, осуществляющих экологическую политику, наиболее активны США, Канада, Австралия и ряд европейских государств.

Итак, обзор отобранных индикаторов экологического ущерба и интенсивности экологической политики однозначно указывает на рост обоих параметров, но с явными признаками замедления в 2010-х гг. Однако понять причинно-следственную связь этой почти синхронной динамики весьма затруднительно: то ли сокращение прироста выбросов остудило нормотворческую активность, то ли к началу 2010-х гг. был достигнут достаточный и эффективный объём регулирования.

Эконометрическая оценка связи между экологическим ущербом и экологической политикой

Описание исходных данных и моделей

Поскольку поставленные гипотезы предполагают учёт отраслевой структуры, источником данных для основной зависимой переменной (экологического ущерба) безальтернативно стала база OECD Greenhouse gas footprint indicators. В ней используется отраслевой классификатор ISIC, который также применяется в БД PINE. Но при обработке данных из PINE возникло три существенных нюанса. Во-первых, исходя из степени заполненности данных о каждой из мер с точки зрения отраслевой привязки, наиболее релевантным выглядит исключение всех категорий экологической политики кроме налогов и сборов. Во-вторых, каждая из мер отнесена к области экологического воздействия, но принимая во внимание тот факт, что даже если отдельно взятый инструмент направлен, например, на сдерживание загрязнения водных ресурсов, его опосредованное влияние наверняка распространяется и на выброс парниковых газов. Поэтому признак области экологического воздействия не учитывался. В-третьих, в случае отсутствия информации об отраслевой привязке мера относилась сразу ко всем отраслям, поскольку зачастую такие меры или имеют общеэкономический охват или регулируют область логистики, которая так или иначе затрагивает большинство других отраслей.

Analytical Activities of MNEs (AAMNE) является, пожалуй, самой полной базой данных о международной активности МНК на текущий момент [*Cadestin et al.,* 2018]. Методологически база опирается на межотраслевые таблицы «затраты-выпуск» с выделением национальной принадлежности компаний, участвующих в производстве товаров и услуг. Пороговым критерием для определения МНК служит 50%-я доля иностранной собственности. Соответственно, остальные компании считаются местные.

В итоге после объединения трёх баз получилась сбалансированная панель по 76 странам, 41 отрасли по ISIC, за 2000–2020 гг., включающая более 65 тыс. наблюдений. Описание переменных представлено в табл. 1.

Учитывая специфику панельных данных, а также относительно небольшое число объясняющих переменных, наиболее подходящей является модель с фиксированными эффектами. Алгебраическая форма модели имеет вид:

$$EMIS_{i,j,t} = c_{i,j} + b_1 * X_{i,j,t} + b_2 * TAX_{i,j,t} + b_3 * FEE_{i,j,t} + b_4 * TO_{i,j,t} + \varepsilon_{i,j,t}, \quad (1)$$

где $X_{i,j,t}$ — показатели деятельности МНК и домашних компаний; $c_{i,j}$ — константа; $\varepsilon_{i,j,t}$ — случайная ошибка; остальные обозначения указаны в табл. 1. Важно обратить внимание, что данные из БД AAMNE в исходном виде представлены в текущих ценах. Чтобы исключить

Таблица 1
Описание переменных

Обозначение	Описание	Источник
$EMIS_{i,j,t}$	Объём выбросов парниковых газов, связанных с производством товаров и услуг, в i-й стране, j-й отрасли в t-м году, млн т	OECD Greenhouse gas footprint indicators
$TAX_{i,j,t}$	Количество действовавших экологических налогов в i-й стране, j-й отрасли в t-м году, ед.	OECD PINE
$FEE_{i,j,t}$	Количество действовавших экологических штрафов в i-й стране, j-й отрасли в t-м году, ед.	OECD PINE
$DGO_{i,j,}$	Объём совокупного выпуска домашних компаний в i-ой стране, j-ой отрасли в t-ом году, млн долл.	AAMNE
$FGO_{i,j,t}$	Объём совокупного выпуска МНК в i-ой стране, j-й отрасли в t-м году, млн долл.	AAMNE
$DGVA_{i,j,t}$	Объём совокупной добавленной стоимости домашних компаний в i-й стране, j-й отрасли в t-м году, млн долл.	AAMNE
$FGVA_{i,j,t}$	Объём совокупной добавленной стоимости МНК в i-й стране, j-й отрасли в t-м году, млн долл.	AAMNE
$SFGO_{i,j,t}$	Доля МНК в совокупном выпуске (МНК и местных компаний) в i-й стране, j-й отрасли в t-м году, %	AAMNE
$SFGVA_{i,j,t}$	Доля МНК в совокупной добавленной стоимости (МНК и местных компаний) в i-й стране, j-й отрасли в t-м году, %	AAMNE
$TO_{i,j,t}$	Уровень открытости экономики — сумма экспорта и импорта МНК и домашних компаний к совокупному выпуску МНК и домашних компаний в i-ой стране, j-й отрасли в t-м году, %	AAMNE

Источник: составлено авторами.

инфляционный фактор, в модель вводятся годовые дамми-переменные. Кроме того, с целью снижения вариации объёма выбросов и показателей деятельности МНК и домашних компаний данные переменные взяты в форме натурального логарифма. Для проверки гипотезы об опосредованной связи между экологическим ущербом и экологическим регулированием используется двухшаговый метод наименьших квадратов, где на первом шаге строится регрессия инструментов (налогов и сборов) на показатели деятельности компаний, а на втором — оценивается зависимость эмиссии парниковых газов от экономических параметров. Уровень открытости экономики участвует в обоих шагах, так как, предположительно, этот фактор значим на обоих этапах.

Проверка качества двухшаговой модели проводится при помощи стандартного набора тестов: на коррелированность инструментальных переменных с эндогенными регрессорами (Kleibergen-Paap rk LM statistic), на слабые инструменты (Cragg-Donald Wald F statistic), на сверхидентифицирующие ограничения (Hansen J statistic) [*Schaffer,* 2020].

Результаты оценки моделей

В общей модели получились вполне прогнозируемые связи между объёмом загрязнений и объясняющими переменными: выпуск и добавленная стоимость МНК и домашних компаний увеличивают ущерб экологии, а налоги и сборы его уменьшают (табл. 2). Кроме того, чем больший вес МНК имеют в совокупном национальном выпуске и добавленной стоимости, тем ниже уровень экологического ущерба. Этот результат вполне согласуется с ранее описанными фактами о сравнительно более высокой технологичности МНК по сравнению с домашними компаниями.

Таблица 2
Оценка факторов динамики выбросов парниковых газов

	(1)	(2)	(3)	(4)
lnDGO	0,403*** (0,0209)			
lnFGO	0,0888*** (0,0131)			
lnDVA		0,373*** \(0,0211)		
lnFVA		0,0546*** (0,0128)		
SFGO			–0,813*** (0,0971)	
SFGVA				–0,813*** (0,101)
TAX	–0,00631* (0,00365)	–0,00799** (0,00371)	–0,0121*** (0,00377)	–0,0125*** (0,00377)
FEE	–0,0171** (0,00667)	–0,0161** (0,00670)	–0,0155** (0,00679)	–0,0153** (0,00679)
TO	–0,0126 (0,0736)	0,0552 (0,0762)	–0,175** (0,0748)	–0,186** (0,0747)
Константа	–4,642*** (0,162)	–3,896*** (0,144)	–0,846*** (0,0368)	–0,846*** (0,0369)
Годовые дамми	Да	Да	Да	Да
N	59481	59467	63641	63641
R-squared	0,152	0,130	0,045	0,045

Примечание: в скобках указаны робастные стандартные ошибки; *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Если ограничить выборку отраслями обрабатывающей промышленности, то штрафы выбывают из группы статистически значимых регрессоров, а налоги остаются только в двух спецификациях из четырёх (табл. 3). Остальные связи остались практически без изменений. Данные результаты дают право констатировать неэффективность штрафных мер как инструмента экологической политики в обрабатывающей промышленности.

Таблица 3

Оценка факторов динамики выбросов парниковых газов в совокупности отраслей обрабатывающей промышленности

	(1)	(2)	(3)	(4)
lnDGO	0,344*** (0,0315)			
lnFGO	0,104*** (0,0235)			
lnDVA		0,331*** (0,0326)		
lnFVA		0,0748*** (0,0230)		
SFGO			–0,848*** (0,153)	
SFGVA				–0,840*** (0,159)
TAX	–0,00389 (0,00604)	–0,00624 (0,00616)	–0,0129** (0,00642)	–0,0132** (0,00643)
FEE	–0,0162 (0,0121)	–0,0148 (0,0121)	–0,0146 (0,0126)	–0,0146 (0,0127)
TO	–0,0592 (0,113)	0,0423 (0,116)	–0,0615 (0,111)	–0,0776 (0,111)
Константа	–4,214*** (0,243)	–3,547*** (0,213)	–0,917*** (0,0744)	–0,920*** (0,0751)
Годовые дамми	Да	Да	Да	Да
N	25142	25133	26047	26047
R-squared	0,113	0,100	0,025	0,024

Примечание: в скобках указаны робастные стандартные ошибки; *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

При разделении исходной выборки на группы развитых (DED) и развивающихся стран (DNG)[1] значимость и налогов и штрафов сохраняется лишь в части спецификаций (табл. 4). Примечательно, что эффект «зелёного парадокса» наблюдается в развитых странах при применении налогов, а в развивающихся — при использовании штрафов (спецификации 5-8). Данные результаты перекликаются с итогами предыдущих исследований, в которых подчёркивалась необходимость калибровки и оптимизации мер экологической политики с учётом кондиций национальной экономики [*de Miranda Ribeiro, Kruglianskas,* 2015].

В моделях опосредованной связи экологического ущерба и экологического регулирования, к сожалению, далеко не все спецификации смогли пройти тесты на качество инструментов. Так, при использовании в качестве инструментов годовых дамми в моделях неизбежно возникала проблема сверхидентификации. Но при исключении годовых дамми-переменных параметры, отражающие объём выпуска и добавленную стоимость МНК и домашних предприятий, утрачивали релевантность из-за проблемы текущих цен в исходных данных (корректный перевод в постоянные цены вряд ли возможен, учитывая отраслевую структура данных). Однако регрессоры SFGO и SFGVA лишены этого ограничения, поэтому в моделях с двухшаговым МНК они могут включатся без обязательного использования фиктивных годовых переменных (табл. 5).

[1] Согласно классификации UNIDO.

Таблица 4

Оценка факторов динамики выбросов парниковых газов в развитых и развивающихся странах

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Группа стран	DED	DNG	DED	DNG	DED	DNG	DED	DNG
lnDGO	0,253*** (0,0237)	0,390*** (0,0413)						
lnFGO	0,0941*** (0,0135)	0,0718** (0,0295)						
lnDVA			0,218*** (0,0243)	0,381*** (0,0429)				
lnFVA			0,0738*** (0,0131)	–0,00956 (0,0302)				
SFGO					–0,185** (0,0798)	–1,516*** (0,319)		
SFGVA							–0,200** (0,0856)	–1,484*** (0,324)
TAX	0,00491 (0,00365)	–0,00809 (0,0110)	0,00508 (0,00369)	–0,0157 (0,0112)	0,00612* (0,00367)	–0,023** (0,0110)	0,00609* (0,00366)	–0,023** (0,0110)
FEE	–0,0180** (0,00738)	0,0191 (0,0148)	–0,0174** (0,00740)	0,0207 (0,0148)	–0,0152** (0,00731)	0,0256* (0,0145)	–0,0151** (0,00731)	0,0260* (0,0146)
TO	–0,0790 (0,0860)	0,324*** (0,116)	0,0141 (0,0884)	0,344*** (0,119)	–0,0540 (0,0839)	0,183 (0,117)	–0,0557 (0,0841)	0,172 (0,117)
Константа	–3,451*** (0,202)	–4,714*** (0,261)	–2,858*** (0,186)	–3,930*** (0,236)	–0,860*** (0,0428)	–1,153*** (0,0934)	–0,858*** (0,0430)	–1,167*** (0,0928)
Годовые дамми	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
N	32190	27291	32180	27287	34594	29047	34594	29047
R-squared	0,104	0,230	0,091	0,211	0,034	0,174	0,034	0,173

Примечание: в скобках указаны робастные стандартные ошибки; *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Во всех спецификациях налоги и штрафы оказались положительно связаны с долей МНК в совокупном выпуске или совокупной добавленной стоимости, т.е. подтверждается гипотеза о том, что экологическое регулирование может давать конкурентное преимущество МНК. Что касается регрессии второго шага, то здесь фиксируются противоположные взаимосвязи долей МНК по всей выборке и только в рамках обрабатывающих производств. Иными словами, гипотеза «ореол загрязнения» полностью работает лишь в совокупности отраслей обрабатывающей промышленности. По всем отраслям экономики уже обнаруживаются признаки «зелёного парадокса».

Таблица 5

Оценка факторов динамики выбросов парниковых газов с учётом опосредованной связи с экологическим регулированием

	(1)	(2)	(3)	(4)
Отрасли	**Все**	**Обрабатывающие производства**	**Все**	**Обрабатывающие производства**
2 шаг				
SFGO	1,076*** (0,121)	–0,948*** (0,178)		
SFGVA			1,145*** (0,130)	–0,987*** (0,186)
TO	–0,246*** (0,036)	0,029 (0,051)	–0,236*** (0,035)	0,014 (0,050)
1 шаг				
TAX	0,009*** (0,0003)	0,009*** (0,0005)	0,008*** (0,0002)	0,009*** (0,0005)
FEE	0,003*** (0,0003)	0,007*** (0,0005)	0,003*** (0,0003)	0,007*** (0,0005)
TO	0,095*** (0,005)	0,108*** (0,008)	0,081*** (0,005)	0,090*** (0,008)
N	63639	26047	63639	26047
Kleibergen-Paap rk LM statistic	1681,13***	904,55***	1586,47***	889,75***
Cragg-Donald Wald F statistic	1698,49	686,81	1527,56	648,34
Hansen J statistic	0,84	0,62	1,16	0,52
Instrumented:	SFGO	SFGO	SFGVA	SFGVA
Included instruments:	TO	TO	TO	TO
Excluded instruments:	TAX, FEE	TAX, FEE	TAX, FEE	TAX, FEE

Примечание: в скобках указаны робастные стандартные ошибки; *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,1.

Заключение

Забота об окружающей среде, выраженная в ужесточении экологической политики, неизбежно рискует нарушить баланс сил в национальной экономике. И пострадать от чрезмерно сильного регулирования могут не только национальные предприятия, но и филиалы МНК, что в обоих случаях сулит экономические риски, как минимум, в краткосрочном периоде. При этом, как показали расчёты и обзор предыдущих исследований,

меры снижения экологического ущерба в большинстве случаев достигают своей цели — трансформации производственной деятельности с последующим сокращением углеродного следа и иных негативных экологических экстерналий.

Ситуации, когда усиленное экологическое регулирование, наоборот, провоцирует ещё больший ущерб окружающей среде (гипотеза «зелёного парадокса»), не раз выявлялись в зарубежных исследованиях и были вновь обнаружены при сегментации исходной выборки, а также в рамках модели опосредованной связи. Их появление можно связать с двумя обстоятельствами. Во-первых, конфигурация экологической политики была подобрана неудачно и не учла особенности национальной экономической модели. Во-вторых, негативный эффект от экологических мер может проявляться в краткосрочном периоде, но по прошествии нескольких лет поставленные цели вполне могут быть достигнуты. Соответственно, проверка надёжности полученных результатов может быть проведена при изучении лагированных взаимосвязей между ключевыми переменными.

Наконец, в рамках моделей с двухшаговым МНК была идентифицирована устойчивая положительная связь между рыночной долей МНК и интенсивностью экологической политики принимающих экономик. Содержательно это говорит о том, что регулятор, стремясь снизить экологический ущерб, может косвенно, но существенно усложнить жизнь местному бизнесу, который со сравнительно бо́льшими трудностями и издержками адаптируется к новым инструментам в области экологии. Поэтому архитекторы новых экологических норм обязаны принимать во внимание рыночные последствия проектируемых мер и оценивать риски для домашних компаний.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Booth S. (2017). Analysis of Existing Environmental Policy Databases // *GGKP Research Committee on Trade and Competitiveness Working Paper*. URL: https://www.greenpolicyplatform.org/research/analysis-existing-environmental-policy-databases (access date: 29.04.2025).

Cadestin C. et al. (2018). *Multinational Enterprises and Global Value Chains: The OECD Analytical AMNE Database*. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/multinational-enterprises-and-global-value-chains-the-oecd-analytical-amne-database_d9de288d-en (access date: 29.04.2025).

Cainelli G., Mazzanti M., Montresor S. (2012). Environmental Innovations, Local Networks and Internationalization / *Industry and Innovation*. Vol. 19. No. 8. Pp. 697–734. DOI: 10.1080/13662716.2012.739006.

Chen Y., Fan X., Zhou Q. (2020). An Inverted-U Impact of Environmental Regulations on Carbon Emissions in China's Iron and Steel Industry: Mechanisms of Synergy and Innovation Effects // *Sustainability*. Vol. 12. No. 3. P. 1038. DOI: 10.3390/su12031038.

D'Agostino L.M. (2015). How MNEs Respond to Environmental Regulation: Integrating the Porter Hypothesis and the Pollution Haven Hypothesis // *Economia Politica*. Vol. 32. Pp. 245–269. DOI: 10.1007/s40888-015-0014-y.

de Miranda Ribeiro F., Kruglianskas I. (2015). Principles of Environmental Regulatory Quality: A Synthesis from Literature Review // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 96. Pp. 58–76. DOI: 10.1016/j.jclepro.2014.02.062.

Doğan B., Chu L.K., Ghosh S., Diep T., Huong H., Balsalobre-Lorente D. (2022). How Environmental Taxes and Carbon Emissions Are Related in the G7 Economies? // *Renewable Energy*. Vol. 187. Pp. 645–656. DOI: 10.1016/j.renene.2022.01.077.

Jaffe A.B., Palmer K. (1997). Environmental Regulation and Innovation: A Panel Data Study // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 79. No. 4. Pp. 610–619. DOI: 10.1162/003465397557196.

Kalamova M., Johnstone N. (2012). Environmental Policy Stringency and Foreign Direct Investment // *A Handbook of Globalisation and Environmental Policy.* Second Edition. — Edward Elgar Publishing.

Kim Y., Rhee D.E. (2019). Do Stringent Environmental Regulations Attract Foreign Direct Investment in Developing Countries? Evidence on the «Race to the Top» from Cross-Country Panel Data // *Emerging Markets Finance and Trade*. Vol. 55. No. 12. Pp. 2796–2808. DOI: 10.1080/1540496X.2018.1518275.

Lanoie P., Laurent-Lucchetti J., Johnstone N., Ambec S. (2011). Environmental Policy, Innovation and Performance: New Insights on the Porter Hypothesis // *Journal of Economics & Management Strategy*. Vol. 20. No. 3. Pp. 803–842. DOI: 10.1111/j.1530-9134.2011.00301.x.

Lee J., Veloso F.M., Hounshell D.A. (2011). Linking Induced Technological Change, and Environmental Regulation: Evidence from Patenting in the US Auto Industry // *Research Policy*. Vol. 40. No. 9. Pp. 1240–1252. DOI: 10.1016/j.respol.2011.06.006.

Levinson A., Taylor M.S. (2008). Unmasking the Pollution Haven Effect // *International Economic Review*. Vol. 49. No. 1. Pp. 223–254. DOI: 10.1111/j.1468-2354.2008.00478.x.

Liu A. Chen Ch.,Wen Yu., Mu Q., Li H., Chai L. (2024). Foreign Multinational Enterprises Pose Hidden Environmental Pressures on China // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 468. P. 143103. DOI: 10.1016/j.jclepro.2024.143103.

López L.A., Arce G., Osorio P. (2023). Foreign Multinationals Affiliates and Countries' Carbon Upstreamness. How Could These Firms Support the Fulfilment of Emissions Reduction Targets? // *Journal of Environmental Management*. Vol. 326. P. 116714. DOI: 10.1016/j.jenvman.2022.116714.

Neves S.A., Marques A.C., Patrício M. (2020). Determinants of CO2 Emissions in European Union Countries: Does Environmental Regulation Reduce Environmental Pollution? // *Economic Analysis and Policy*. Vol. 68. Pp. 114–125. DOI: 10.1016/j.eap.2020.09.002.

Ouyang X., Li Q., Du K. (2019). Environmental Regulation, Economic Growth and Air Pollution: Panel Threshold Analysis for OECD Countries // *Science of the Total Environment*. Vol. 657. Pp. 234–241. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2018.12.056.

Poelhekke S., Van der Ploeg F. (2015). Green Havens and Pollution Havens // *The World Economy*. Vol. 38. No. 7. Pp. 1159–1178. DOI: 10.1111/twec.12219.

Porter M.E., Linde C. (1995). Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. No. 4. Pp. 97–118. DOI: 10.1257/jep.9.4.97.

Sadeghzadeh J. (2014). The Impact of Environmental Policies on Productivity and Market Competition // *Environment and Development Economics*. Vol. 19. No. 5. Pp. 548–565. DOI: 10.1017/S1355770X1400025X.

Sadik-Zada E.R., Ferrari M. (2020). Environmental Policy Stringency, Technical Progress and Pollution Haven Hypothesis // *Sustainability*. Vol. 12. No. 9. P. 3880. DOI: 10.3390/su12093880.

Scaringelli A. (2014). Are the Foreign Controlled Firms More Environmentally Sustainable than Domestically Controlled Ones? // *Journal of Security & Sustainability Issues*. Vol. 4. No. 2. Pp. 131–146. DOI: 10.9770/jssi.2014.4.2(3).

Schaffer M. (2020). *XTIVREG2: Stata Module to Perform Extended IV/2SLS, GMM and AC/HAC, LIML and k-Class Regression for Panel Data Models*. URL: https://ideas.repec.org/c/boc/bocode/s456501.html (access date: 29.04.2025).

Stadler K., Wood R., Bulavskaya T., Sodersten C.-J., Simas M., Schmidt S., Usubiaga A., Acosta-Fernández J., Kuenen J., Bruckner M., Giljum S., Lutter S., Merciai S., Schmidt J.H., Theurl M.C., Plutzar C., Kastner T., Eisenmenger N., Erb K. –H., Koning A., Tukker A. (2018). EXIOBASE 3: Developing a Time Series of Detailed Environmentally Extended Multi-Regional Input-Output Tables // *Journal of Industrial Ecology*. Vol. 22. No. 3. Pp. 502–515. DOI: 10.1111/jiec.12715.

Van der Ploeg F., Withagen C. (2012). Is There Really a Green Paradox? // *Journal of Environmental Economics and Management*. Vol. 64. No. 3. Pp. 342–363. DOI: 10.1016/j.jeem.2012.02.005.

Wang H., Wei W. (2020). Coordinating Technological Progress and Environmental Regulation in CO2 Mitigation: The Optimal Levels for OECD Countries & Emerging Economies // *Energy Economics*. Vol. 87. P. 104510. DOI: 10.1016/j.eneco.2020.104510.

Wang L., Ramsey T.S. (2024). Digital Divide and Environmental Pressure: A Countermeasure on the Embodied Carbon Emissions in FDI // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 204. P. 123398. DOI: 10.1016/j.techfore.2024.123398.

Yamano N., Guilhoto J. (2020). *CO2 Emissions Embodied in International Trade and Domestic Final Demand: Methodology and Results Using the OECD Inter-Country Input-Output Database*. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/8f2963b8-en.pdf (access date: 29.04.2025).

Yin K., Liu L., Gu H. (2022). Green Paradox or Forced Emission Reduction—The Dual Effects of Environmental Regulation on Carbon Emissions // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 17. P. 11058. DOI: 10.3390/ijerph191711058.

Zhang W., Zhang N., Yu Y. (2020). Environmental Regulation, Foreign Investment Behavior, and Carbon Emissions for 30 Provinces in China // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 248. P. 119208. DOI: 10.1016/j.jclepro.2019.119208.

Юревич Максим Андреевич
maksjuve@gmail.com
Maxim Yurevich
PhD (economics), Senior Researcher, E.M. Primakov Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow; Analyst, National Research University Higher School of Economics (Moscow)
maksjuve@gmail.com

Федюнина Анна Андреевна
afedyunina@hse.ru
Anna Fedyunina
PhD (economics), Deputy Director of the Center for Structural Policy Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow,
afedyunina@hse.ru

ENVIRONMENTAL POLICIES OF HOST ECONOMIES AND MULTINATIONAL CORPORATIONS: AN EMPIRICAL ANALYSIS[2]

Abstract. In the context of global tightening of environmental regulations, the question of their effectiveness and potential negative consequences, such as the «green paradox» (where environmental policies lead to short-term increases in pollution), remains relevant. This study analyzes the impact of environmental regulation on greenhouse gas emissions and the competitive positions of multinational corporations (MNCs) using panel data from 2000–2020, cross-country input-output tables (OECD Greenhouse Gas Footprint Indicators, Analytical Activities of MNEs (AAMNE)), and environmental policy database (PINE Database). The results confirm the nonlinear nature of the relationship between regulatory rigor and emissions levels, depending on the economic development of the country and industry specifics. It is noteworthy that the effect of the «green paradox» is observed in developed countries when applying taxes, and in developing countries when using fines. Testing of the «pollution halo» and «pollution harbor» hypotheses has shown that MNCs gain a competitive advantage in a highly regulated environment, especially in the manufacturing industry, where their technological superiority offsets costs. However, all sectors of the economy are already showing signs of a «green paradox» associated with suboptimal design of measures or short-term adaptation costs. The study highlights the need for a differentiated approach to environmental regulation, taking into account industry specifics and risks for local enterprises.

Keywords: *environmental damage, environmental regulation, MNC, environmental taxes and fines, the «green paradox».*
JEL: Q53, Q58.

[2] The research was carried out for a grant within the framework of the project of the National Research University Higher School of Economics "Mirror Laboratories" (Agreement No. 6.13.1–02/210723–1 dated 21.07.2023).

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Л. Зюбина
аспирантка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

НЕ ВСЁ ТО ЗОЛОТО, ЧТО В БС

Аннотация. Исследуется потенциальное влияние установленных правил в методике расчёта комплексного балла публикационной результативности (КБПР) на научные стимулы исследователей, работающих в области экономических наук. В частности, с учётом «двух дискурсов» российской экономической науки и двойственного характера воспроизводства нового экономического знания обнаружены недостатки в предложенной в методике бинарной дифференциации гуманитарных и общественных изданий в контексте оценки научной результативности экономистов. Выявлены существующие изъяны наукометрического подхода к отбору научных журналов в национальные списки, которые служат ограничениями для всестороннего учёта публикационной активности российских экономистов. Обоснована необходимость поиска сбалансированной системы управления публикационной деятельностью экономистов. Рассмотрен зарубежный опыт составления приоритетно-ориентированных дисциплинарных перечней научных изданий. Предложена возможная корректировка подходов к оценке научной деятельности экономистов, отражающая содержательную сторону публикуемых работ, которая предполагает применение наукометрического инструментария в качестве вспомогательного фактора.

Ключевые слова: *научная результативность, публикационная активность, белый список, экономическая наука.*
JEL: A11, A14
УДК: 330.101
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_105_118
© А.Л. Зюбина, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Зюбина А.Л.* Не всё то золото, что в БС // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 105–118. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_105_118.
FOR CITATION: *Zyubina A.* Not all that glitters is on the Whitelist // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 105–118. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_105_118.

Описание общей ситуации

В связи с прекращением доступа российских учёных к международным наукометрическим базам WoS и Scopus в качестве альтернативного инструмента оценки результативности научных исследований по поручению Министерства науки и высшего образования Межведомственной рабочей группой в 2022 г. был разработан «Белый список» (БС) отобранных научных журналов. Методика категорирования российских и международных научных изданий[1] предполагает присвоение изданиям одного из четырёх уровней, которые получились делением на четыре части рейтинга, вычисленного на основе импакт-фактора по базе

[1] Методика категорирования российских и международных научных изданий «Белого списка». Минобрнауки РФ. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D1%83%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

данных РЦНИ внутри предметной категории. Предполагается, что новая мера выступит альтернативой, действовавшей до введения Моратория (Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 № 414), системе оценки научных исследований, которая устанавливала требования и целевые показатели по наличию публикаций в научных изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах данных (МНБД), и, кроме этого, согласно сообщению Минобрнауки РФ[2], усилит стимулы публиковать научные результаты в российских изданиях.

Подробная хронология текущих изменений оценки публикационной активности российских учёных и создания Единого списка научных изданий изложена в работе [*Кириллова,* 2024], анализ аспектов и изъянов методологии рейтингования по категориям отобранных журналов из БС раскрыт в исследованиях [*Мохначёва,* 2024; *Третьякова,* 2023а].

С начала 2025 г. Министерство образования и науки внесло изменения в методику расчёта комплексного балла публикационной результативности (КБПР)[3] научных организаций: вместо квартилей WoS и Scopus, на основании которых рассчитывались коэффициенты, используемые для оценки результативности научных исследований, теперь применяются категории БС. Для многих российских исследователей данное изменение может оказать значительное влияние на формирование стратегии исследовательской и публикационной деятельности, в частности на выбор журналов для размещения научных результатов.

На момент создания БС в 2022 г. состав учитываемых журналов практически совпадал с ядром РИНЦ, в которое включены наиболее авторитетные издания, отобранные на основе экспертной оценки и находящиеся в процессе постоянной актуализации Научной электронной библиотекой. Изначально в БС вошли журналы, которые индексировались в Web of Science, Scopus и RSCI на момент его создания. Исходя из того, что БС не включает издания, не индексирующиеся в МНБД или RSCI, исследователи констатируют отсутствие в перечне многих ведущих российских журналов [*Третьякова,* 2023а].

В настоящее время объём ядра РИНЦ превышает число изданий, включённых в БС, примерно на 5100 журналов. Как отмечают редакторы РИНЦ[4], это произошло за счёт:

1) существенного увеличения индексируемых источников в Scopus и Web of Science (примерно на 3 700 наименований), тогда как рассмотрение новых журналов с момента создания БС ещё не проводилось [*Кириллова,* 2024];

2) обновления в 2024 г. рабочей группой РАН списка журналов RSCI (72 журнала), которые также пока не были включены в БС;

3) исключения из БС 480 журналов издательства Elsevier за декларируемую финансовую поддержку Украины (сейчас эти журналы помечены в БС отметкой о рекомендации воздержаться от оплаты открытого доступа в этих журналах);

4) учёта в ядре РИНЦ в том числе книжных серий;

5) вхождения в ядро РИНЦ как оригинальных изданий на русском языке, так и их англоязычных версий, индексируемых в международных базах.

---

[2] Утверждены правила распределения по категориям научных изданий «Белого списка». Минобрнауки РФ. Дата публикации: 17.05.2023. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/68029 (дата обращения: 02.02.2025).

[3] <Письмо> Минобрнауки России от 13.01.2025 г. № МН-13/9 «О направлении информации» // Минобрнауки РФ: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498922/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961 (дата обращения: 02.02.2025).

[4] Чем Белый список отличается от ядра РИНЦ. Официальный Telegram-канал Научной электронной библиотеки. Дата публикации: 24.01.2025. URL: https://t.me/elibrary_ru_official36 (дата обращения: 02.02.2025).

Экономика. Экономические науки

Наша задача состоит в попытке оценить значение установленной конфигурации распределения уровней отобранных научных журналов в области экономики на профессиональные стимулы учёных к выстраиванию своей публикационной стратегии.

Итак, для естественно-научных, сельскохозяйственных, медицинских и технических направлений численные значения коэффициентов качества, используемых в расчёте КБПР, дифференцированы в зависимости от уровня в БС (которые, причём, примерно соответствуют реальному соотношению средней цитируемости журналов[5]).

Для гуманитарных и общественных наук дифференциация по уровням перечня при расчёте коэффициента результативности отсутствует вовсе. Согласно письму Минобрнауки РФ от 13.01.2025[6], методика расчёта КБПР для этих направлений не учитывает установленную для журналов градацию по уровням. Методика также не подразумевает разграничение по уровням журналов и сохраняет ранее установленные коэффициенты.

С одной стороны, предложенный способ присвоения коэффициентов уровней результативности для гуманитарных журналов может привести к снижению стимулов авторов выбирать наиболее рейтинговые журналы для публикации (в особенности, если система академических надбавок в отношении высокорейтинговых публикаций не предусмотрена внутренними нормативами учреждения). С другой стороны, создаётся впечатление, что разработчики Методики не учитывают качественные различия между уровнями научных результатов работ в области общественных наук, опубликованных в журналах, входящих и не входящих в БС, рассматривая последние как не заслуживающие детального анализа. Такой подход может свидетельствовать как о недооценке значимости дифференциации научных работ по их содержательной и научной ценности, так и об отношении регулятора к социогуманитарным дисциплинам как к имеющим второстепенное значение [*Фомин-Нилов,* 2020].

Заметим, что подобный подход представляется недостаточно обоснованным и справедливым по меньшей мере в контексте экономических наук, где ввиду произошедших геополитических потрясений обострившаяся проблема «двух дискурсов»[7], отражающая разделение внутрироссийского и международного исследовательского контекста, приобрела

---

[5] Анализ методики расчёта КБПР // Научная электронная библиотека. Дата публикации: 22.01.2025. URL: https://www.elibrary.ru/kbpr_2025.asp (дата обращения: 02.02.2025).

[6] <Письмо> Минобрнауки России от 13.01.2025 г. № МН-13/9 «О направлении информации» // Минобрнауки РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498922/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961 (дата обращения: 02.02.2025).

[7] Проблема «двух дискурсов» в явном виде впервые обсуждалась в работе Л.М. Григорьева «Два дискурса в российской экономической науке». Под предложенным термином в исследовательской среде понимается исторически, затем институционально закреплённое разделение между Дискурсом 1 («внешним») — в первую очередь англоязычным, ориентированным на международную научную повестку — и Дискурсом 2 («внутренним»), преимущественно русскоязычным, сосредоточенным на национальных (региональных) исследовательских вопросах. Для Дискурса 1, сосредоточенного на глобальных проблемах мировой науки, проблематика Дискурса 2, преимущественно связанная с исследованием процессов социально-экономической трансформации России, носит «периферийный характер» [*Григорьев*, 2017. С. 137]. Автор концепции подчёркивает: два дискурса — это и две группы российских исследователей «с различным положением в науке, научными интересами» [Там же. С. 141], применяемым инструментарием, используемой методологией и выбирающие разные *каналы* для представления научных результатов. Эти две группы пересекаются лишь в ограниченном круге исследовательских тем (например, макроэкономические проблемы, демография, инвестиционные проблемы крупных компаний, банковский бизнес, рынки труда, миграция, энергетика, мировая торговля, потоки капиталов), «поскольку в них Россия объективно важна» [Там же. С. 144]. Причём научные статьи соотечественников, находящихся в Дискурсе 1 (чаще всего это представители так называемой «научной диаспоры»), опубликованные за рубежом, остаются, как правило, мало известны участникам Дискурса 2. Наиболее наглядное представление проблемы разделения российского научного экономического сообщества отражено в значительном расхождении персональных результатов в дисциплинарном рейтинге РИНЦ и RePEc.

особенно важное значение. Проявляясь, в частности, в невозможности оценить результаты работы большинства российских учёных-экономистов через ограниченный набор первоклассных журналов, в которых интерес к российской проблематике ограничен [*Григорьев*, 2017.С. 137].

«Белый список» экономических изданий

Продвижение отечественных периодических изданий в международные базы данных Scopus и Web of Science считается одним из традиционных способов представления результатов российской экономической науки в международном научном дискурсе, а факт вхождения журнала в указанные базы экономического издания становился сигналом о наличии своеобразного международного сертификата качества [*Балацкий, Екимова,* 2019]. В Белый список входят 1 464 международных и 45 российских изданий, публикующих работы в области экономики и экономических наук (39 из которых также входят в RSCI, а 44 в ядро РИНЦ)[8]. Публикация в каждом из них учитывается с весовым коэффициентом, равным «3», тогда как публикации в журналах, входящих в перечень ВАК (всего 377 экономических журнала), оцениваются с коэффициентом «1».

В контексте интерпретации цитируемости как показателя воздействия, значимости и влияния научных публикаций в исследовании [*Третьякова,* 2024] предпринята попытка оценить уровень влияния, которое оказывают ведущие российские экономические журналы на развитие соответствующих предметных областей на международном уровне (в выборку попали 35 научных экономических журналов: Приложение 1), индексируемых в МНБД Web of Science и Scopus в период 2021–2023 гг.). Количественные результаты показали, что уровень цитируемости JCI[9] всех изданий, вошедших в выборку, ниже среднемировых значений в каждой соответствующей предметной области (за исключением журнала «Балтийский регион»). Отрицательная динамика соответствующих показателей свидетельствует о выраженной тенденции к снижению уровня влияния ведущих российских экономических журналов на международную научную повестку [Там же].

Согласно исследованию число индексируемых библиометрической системой Scopus российских изданий, публикующих работы в области экономики и экономических наук, к 2024 г. достигло 28 изданий (+32% за три года). Вместе с тем анализ результатов распределения журналов по квартилям, зависящий от показателя SJR[10], демонстрирует сокращение числа высокорейтинговых журналов (и соответствующее расширение списка журналов в третьем и четвёртом квартилях МНБД).

Кроме политических причин, обусловливающих ослабление международных научных связей и в некоторых случаях намеренный отказ западных изданий от сотрудничества с российскими авторами [*Балацкий, Екимова,* 2018], существенным поводом снижения научной видимости журналов выступает усилившееся падение интереса к проблематике, освещаемой в российских социально-экономических журналах. С учётом того, что исследование включает наукометрический анализ статей, вышедших в том числе до 2022 г., авторы предполагают, что в дальнейшем показатели цитируемости и соответствующего влияния российских учёных на международный дискурс в обеих МНБД будут иметь отрицательную тенденцию.

---

[8] По данным сайта Научной электронной библиотеки: URL: https://www.elibrary.ru/ (дата обращения: 02.02.2025).

[9] JCI представляет собой среднее влияние цитирований, нормированное по предметным областям, показывает цитируемость журналов относительно среднемирового уровня в системе InCites (Web of Science).

[10] Показатель SJR рассчитывается за три года и учитывает в том числе вес цитирований: ссылки из более авторитетных изданий ценятся выше, чем из менее престижных (Scopus).

Так, для перехода журналов из указателя ESCI[11] (в котором в 2024 г. находились все российские экономические издания) в основные журнальные индексы требуется, во-первых, устойчивое наращивание цитирований из основной базы Web of Science с условием поддержания импакт-фактора на уровне не ниже среднего для квартиля Q2 в течение нескольких лет; наличие высокого индекса Хирша у авторов и членов редколлегии журнала; широкий географический охват цитирований российских работ [*Балацкий, Екимова,* 2022; *Третьякова,* 2021].

В качестве междисциплинарного сравнения приведём результаты мониторинга публикационной активности за 2020 и 2023 гг. некоторых ведущих российских вузов и учреждений науки, специализирующихся в естественно-научном направлении. Указанная исследовательская проблематика, очевидно, мало связана с регионально-специфичным контекстом и традиционно относится к числу ведущих научных областей для России: так, согласно проведённому исследованию, кроме существенного (до 50%) сокращения числа публикаций российских авторов, произошла значительная переориентация выбора российских учёных в пользу отечественных журналов (во многом из-за частичной приостановки сотрудничества зарубежных издательств с российскими авторами, которая в связи с проблемой «двух дискурсов» ещё больше выражена в области экономических наук) [*Глушановский,* 2024].

Схожие симптомы негативного влияния на обоснованность предложенной формы оценки научной деятельности можно обнаружить в области медицинских наук и здравоохранения. Там большинство публикаций в ведущих зарубежных журналах (число которых значительно превышает отечественные, попавшие в БС), изданы российскими учёными в составе международных исследовательских групп [*Дьяченко, Губа, Потапов, Мироненко,* 2024].

Таким образом, можно констатировать наличие предпосылок для возникновения неоднозначности в текущей методике отбора научных экономических журналов для включения в национальные списки. Она подчёркивает смысловые противоречия между декларируемыми целями внедрения единого национального перечня научных изданий и правилами, регулирующими его содержательное наполнение.

Изъяны оценки научной деятельности экономистов в контексте существующего воздействия на публикационную активность

Анализу критического значения продолжающейся ориентации оценки научной деятельности (публикационной активности) российских экономистов на показатели в МНБД посвящено множество работ. Среди значительных ограничений наукометрического подхода к оценке научных результатов российских экономистов упоминаются в том числе потеря качества и целостности публикационного потока экономических статей [*Рубинштейн, Бураков,* 2022; *Балацкий, Екимова,* 2015]; смещение тематики и направленности исследований в пользу более выгодных с точки зрения наукометрии работ [*Балацкий, Екимова,* 2022]; увеличение потока публикаций, не имеющих существенной научной ценности, в хищнических изданиях [*Балацкий, Юревич,* 2021]; сильной дифференциации исследовательской проблематики «внешнего» и «внутреннего» сегмента [*Балацкий, Екимова,* 2019].

Проблема ограниченности наукометрического подхода для управления воспроизводством нового экономического знания и его оценки не уникальна в международной научной практике. Так, на основе сетевого анализа цитирования [*D'Ippoliti,* 2021] установили,

[11] Emerging Sources Citation Index (ESCI) — индекс цитирования, который с 2015 года составляется Thomson Reuters, включает «рецензируемые публикации регионального значения и в новых научных областях».

что для авторов-экономистов вероятность быть процитированным может существенно зависеть и от когнитивной близости (схожести научных интересов и взглядов в отношении исследуемых вопросов), и от социальной и идеологической схожести. Поэтому цитирование, по мнению авторов, не может рассматриваться в качестве объективного критерия оценки качества экономического исследования или его возможного практического применения. Применяя SWOT-анализ общепринятых наукометрических показателей для оценки научного вклада в экономические дисциплины, исследователи приходят к выводу о наличии искажений исследовательских стимулов и предлагают дополнить оценку научной деятельности проведением экспертной оценки [*Rousseau, Rousseau*, 2021].

На примере наукометрических результатов экономических журналов, индексирующихся в WoS, в [*Migheli, Ramello,* 2021] демонстрируется неспособность индекса цитирования в полной мере отражать истинное репутационное влияние учёного. Посредством эмпирического анализа ряда наукометрических показателей, представленных в отчёте JCR (Clarivate Journal Citations Report) 371-го экономического журнала за 2019 г., авторы определяют вклад наиболее цитируемых статей в импакт-фактор журналов. Из выводов следует, что распределение цитирований по разным статьям в одном журнале может быть существенно неравномерным, причём этот факт не фиксируется ни одним из представленных в наукометрической системе индикаторов[12]. В таком случае полученные журналом «наукометрические бонусы» (или «субсидии») распространяются на все опубликованные в нём статьи.

Посредством исключения наиболее высокоцитируемых статей из выборки (от 1 до 5 наиболее популярных статей) авторы получили скорректированный рейтинг ведущих экономических изданий, новое распределение в котором значительно отличалось от изначальных позиций. По мнению учёных, «эффект ореола», который оказывают статьи-лидеры на остальные опубликованные работы в журнале, приводит к существенному искажению общественного восприятия научных работ, не получающих достаточного внимания со стороны исследовательского сообщества. Учитывая значительный дисбаланс в количестве цитирований между статьями в рамках одного журнала, авторы выдвигают гипотезу о наличии систематических искажений в оценке научной деятельности, основанной на наукометрических показателях. Ввиду того, что числовая природа индексов создаёт психологический эффект, заключающийся в восприятии показателей как более объективных инструментов для оценки значимости научных исследований (в указанном случае экономических), М. Мигели и Дж. Рамелло рекомендуют подходить к их применению с осторожностью.

Обозначенные искажения, свойственные формализованным (менеджериалистским [*Дежина*, 2020]) критериям оценки результативности исследователей, порождают «слепые пятна», связанные с невозможностью качественно дифференцировать содержательную ценность их научного вклада для общества [*Ореховский*, 2019]. В этом смысле «институт науки», результат проектирования которого, по-видимому, оказывает влияние на исследовательскую эффективность [*Олейник*, 2019], в конечном итоге приобретает черты, скорее свойственные институту спортивных достижений со своими антидопинговыми правилами, агентствами, договорными матчами и замалчиванием чужих результатов [*Ореховский*, 2019].

Как нередко случается в спорте высших достижений, стремление к рекордам зачастую подменяет саму суть участия соревновании. Возникновение так называемого «академического капитализма», выраженного в ориентации целевой функции исследователей на

[12] Здесь уместно вспомнить подобные случаи в российских ведущих научных экономических журналах, где нередко публикуются «статьи-чемпионы», авторами которых становятся известные представители публичной власти.

ускоренную коммерциализацию приращения нового знания, с одной стороны, ослабляет стимулы к производству нового фундаментального знания как чистого общественного блага, с другой — порождает рентоориентированное поведение среди исследователей [*Курбатова, Левин, Саблин*, 2021][13].

О дифференциации коэффициента качества (уровня) журнала/статьи

Принципиальным изъяном БС, собранного из массивов WoS, Scopus и RSCI, называют необоснованное и несправедливое (в текущих внешних условиях) превалирование блока зарубежных изданий над отечественными [*Мохначева,* 2024]. Справедливо выдвинуть гипотезу: для экономических дисциплин такое распределение способствует ещё большему расхождению между «двумя дискурсами» со смещением исследовательских стимулов во внешний, международный, или американоцентричный, контекст.

Как известно, изоляция российской науки привела в том числе к «ослаблению возможностей утверждения приоритета собственных научных достижений» [*Семенов,* 2023]. В то же время достижения русской экономической мысли вызывали и вызывают интерес *преимущественно* (если не «*только*», как предложено в оригинальном изложении) среди соотечественников [*Балацкий, Екимова,* 2018]. Отсюда следует недостаточное понимание обоснованности отказа, с одной стороны, от дифференцированной шкалы категорий журналов в Методике расчёта КБПР, с другой — от специфически содержательного подхода к развитию экономической науки в России, который может быть обусловлен, во-первых, двойственным характером воспроизводства нового экономического знания («для себя» и «для другого»); во-вторых, наличием «двух дискурсов» российской экономической науки [*Григорьев,* 2017].

Следует отметить: несомненно, поддержание присутствия и доступности научной экономической периодики в международном сообществе на платформах Web of Science и Scopus как одной из стратегий сохранения представленности российского сегмента знания на международном рынке необходимо. Вместе с тем в период внешней турбулентности, оказывающей значительное влияние на развитие науки, пересмотр исследовательских ориентиров, отражённых в усилении внутреннего дискурса и концентрации (если не употреблять термин «мобилизации») на внутренней проблематике и региональных экономических вопросах, указывает на необходимость поиска соответствующей сбалансированной системы оценки (или отслеживания) наукометрической динамики. При этом в процессе её формирования следует учитывать двухдискурсную специфику российской исследовательской среды, продолжающую сохранять слабую тематическую и персональную корреляцию внешнего и внутреннего контекста [*Шаститко, Зюбина*, 2025].

В то же время внимание к международному продвижению собственных научных экономических журналов, вероятно, усилит стимулы делать выбор в пользу ведущих отечественных изданий (вместо стремления к «штурму» второсортных венгерских, польских, турецких и южноафриканских журналов [*Балацкий, Екимова,* 2018]).

Вместе с тем база данных RSCI регулярно подвергается критике за неполноту охвата и методологические и содержательные изъяны: в том числе установлено отсутствие в нём ряда ведущих экономических изданий [*Третьякова,* 2023а]. Многие экономисты-исследователи не разделяют обоснованность выделения перечня журналов, входящих в ядро РИНЦ и базу RSCI (42 журнала), основанного на комбинировании наукометрии и «субъективной» экспертной оценки [*Рубинштейн, Бураков,* 2022]. Это замечание подкрепляется дополнительными выводами из анализа результатов, проведённого в 2022 г. Новой

[13] Отдельные стратегии достижения целевых метрик российскими вузами, установленных регулятором, разобраны, например, в: [*Гуськов, Косяков,* 2020; *Kosyakov, Guskov,* 2022].

экономической ассоциацией социологического опроса сообщества экономистов. На основе анализа ответов респондентов авторами был составлен сводный рейтинг MWR, который показал, что среди опрошенных преобладает высокий уровень скептицизма в отношении ранжирования ведущих экономических журналов по показателю Science Index (RSCI).

Более того, высокая степень персонификации научных трансакций, характерная для российской научной традиции [*Олейник*, 2019], обусловила дополнительную неоднозначность процесса и результата отбора журналов общественной и социальной направленности в RSCI. Известно, что отбор в секцию общественных и гуманитарных наук первоначального списка (2015 г.) курировал представитель НИУ ВШЭ, который на тот момент времени занимал должность первого проректора и одновременно главного редактора одного из издаваемых ВУЗом экономических журналов. В результате отбора 14 из 25 изданий, публикуемых НИУ ВШЭ на тот момент, вошли в итоговую версию базы по общественным и гуманитарным наукам [Там же]. Следует отметить, что приведённый факт не предполагает качественной (содержательной) оценки уровня вошедших в список журналов, а подчёркивает прежде всего признаки конфликта интересов, встроенные в выбранный дизайн механизма отбора. Этот пример наглядно отражает действие избирательного механизма властных институтов на процессы научной коммуникации, проявляющиеся в системном воспроизводстве асимметрии доступа к академическим ресурсам и возможностей влияния на формирование внутринаучного дискурса.

Предложенная в новой методике расчёта КБПР для гуманитарных и общественных наук дифференциация журналов по уровням качества в текущей форме (на журналы, включённые в БС, и журналы ВАК) не рассматривает потенциальную возможность пересмотра старой системы оценки экономических журналов в контексте осмысления задач воспроизводства нового научного экономического знания и национально-специфических особенностей развития дисциплины. Кроме этого, установленные правила отбора и признания академического вклада закрепляют преимущественно иерархическую структуру научных трансакций [*Олейник*, 2019], предопределяя её исключающий характер. Спроектированная инфраструктура научной коммуникации, на наш взгляд, предсказывает параллельные, взаимодополняющие эффекты углубления двухдискурсности, сопровождающиеся институционализацией маргинализации внутреннего («второго») дискурса и последующим ускорением качественной дифференциации российского научного экономического сообщества. Формируемое ею иерархическое устройство «авторитетов», способствует появлению схоластической траектории образа мышления учёных и, как следствие, связанных с ним научных экономических текстов, опосредуя воспроизводство внутринаучной, субдискурсной замкнутости, ограничивающей пространство для развития научных исследований [*Ореховский, Нуреев,* 2023]. Эти процессы обладают синергетическими эффектами, одновременно формирующими устойчивую систему обратной связи из Академии за её административные пределы, в которой заданные в отрыве от дисциплинарной (чаще естественной) самоорганизации параметры, предопределяют границы научной легитимности и объективности общественного признания.

Например, для сохранения и придания содержательных смыслов развитию рынка российской научной экономической периодики исследователи предлагают, используя существующий инструментарий библиотеки РИНЦ, провести разделение всего поля экономических журналов на пять групп [*Балацкий, Екимова,* 2022]. Согласно предложенной идее, первый (наиболее влиятельный в наукометрическом смысле) квинтиль фактически полностью совпадает с предложенной дифференциацией журналов «первого» уровня БС для гуманитарных и общественных областей, т.е. вошедших в МНБД WoS и Scopus или включённых в список RSCI. Разделение остальных журналов, по мнению авторов, может быть поставлено в соответствие с индексом влияния, основанного на популярности, качестве и доступности издания, и который, в свою очередь, после попадания в ту или иную категорию не специфицируется для каждого издания внутри установленной группы.

Менее специфицированным, но сохраняющим внимание к содержательным аспектам ранжирования национального перечня журналов выступает предложенное в [*Третьякова,* 2023a] категорирование изданий на ведущие международные научные журналы, ведущие национальные научные журналы и национальные научные журналы. Примечательно, что в первую группу могут попасть и отечественные, индексированные в МНБД, и зарубежные издания, исследовательская парадигма которых, по принципу финской модели (далее), соответствует государственным приоритетам и не вступает в противоречие с национальными интересами.

Здесь же уместно обратиться к пониманию Ю. Гарфилдом библиометрии как инструмента для изучения распространения научного мышления, а не меры его качества [*Garfield,* 1955]. Основатель американской системы научного индекса подчёркивал уникальность традиций цитирования для каждой научной области, причём в некоторых случаях требуется её дополнительная детализация внутри дисциплины [*Garfield,* 2006].

Подытожим: оценка качества и репутационного влияния научных экономических изданий, построенная на основе результатов наукометрии, не способна в полной мере учесть принципиальные для российского академического сообщества содержательные параметры, слабо поддающиеся численному учёту, а разграничение журналов для расчёта КБПР в текущем виде не может отражать многообразие исследовательского вклада в воспроизводство нового экономического знания.

Поиск сбалансированной оценки

Для предотвращения указанных изъянов системы оценки журналов (и опубликованных в них работ), влияющих на стимулы к созданию качественных научных статей в области экономики, представляется целесообразным обратиться к некоторым положительным аспектам реализации собственных «белых списков» за рубежом. Предварительно отметим, что, на наш взгляд, приоритетом российской экономической науки сегодня должны быть исследования, направленные на потенциальную возможность практического использования предложенных идей, а задача формирования национальной системы оценки развития научного знания может выступить, с одной стороны, «стабилизирующим механизмом» в период внешних потрясений [*Третьякова,* 2023b], с другой — способствовать качественному переосмыслению роли экономической науки в деле преодоления возникающих вызовов. При этом важно методологически ограничивать репликацию менеджериалистских подходов в виде «улучшенной» терминологии.

Стоит сделать оговорку: в процессе поиска возможной альтернативы выстраивания сбалансированной системы оценки научных результатов, мы исходим из предположения о том, что БС и соответствующая методика расчёта публикационной результативности были разработаны и предложены научной общественности в качестве инструментов, направленных на ориентирование российских учёных в процессе формирования их стратегии исследовательской деятельности. Одновременно мы соглашаемся, во-первых, с тезисом об ошибочности «редукции научной деятельности к публикации статей» [*Балацкий, Екимова,* 2022. С. 23] (вероятно, исправно «работающей» в международном контексте); во-вторых, с утверждением о роли наукометрических показателей в качестве вспомогательного инструментария. Вместе с тем их внедрение в оценку научной деятельности экономистов, очевидно, не должно подменять задачи науки и становиться её ориентиром, нарушающим двойственный характер, который допускает практическое использование её результатов. Другими словами, процесс формирования сбалансированной системы стимулирования научной деятельности должен также включать задачи нивелирования рисков отрицательных эффектов «работы на показатель».

Так, согласно [*Третьякова,* 2023b], многие страны при оценке исследований используют дисциплинарные списки научных журналов (учёт каналов публикации по отдельным дисциплинам), в частности, в Испании, Италии и Китае отдельно используются списки для оценки публикационной активности по социальным и гуманитарным наукам, которые охватывают журналы, публикующие ключевые работы для реализации национальных приоритетов. При этом наиболее эффективными оказываются такие модели, в которых финансирование научной деятельности в меньшей степени связано с результатами наукометрии [Там же].

В противоположность существующей на данной момент системе отбора научных изданий в БС (по факту индексации в МНБД и RSCI, хотя и предполагающей наличие экспертизы на предмет соответствия девяти критериям, отмеченным в Методике формирования Единого списка научных изданий), скандинавская модель ранжирования национальных изданий устанавливает регулярный пересмотр списков журналов и книжных издательств экспертными группами с целью дифференциации и последующего присуждения изданию того или иного уровня качества. Обычно экспертные группы формируются на установленный срок из ведущих специалистов в конкретной научной области. Их самостоятельно выдвигают учреждения высшего образования и науки.

Так, любопытной особенностью финской модели присуждения более высокого статуса ведущему экономическому научному изданию (т.е. за исключением локальных, низкокачественных и «хищнических» каналов публикации), кроме необходимости соблюдения требований, предъявляемых к авторитетным научным изданиям в соответствии с общепринятыми стандартами научной периодики, выступает внимание к исследовательской направленности журнала, которая предпочтительно должна быть ориентирована на аспекты научной проблематики национального контекста. Журналы, которые дисциплинарная экспертная группа признаёт «второстепенными» для финских исследований и не соответствующими национальным приоритетам, исключаются из модели дополнительного финансирования университетов [*Третьякова,* 2023b].

Наши выводы на основе качественного (смыслового) анализа установленных правил управления публикационной активностью экономистов согласуются с выводами [*Третьякова,* 2023a], полученными из наукометрического анализа результатов вхождения ведущих российских экономических изданий в существующие их национальные списки. Первичность внутридисциплинарного экспертного отбора опосредует последующее выстраивание институциональных фильтров для поиска сбалансированной оценки научной результативности. Причём процесс отбора лучших международных и отечественных журналов предполагает необходимость их соответствия национальным интересам и приоритетам государства[14].

Заключение

Предложенная методика расчёта КБПР на профессиональные стимулы исследователей в области экономики и экономических наук, на наш взгляд, страдает принципиальными изъянами. Прежде всего речь идёт о бинарном разграничении перечня журналов на входящие в БС и журналов ВАК, что ограничивает полноту охвата российских экономических исследований. Значительная концентрация в БС зарубежных экономических изданий и относительно небольшое присутствие отечественных журналов в текущих внешних

[14] Читатель может возразить, напомнив автору данной статьи, что БС уже претерпевал изменения, связанные с исключением ряда журналов по идеологическим и политическим причинам. Заметим: последние (вторые по счёту [*Кириллова,* 2024]) изменения в июле 2024 г. в составе БС были связаны с исключением 480 журналов издательства Elsevier. Мы, в свою очередь, настаиваем на более динамичном, дисциплинарно специфичном подходе к анализу рынка международных и отечественных экономических журналов, *имеющих* значение для оценки научной деятельности.

условиях способствует существующему расхождению между «двумя дискурсами» и содержательному отклонению от практико-ориентированных исследований в национальном контексте.

В процессе поиска сбалансированной системы стимулов публикационной деятельности экономистов мы исходим из двух положений. Во-первых, это наличие двух упомянутых предпосылок — дискурсивного и функционального характера, — оказывающих принципиальное влияние на воспроизводство нового научного знания. Во-вторых, сомнение вызывают утверждения регулятором упомянутых выше целей ранжирования журналов в качестве стимулов исследователей публиковаться в отечественных научных изданиях и повышения их уровня конкуренции и качества.

На наш взгляд, в оценку исследовательской деятельности и обусловливающую её систему вхождения в национальные списки и категорирования журналов необходимо включать внимание к прикладной значимости исследований (или актуальности), качеству публикаций (глубине анализа и методологической обоснованности), наличию разнообразия форм научной коммуникации и учёту потенциальных бенефициаров нового экономического знания. Подобранные с учётом указанных аспектов институциональные фильтры могут стать основой для более дифференцированного ранжирования изданий в едином перечне и его дальнейшего расширения в зависимости от внутри и внешне научного контекста.

Мы также подчёркиваем важность регулярного пересмотра и корректировки отобранных в установленные категории отечественных и зарубежных изданий. Это требует организации обновляемой дисциплинарной экспертной группы из ведущих представителей академического сообщества экономистов. При этом наукометрическим показателям журналов должна быть отведена вспомогательнуя функция.

Смещение фокуса с наукометрических результатов в МНБД на качественное наращивание регионального научного потенциала может стать ключевым фактором в процессе формирования фундаментальной школы экономической мысли. Причём, чем более специфицирована национальная составляющая такой системы, тем более убедительной выступит её способность сохранять устойчивость в условиях изменяющейся внешней среды.

Приложение

Таблица

Российские экономические журналы, индексируемые в МНБД Web of Science и Scopus в 2023 г.

	JCI (Web of Science)	**CS* (Scopus)**
Балтийский регион	0,83↑	1,6↓
Экономика региона	0,60↓	1,8↓
Мир России	0,49↓	1,3↑
Terra Economicus	0,34↓	2,3↑
Форсайт	0,32↓	3,3↓
Современная Европа	0,30↓	0,7↓
Вопросы экономики	0,28↓	1,8↓
Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	0,28↓	1,3↓

Окончание табл. со с. 115

	JCI (Web of Science)	CS* (Scopus)
Journal of Tax Reform	0,24↑	1,4↑
Мировая экономика и международные отношения	0,23↓	1,0
Регионология	0,22↓	—
Journal of Institutional Studies	0,18↓	—
Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	0,17	—
Управленец	0,14↑	—
Журнал Новой экономической ассоциации	0,13↓	1,0↑
Экономическая политика	0,13↓	1,3↑
Бизнес-информатика	0,12↓	1,5↓
Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика	0,11↓	1,3↑
Вестник МГИМО-Университета	0,11↓	—
Экономика и математические методы	0,10	—
Российский журнал менеджмента	0,05↓	—
Regional Research of Russia	—	1,6↑
Russian Journal of Economics	—	2,6↑
Studies on Russian Economic Development (Проблемы прогнозирования)	—	1,4↓
Экономический журнал Высшей школы экономики	—	1,1↓
R-Economy	—	1,6↑
Population and Economics	—	2,1↓
Пространственная экономика	—	0,9↑
Iberoamerica	—	0,5↓
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены	—	1,3
Экономическая социология	—	1,1↑
Финансы: теория и практика	—	1,3↑
Север и рынок: формирование экономического порядка	—	0,8↑
Крестьяноведение	—	0,5↑
Прикладная эконометрика	—	0,7↓

Примечание. JCI — (Journal Citation Indicator) отражает цитируемость журналов относительно среднемирового уровня (значение, равное 1,0, соответствует среднемировому уровню цитируемости в данной предметной категории). JCI рассчитывается как среднее нормализованное значение показателя цитируемости статей, опубликованных в журнале в течение предыдущих трёх лет, с учётом предметной области. CS — показатель CiteScore, характеризующий среднее количество цитат в расчёте на одну публикацию. Стрелки рядом с показателями JCI и CS обозначают динамику этого показателя по сравнению с прошлым годом.

Источник: составлено автором по: [*Третьякова*, 2024].

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2015). Проблема манипулирования в системе РИНЦ [*Balatskiy E.V., Ekimova N.A.* (2015). The problem of manipulation in the rsci system] // *Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление»*. № 14 (2). С. 166–178.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2018). Международный ландшафт рынка российских экономических журналов [*Balatskiy E.V., Ekimova N.A.* (2015). International Landscape of the Market of Russian Economic Journals] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* Т. 11. № 4. С. 110–124. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.7

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2019). Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке [*Balatskiy E.V., Ekimova N.A.* (2015). International Landscape of the Market of Russian Economic Journals] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 3. С. 124–139. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.8

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Рынок российских экономических журналов в условиях международной изоляции [*Balatskiy E.V., Ekimova N.A.* (2022). The Russian Economic Journals Market amid International Isolation] // *Управленец.* Т. 13. № 4. С. 15–25. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-4-2.

Балацкий Е.В., Юревич М.А. (2021). Российская экономическая наука на международном рынке хищнических изданий [*Balatskiy E.V., Yurevich M. A.* (2021). Russian Economic Science on the International Market of «Predatory» Publications] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (50). С. 190–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-11.

Глушановский А.В. (2024). Изменения публикационного поля для российских научных публикаций в современных условиях [*Glushanovskiy A.V.* (2024). Changes in the Publication Field of Russian Scientific Works In Modern Conditions] // *Управление наукой: теория и практика.* Т. 6. № 4. С. 71–85. DOI: 10.19181/smtp.2024.6.4.4.

Григорьев Л.М. (2017). Два дискурса в российской экономической науке [*Grigoryev L.M.* (2017). Two Discourses In Russian Economic Science] // *Вопросы экономики.* №9. С. 135–158.

Гуськов А.Е., Косяков Д.В. (2020). Национальный фракционный счёт и оценка научной результативности организаций [*Guskov A.E., Kosyakov D.V.* (2020). National fractional calculations and evaluating organization's science efficiency] // *Научные и технические библиотеки*. Т. 1. № 9. С. 15–42. DOI: 10.33186/1027-3689-2020-9-15-42.

Дежина И.Г. (2020). Научная политика в ведущих российских университетах: эффекты «нового менеджериализма» [*Dyozhina I. G.* (2020). Research Policy in Leading Russian Universities: Effects of 'New Managerialism'] // *Университетское управление: практика и анализ*. Т. 24. № 3. С. 13–26. DOI: 10.15826/umpa.2020.03.023.

Дьяченко Е.Л., Губа К.С., Потапов И.В., Мироненко А.Ю. (2024). Сравнение подходов к стратификации российских журналов: наукометрические индикаторы, международные базы данных и национальные списки [*Dyachenko E. L., Guba K. S., Potapov I. V., Mironenko A. Yu.* (2024). Comparison of Approaches to Stratification of Russian Journals: Scientometric Indicators, International Databases and National Lists] // *Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы.* № 5. С. 13–21. DOI: 10.36535/0548-0019-2024-05-3.

Кириллова О.В. (2024). Об изменениях в государственной научно-публикационной политике, «Белом списке» и перспективах развития российских научных журналов [*Kirillova O.V*. (2024). On changes in the State scientific publishing policy, the "White List", and the prospects for the development of Russian scholarly journals] // *Научный редактор и издатель.* Т. 9. № 2. С. 124–133. DOI: 10.24069/SEP-24-22.

Курбатова М.В., Левин С.Н., Саблин К.С. (2021). Импорт инструментов научной политики в современной России [*Kurbatova, M.V. Levin, S.N. Sablin K. S.* (2021). Import of Scientific Policy Instruments in Contemporary Russia] // *Журнал институциональных исследований.* Т. 13. №3. С. 37–52. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.3.037-052.

Мохначева Ю.В. (2024). Журнальные списки и рейтинги российских изданий: противоречия и возможные пути их устранения [*Mokhnacheva Yu. V.* (2024). Lists of journals and ratings of Russian publications: Inconsistencies and possible ways to eliminate them] // *Управление наукой: теория и практика*. Т. 6. №2. С. 147–167. DOI: 10.19181/smtp.2024.6.2.11. EDN OEURLH.

Олейник А.Н. (2019). *Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках* [*Oleynik A.* (2019). Scientific Transactions: Networks and Hierarchies in the Social Sciences]. — М.: ИНФРА-М.

Ореховский П.А. (2019). «Научные трансакции» и слепые пятна в анализе институтов общественных наук (О книге профессора А.Н. Олейника «Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках») [*Orekhovsky P.A.* (2019). «Scientific transaction» and blind sports in analisis of institutes of social sciences (About the book by rofessor A.N. Oleynik «Scientific Transaction: networks and hierarchies in the social sciences»] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 174–180.

Ореховский П.А., Нуреев Р.М. (2023). Схоластика в экономической науке как симптом неизбежного кризиса [*Orekhovsky P. A., Nureev R. M.* (2023). Scholasticism in Economics as a Symptom of an Unavoidable Crisis.] // *AlterEconomics*. Т. 20. № 1. С. 9–28. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.2.

Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. (2022). Экономическая наука и публикационная активность в патерналистском государстве [*Rubinstein A.Ya., Burakov N.A.* (2022). Economic science and publication activity in a paternalistic state] // *Управленец.* Т. 13. № 4. С. 3–14. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-4-1.

Семенов Е.В. (2023). Национальная сеть научных журналов как система: проблемы до и после санкций [*Semenov E.V.* (2023). A National Network of Academic Journals as a System: Problems Before and After Sanctions] // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 32, № 3. С. 145–166. DOI: 10.17323/1811038X2023323145166. EDN IRPQKL.

Третьякова О. В. (2021). Российские экономические журналы в ESCI: ретроспектива и прогноз [*Tretyakova O.V.* (2021). Russian economic journals in the ESCI: Retrospective overview and forecast] // *Terra Economicus.* Т. 19. № 4. С. 92–109. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-92-109.

Третьякова О.В. (2023a). Российский опыт составления национальных списков научных журналов: ошибки, задачи и перспективы [*Tretyakova O.V.* (2023a). Russian experience with national rankings of academic journals: Mistakes, challenges, and prospects] // *Terra Economicus*. Т. 21. № 3. С. 102–121. DOI: 10.18522/2073660620232131021 21.

Третьякова О.В. (2023b). Национальные списки научных журналов: обзор мировой практики [*Tretyakova O.V.* (2023b). National Lists of Academic Journals: an Overview of World Practice] // *Journal of Institutional Studies.* Т. 15. №. 3. С. 20–39. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.3.020-039.

Третьякова О.В. (2024). Российские экономические журналы в условиях меняющейся международной обстановки: текущие и прогнозные оценки [*Tretyakova O.V.* (2024). Russian Economic Journals in the Changing International Situation: Current and Forecast Estimates] // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 28. № 4. С. 702–723.

Фомин-Нилов Д.В. (2020). Роль и значение социогуманитарного знания: Бизнес-Наука-Образование [*Fomin-Nilov D.V.* (2020). The role and significance of socio-humanitarian knowledge: Business-Science-Education] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 103–112. DOI: 10.31857/S086904990013053-0.

Шаститко А.Е., Зюбина А.Л. (2025). Государственная политика в области экономической науки: основания, возможности, ориентиры [*Shastitko A.E., Zyubina A.L.* (2025). State policy in the field of economics: foundations, opportunities, guidelines] // *Управление наукой: теория и практика*. Т. 7. № 2. С. 143–168. (в печати).

D'Ippoliti C. (2021). «Many-Citedness»: Citations Measure More Than Just Scientific Quality // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 35. No. 5. Pp. 1271–1301. DOI: 10.1111/joes.12416.

Garfield E. (1955). Citation indexes for science: A new dimension in documentation through association of ideas // *Science*. Vol. 122. No. 3159. Pp. 108–111.

Garfield E. (2006). The history and meaning of journal impact factor // *Jama*. Vol. 295. Pp. 90–93. DOI: 10.1001/jama.295.1.90.

Kosyakov D., Guskov A. (2022). Reasons and consequences of changes in Russian research assessment policies // *Scientometrics*. Vol. 127. No. 8. Pp. 4609–4630.

Migheli M., Ramello G.B. (2021).The unbearable lightness of scientometric indices // *Managerial and Decision Economics*. Vol. 42. No. 8. Pp. 1933–1944. DOI: 10.1002/mde.3486.

Rousseau S., Rousseau R. (2021). Bibliometric techniques and their use in business and economics research // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 35. No. 5. Pp. 1428–1451.

Зюбина Анастасия Леонидовна
zyubinastya@mail.ru

Zyubina Anastasia
postgraduate student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow)
zyubinastya@mail.ru

NOT ALL THAT GLITTERS IS ON THE WHITELIST

Abstract. The study examines the potential impact of established rules in the methodology for calculating the composite score of publication performance (KBPR) on the research incentives of scholars working in the field of economic sciences. In particular, taking into account the 'two discourses' of Russian economic science and the dual nature of the reproduction of new economic knowledge, shortcomings in the proposed binary differentiation of humanities and social sciences publications within the methodology have been identified in the context of assessing the scientific productivity of economists. The existing flaws of the scientometric approach to selecting scientific journals for national lists have been revealed, which serve as limitations to a comprehensive accounting of the publication activity of Russian economists. The need to develop a balanced system for managing the publication activities of economists is substantiated. International experience in compiling priority-oriented disciplinary lists of scientific publications is reviewed. A potential adjustment to the approaches for evaluating the scientific work of economists is proposed, reflecting the substantive aspect of published research, which involves the use of scientometric tools as an auxiliary factor.

Keywords: *scientific productivity, publication activity, whitelist, economic science.*
JEL: A11, A14.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
д.филос.н., ординарный профессор,
Национальный университет «Высшая школа экономики» (Москва)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПОЛИТИКОЙ (Часть 2)

Аннотация. Кризис международного права демонстрирует растущую нестабильность в таких областях международных отношений, как легитимность/легальность, фрагментация/интеграция, правовая асимметрия/симметрия. Потенциал этих изменений настолько велик, что позволяет поставить под вопрос сохранение базового общественного договора — международного консенсуса, достигнутого между сверхдержавами по окончании Второй мировой войны и воплощённого в Уставе ООН и Статуте его Международного суда. Утрата равновесия в международных отношениях означает огромный вызов всей системе международного правосудия, которая должна быть, с одной стороны, гарантом применения международных норм, а с другой — нейтральным и эффективным инструментом правовой медиации между конфликтующими акторами. Обозревая конфликтные тенденции и трудности современного международного правосудия, автор рассматривает перспективы появления нового равновесия, достигаемого комплексом правовых, внеправовых и политических механизмов во имя установления более стабильной системы международного правосудия.

Ключевые слова: *международное право, международное правосудие, международные и национальные суды, конфликт компетенций, уголовная юстиция, переходное правосудие, политика права.*
JEL: K33, K38, K40
УДК: 341, 334.02, 339.9
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_119_133
© А.Н.Медушевский, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Медушевский А.Н.* Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 2) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 119–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_119_133.
FOR CITATION: *Medushevskiy A.* International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 2) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 119–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_119_133.

Введение. Конфликт интерпретаций международного права как специальная область исследований

Система международных отношений в эпоху глобализации столкнулась с двумя разнонаправленными трендами: правовой универсализации, связанной с ожиданиями глобального конституционализма, и правовой фрагментации больших регионов, связанной с их растущим стремлением к отстаиванию собственных интересов в формирующейся глобальной повестке правовых преобразований. Первый из этих трендов опирался на политический консенсус ведущих держав, сформировавшийся в рамках Потсдамско-Ялтинской системы международной безопасности и включавший становление основных

международных институтов и универсальных стандартов защиты прав человека — Устава ООН, Всеобщей декларации прав, ЕКПЧ, появление ряда новых акторов глобального конституционализма в виде международных судов, глобальных корпораций, НКО и транснациональных институтов, предположительно составляющих основу нового глобального управления. Наибольшего успеха этот тренд достиг после крушения советского интеграционного проекта в 1991 г. и формирования тогда же (1992 г.) так называемого «однополярного момента», выражением которого стало образование Европейского Союза — интеграционного проекта нового типа, претендующего на то, чтобы стать моделью глобальной правовой интеграции.

Второй тренд — правовой фрагментации — стал следствием роста глобальных диспропорций и правовой асимметрии, последовательно усиливавшейся по мере «расхождения путей» больших регионов мира в понимании ценностей, принципов и целей глобальной интеграции, вплоть до полного отказа отдельных регионов принять тезис об универсальности правовых стандартов или критериев их интерпретации в контексте современных политических и военных конфликтов. Мощная волна консервативной реакции — антиглобализма, популизма и евроскептицизма — стала выражением этой новой ситуации, определив различные модели реагирования региональных правовых систем на вызовы глобализации. Под вопросом оказался не только проект глобального конституционализма, но и содержание международного «общественного договора» — консенсуса ведущих центров силы в отношении международной системы безопасности, определявшего её стабильность во второй половине XX и начале XXI вв. Общим результатом фрагментационного тренда, ныне получившего преобладающее значение, стал кризис легитимности международного права и созданных им институтов — расширение вакуума власти на транснациональном уровне с окончанием «однополярного момента», отказ от принятия единой концепции интеграционных процессов и поиск аутентичных стратегий, выражающих представления о региональной и национальной «правовой идентичности» с упором на возрождение «традиционных ценностей» как реальных, так и изобретённых. Убеждению глобалистов о преобладании международного права над политикой противостоит традиционный Вестфальский тезис о возрождении политики в обеспечении интересов суверенных национальных государств или их союзов.

Конфликт двух трендов — универсализации и фрагментации — далёк от завершения и, во всяком случае, не допускает однозначного решения в пользу одного из них. С одной стороны, процессы глобальной конституционализации не только не исключают, но предполагают определённую региональную фрагментацию как процесс адаптации региональных правовых систем к интеграции правовых порядков. С другой — фрагментация имеет смысл только в контексте интеграционного тренда, поскольку в своём абсолютном выражении она означает наступление правового хаоса и полную утрату международного контроля. Однако на пересечении этих двух трендов возникает особая область дебатов о содержании правовых норм, критериях их интерпретации с позиций интересов как международного сообщества, так и отдельных региональных союзов и национальных государств. Эта область исследований, определяемая как когнитивный конституционализм, концентрируется на вопросах установления смысла правовых понятий, норм и стратегий судебной интерпретации, а также реконструкции декларируемой или не декларируемой мотивации их применения.

С этих позиций в первой части данной статьи был дан анализ конфликта компетенций международных, транснациональных и национальных судов, выявивший проблемные зоны и различия стратегий интерпретации международного права в интеграционных процессах разных регионов мира, идущих с неодинаковой степенью интенсивности [*Медушевский*, 2025]. Во второй части данной статьи предметом рассмотрения является вероятно самая политизированная область международного права — международное

уголовное правосудие, представленное системой специализированных судов, трибуналов и особых институтов переходного правосудия, отражающих усилия международного сообщества не только в области наказания за преступления, но и восстановления правового порядка, разрушенного в результате внутренних гражданских конфликтов или действий диктаторских режимов. В этой сфере конфликт интерпретаций международного права выражен особенно чётко, поскольку связан не только с различием понимания правовых стандартов, но и с вовлечением в процесс мощных политических игроков, отстаивающих свои интересы как правовыми, так и неправовыми средствами.

Анализ материала двух частей статьи позволяет обсудить ряд общих дискуссионных вопросов: могут ли международные суды предотвратить войны; как соотносятся судебные, квазисудебные и внесудебные механизмы разрешения международных конфликтов; как могли бы выглядеть контуры новой глобальной политики права?

Международное уголовное правосудие: причины обвинений в политической ангажированности

Наивысший уровень политизации характерен для международного уголовного правосудия — Международного уголовного суда (МУС) и трибуналов [*The Politics of International Criminal Law*, 2021]. Роль МУС при его создании вызывала высокие надежды. Модель процесса МУС, зафиксированная в Римском статуте, рассматривается как результат особого научного моделирования, синтеза принципов основных правовых семей[1]. Но уже в момент создания этой модели в ней отмечались заложенные структурные ловушки политизации: фильтрационная функция Палаты предварительного судопроизводства (отбор избранными судьями дел, которые должны идти в судебную стадию, зависящий от полноты доказательной базы и её доступности для обвинения и защиты); порядок взаимодействия между тремя палатами Суда (досудебная палата, судебная и апелляционная) [*Ушацка*, 2014a; *Ушацка*, 2014b]. Определённые трудности связаны с вопросами подсудности — передачей дела в Суд со стороны СБ ООН, отдельных государств или Прокурора. Каждый из этих институтов имеет определённый информационно-политический, а следовательно конфликтный, потенциал[2].

После эйфории учредительного периода и вступления в силу Статута МУС в 2002 г. «реальная деятельность стала разочарованием». «Суду, — заявляли критики, — не хватает дальновидности и умелого руководства. Его сотрудники источают разочарование и даже уныние», но «Прокурор МУС склонен отрицать критику, направленную в адрес плачевных результатов деятельности Суда» [*Шабас*, 2012. С.15]. Критика МУС, и в частности его Прокурора, связана с обвинениями в политизации при инициировании и рассмотрении конкретных дел. Здесь фигурируют: попытка соединения политических интересов и уголовного закона в ситуации с признанием Палестинской автономии; факты прямого давления на Суд со стороны отдельных государств (в основном — США), которым, возможно, объясняется отказ Прокурора от рассмотрения жалоб на нарушение Римского статута, совершённых британскими и американскими вооружёнными силами в Ираке или Афганистане, противоречивая практика досудебной выдачи «международного ордера» на арест (начиная с таких политических деятелей, как Каддафи) [*Трикоз*, 2012]. Подходы МУС к определению

---

[1] МУС оценивался как модель, «универсальная с точки зрения сочетания состязательного и следственного начал» (см.: [*Печегин,* 2020].

[2] Прокурор, например, сформулировал неоднозначную установку о допустимости инициирования дел отдельными государствами, вовлечёнными во внутренние вооружённые конфликты, стимулировав практику, способную стать «политическим инструментом, который используется правительствами, желающими ослабить позиции своих оппонентов» [*Ушацка*, 2014a. С. 54].

важнейших преступлений должны быть совместимы с Уставом ООН, но одновременно учитывать подходы в рамках национальных правовых систем, которые ещё далеки от единства [*The Rome Statute…*, 2016]. МУС, ранее концентрировавшийся на Африке, в последнее время распространил свою деятельность на другие страны — Израиль и великие державы, что усилило обвинения в нелегитимности Суда, остающегося в «напряжении между правом и политикой» [*Steinberg*, 2024]. Определение МУС должно быть поэтому согласовано не только с соответствующими нормами международного права, но и с нормами национального законодательства, выражающими официальные позиции государств [*Саяпин*, 2012].

В целом механизмы, заложенные государствами в римский компромисс 1998 г., предопределили, с одной стороны, ограниченность юрисдикции Суда, с другой — его зависимость от политической повестки, что порождает сомнения в его легитимности и эффективности в качестве главного института международной уголовной юстиции. МУС пребывает в поисках баланса между правом и политикой.

Меняющееся место международных трибуналов

Начало международному уголовному правосудию положили, как известно, международные трибуналы в Нюрнберге и Токио, а продолжили созданные Советом безопасности (СБ) ООН трибуналы по Югославии и Руанде. Создание трибуналов в 1990-е гг. приветствовалось как шаг к устранению безнаказанности за совершение наиболее тяжких преступлений. Принятие Римского статута повлияло на создание многочисленных уголовных судов, сочетавших элементы национального и международного правосудия, которым была поставлена задача борьбы с преступлениями, входящими в юрисдикцию МУС [*The Rome Statute…*, 2016]. Они были созданы в Восточном Тиморе, Косово, Сьерра-Леоне и Камбодже. Констатируется, однако, что международные уголовные трибуналы в последнее время зависели от политической воли сильнейших государств и общего международного представления о праве [*The Politics of International Criminal Law,* 2021].

Очень скоро они столкнулись с обвинениями в политической ангажированности. Такая критика часто высказывалась в отношении Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и Миссии ООН в Косово (МООНК), а также КФОР. Имидж операций ООН по поддержанию мира на постконфликтных территориях вообще (Конго, Босния) и на территориях под администрацией ООН (Камбоджа, Косово и Восточный Тимор) значительно пострадал от злоупотреблений полномочиями и других правонарушений со стороны миротворцев. В процессе деятельности миротворческой миссии ООН в Косово (МООНК), исполнявшей с июня 1999 по декабрь 2008 г. функции администрации в этой провинции Республики Сербия, был допущен ряд очень серьёзных нарушений прав человека (массовые убийства неалбанского населения), отражённых в Заключении Правозащитной консультативной коллегии при Миссии ООН в Косово, вынесенном в декабре 2012 г. (подробнее см.: [*Антонов*, 2013a; *Антонов*, 2013b]).

Трудности проведения международного уголовного расследования демонстрируются Международным уголовным трибуналом ООН по Руанде [*Мезе*, 2016]. Целью МТР было рассмотрение преступления геноцида народности тутси в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. Работа Трибунала велась длительное время: первый судебный процесс состоялся в городе Аруша в 1997 г., решение по последнему вынесено в 2012 г., а после рассмотрения его результатов Апелляционной палатой МТР в Гааге 2015 г. Трибунал перестал существовать и был заменен Международным остаточным механизмом для уголовных трибуналов (МОМУТ). С учётом длительности этого процесса одной из задач МТР стала историческая реконструкция ключевых событий и фактов по делу. Это ставит проблему того, как МТР писал историю, включая изучение исторических

источников, сбор свидетельских показаний, воспоминаний очевидцев обоих сторон — тутси и хуту, перевод этих показаний с языка киньяруанда на оба официальных языка Трибунала — французский и английский. Но должен ли Трибунал выступать в роли историка?[3]

Новым словом в теории и практике международного правосудия признаются так называемые *гибридные суды*, в которых сочетаются элементы международного и национального права и, наряду с национальными судьями, принимают участие судьи-иностранцы. Эти суды создавались на постконфликтных территориях с целью привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении военных и иных преступлений. К ним относят: специальные судебные палаты по серьёзным преступлениям в Восточном Тиморе (2000); смешанные судебные коллегии в Косово (2000); Специальный суд по Сьерра-Леоне (2002); Судебную палату по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине (2005); Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006) и др.

Примером может выступать Специальный трибунал по Ливану (2007), созданный СБ ООН по запросу правительства Ливана согласно ст. 7 Устава ООН с мандатом по расследованию террористической акции 14 февраля 2005 г., в результате которой были убиты премьер-министр Ливана Рафик Харири и ряд других лиц. Это, как отмечал его председатель, инновационный смешанный трибунал, сочетавший международное процессуальное и национальное материальное право, анализ доказательств, полученных на основе высоких технологий. В его состав входили как международные, так и ливанские судьи, а рабочими языками стали не только английский и французский, но и арабский [*Хрдличкова,* 2019]. Важнейшей позитивной стороной деятельности гибридных судов считается общее повышение авторитета судебной власти в «разделённых обществах» и гарантии независимости от локальных политических интриг. К негативным сторонам относят конфликт различных уголовно-процессуальных моделей (состязательной и обвинительной); неготовность международных и национальных судей к взаимодействию; общую финансовую уязвимость [*Евсеев*, 2017].

Отношение к международным уголовным судам претерпело существенные изменения. Оптимистические оценки перспектив институтов международной уголовной юстиции, достигшие вершины с вступлением в действие Устава МУС в 2002 г., сменились с середины 2000-х гг. критикой их деятельности, обвинениями в политизации и призывами к реформированию существующих институтов. Этот тренд, в дальнейшем только набиравший силу, определяется как явление «обратной реакции» по отношению к международным уголовным судам и трибуналам[4]. Констатируется растущая фрагментарность международного уголовного производства и ощущение эрозии легитимности специализированных международных судов ad hoc в сравнении с решениями национальных судов.

Проблемы переходного правосудия

Переходное (или транзитивное) правосудие — особый механизм международной политики в сфере защиты прав человека, связанный с решением как юридических, так и политических задач выхода из острых вооружённых конфликтов или репрессивных режимов.

---

[3] Историческое исследование не тождественно юридическому: оно интересуется более протяжёнными цепочками событий, опирается на любой доступный материал (источники), более свободно в выдвижении гипотез. Трибунал, в отличие от работы историка, направлен на выявление индивидуальной вины обвиняемых, проясняя роль каждого из них в геноциде [*Мезе*, 2016].

[4] Выход усматривается в «создании единого кодекса уголовно-процессуальных правил в международном праве с целью устранения недоверия в отношении институтов международной уголовной юстиции» (см.: [*Нелаева, Сидорова, Хабарова*, 2019. С. 93]).

Примеры его применения фиксируются в разных регионах мира, присутствуя в таких странах, как Греция, ЮАР, Восточный Тимор, Сьерра-Леоне, Колумбия, Чили, Аргентина и др., которые столкнулись с проблемой преодоления диктаторского правления. Эта ситуация предполагает сочетание двух целей правосудия — карательной и восстановительной. Если первая более или менее очевидна, то вторая включает ряд специфических задач.

Трудности связаны прежде всего с выяснением и критической проверкой информации — выявлением фактических обстоятельств дела, установить которые непросто. Это обусловлено общим дефицитом информации, доступной Суду и неопределённостью механизмов по обмену информации международных уголовных судов и трибуналов, с одной стороны, и Комиссий по установлению истины — с другой, поскольку это институты, обладающие различными и не пересекающимися функциями и компетенциями. Обобщение опыта Комиссий по установлению истины в разных странах (Сальвадоре, Либерии, Восточном Тиморе, Съерра-Леоне и др.) позволяет констатировать ряд общих проблем информационно-политического характера[5].

Другая группа трудностей связана с недостаточным юридическим обеспечением сторон судебного разбирательства, в частности, прав защиты в международных уголовных трибуналах. «Роль защитника, — полагает один из них, — сформулирована нечётко, и едва ли мы можем найти какие-либо руководящие принципы. Международное уголовное процессуальное право предусматривает право обвинения вызывать свидетелей, однако молчит об аналогичной возможности защиты. В отличие от стороны обвинения, защита не может обратиться за поддержкой к властям государств-членов, или искать помощи у международных организаций, таких как Интерпол. За пределами зала судебных заседаний защитника можно запросто игнорировать»[6].

Третья группа трудностей может быть определена как институциональные барьеры на пути переходного правосудия. Констатируется, с одной стороны, нечёткость взаимодействия различных правовых семей в транзитивном правосудии: если одна часть судей принадлежит к англо-саксонской, то другая — к романо-германской правовой семье. С другой стороны, имеется разрыв в подходах у международных и национальных юристов: привлечение последних может быть связано с необходимостью учёта особенностей местного обычного права, с которым международные судьи могут быть не знакомы. Кроме того, встают проблемы процессуального и доказательственного права, связанные с переводом законодательства на разные языки, привлечением свидетелей, определением степени искренности (или ложности) их свидетельств, необходимостью полагаться на помощь местных властей в сборе доказательств.

Этот вид правосудия сталкивается с рядом специфических организационных проблем, обусловленных ситуацией острого конфликта. Как показывает практика Правозащитной консультативной коллегии при Миссии ООН в Косово, фигурируют следующие трудности: обеспечение минимальных гарантий расследования; трудности проведения расследования международными следственно-оперативными группами. Это неясность законодательства, подлежащего применению на местах, задержка прибытия к месту событий, допустимость собранных доказательств в судебном процессе, доведение необходимой информации до работников на местах, недостаток квалифицированных специалистов с соответствующим

---

[5] Среди них: неспособность национальных судов проводить уголовные расследования в силу зависимости от руководства, замешанного в преступлениях; неисполнение рекомендаций Комиссии; зависимость судьбы собранной информации от политической воли; трудности обмена информации между Комиссиями, международными и национальными судами; ограниченность степени влияния Комиссий на работу международного суда; нерешённость проблемы конфиденциальности информации (соблюдение прав обвиняемых и свидетелей может быть поставлено под угрозу); трудности с решением вопроса о возможных политических последствиях обнародования части информации (см.: [*Кирш,* 2013]).

[6] Это — мнение защитника: [*Владимироff*, 2012. С. 64].

опытом работы, недостаток беспристрастности и непредвзятости в служебной деятельности, масштабы насилия и количество преступлений[7].

В этом контексте констатируется особая роль политических императивов в данной модели переходного правосудия. Эта сторона дела касается уже самого установления элементов преступления: определения характера конфликта (является он международным или нет); установления инициаторов соответствующих действий (степень вовлечённости официальных институтов и должностных лиц в конфликт); анализ истории развития конфликта (как это было в случае Руанды); критическая проверка достоверности источников информации (например, исходящих от представителей конфликтующих этнических групп); рассмотрение реального баланса политических сил в данном обществе с учётом возможных политических следствий принятого решения[8].

Следствием этих факторов становится неизбежность компромиссов при осуществлении такого правосудия. Отношения международных судов и национальных властей при расследовании тяжких преступлений, вероятно, вообще по определению не могут избежать политизации. Попытка урегулировать острый конфликт в Колумбии — гражданской войны 1964–2016 гг., — предполагала достижение определённого компромисса между государственной властью и военной оппозицией (FARC). Но частью компромисса по преодолению этого длительного кровопролитного конфликта выступали неформальные гарантии преступникам по замене реальных наказаний условными. Подобные варианты «правосудия ради мира» (Греция, ЮАР, Аргентина, Колумбия, отчасти ряд стран Восточной Европы после свержения диктаторских режимов) превращают его из полноценного судебного процесса в способ более или менее убедительной медиации представлений сторон по возможному выходу из конфликта[9].

Итак, транзитивное международное правосудие выявляет целый ряд проблем взаимодействия права и политики, формирования правовой культуры, реализации процессуальных стандартов справедливого и независимого правосудия, равенства обвинения и защиты в получении информации, а также прямого или завуалированного сопротивления со стороны элит соответствующих государств. Констатируется опасность превращения международного правосудия (трибуналов) в политический институт одной из сторон внутреннего конфликта или в инструмент мести победителей побеждённым. Она является фактором эрозии легитимности международного уголовного права.

Могут ли международные суды предотвратить войны?

Вопрос о том, могут ли юристы предотвратить мировую войну, уже стал предметом широкой интернациональной дискуссии, но ожидаемо не привёл к однозначному решению. Одни исследователи рассматривают роль международного права и юристов в предотвращении войн как центральную (например, при заключении пакта Бриана-Келлога в 1928 г.) [*Hathaway, Shapiro*, 2017. P. 423]. Другие, напротив, эту роль ставят под сомнение или вовсе отвергают с позиций реальной политики [*Diggelmann*, 2018]. В действительности,

---

[7] К этому добавляются ошибки или невнимание международных полицейских сил, как это стало ясно в ходе критики «Военного присутствия в Косове» (КФОР) за игнорирование угроз местному населению и запоздалая реакция на них, приведшие к трагическим последствиям [*Антонов*, 2015].

[8] Характерно признание участника международных уголовных процессов: «Политика также является фактором, который следует принять во внимание в связи со значимостью обвиняемого (подсудимого): некоторые из них являются "национальными героями" со значительным политическим влиянием» [*Владимирофф*, 2012. С. 68].

[9] Следовательно, переходное правосудие как юридический компонент мирного урегулирования может быть результативно только при наличии определённых условий — ему должны предшествовать предварительные политические договорённости, желательно заключённые «при участии не просто международных посредников, а влиятельных внешнеполитических игроков, заинтересованных в благоприятном исходе достигнутых мирных договорённостей» [*Евсеев*, 2020. С. 97].

считают они, соперничество государств никогда не прекращается, и война — естественное его выражение, а международное право способно лишь фиксировать меняющийся баланс сил и отношений после крупных конфликтов до тех пор, пока этот баланс остаётся стабильным. Поставив войну как средство разрешения международных конфликтов вне закона, Устав ООН допустил применение «угрозы силой» государством (или группой государств) на основании мандата СБ ООН. Получить такой мандат возможно исключительно при согласии всех его постоянных членов (Англия, Франция, США, Россия и Китай), каждый из которых располагает правом вето на осуществление таких действий. Поэтому большинство крупных конфликтов и войн XX в. не получили однозначной оценки со стороны ООН, а вопрос о справедливости и законности применения силы в них так и остался нерешённым с позиций международного права.

В условиях холодной войны ведущие государства — США и СССР — неоднократно применяли вооружённые силы, не считаясь с суверенитетом других стран. Война во Вьетнаме, военные конфликты Франции и Алжира, Индии и Пакистана, Израиля и Палестины, операция США в Ираке — это наиболее известные примеры войн, где каждая из сторон выдвигала собственное определение справедливости своих действий и их соответствия международному праву, квалифицируя эти действия как «справедливую войну», «самооборону», «защиту суверенитета», легитимное «право на восстание» или «борьбу с тиранией», а действия противоположной стороны — как «несправедливые войны» и «агрессию» [*Walzer,* 2007]. Возможность применения вооружённых сил с санкции ООН для остановки или отражения агрессии (в рамках статьи 42 Устава) реализовалась ограниченное число раз — Корейская война 1950-1953 гг., агрессия Ирака против Кувейта в 1990 г., а резолюции СБ ООН, санкционирующие использование силы, затрагивали конфликты за пределами Европы — в Сомали, Гаити, Руанде, Албании, Ираке (война в Заливе). Предметом острых дебатов остаётся легитимность так называемой «демократической интервенции» — использование силы одним государством против другого с целью предотвращения нарушений прав человека — в том числе, без санкции ООН. Всё это — чёткие признаки деградации международного права [*Бауринг,* 2021]. Предельной остроты раскол позиций в отношении «справедливости» войны представлен в оценках действий НАТО в Югославии, текущих конфликтов в Сирии и Афганистане, Секторе Газа и на Украине [*Медушевский*, 2023].

В условиях международных кризисов и угрозы войны особое значение приобретает сочетание правовых и политических методов урегулирования конкретных столкновений. Должно ли предотвращение таких кризисов быть делом международных судов или политических властей? И должен ли суд учитывать политическую составляющую их разрешения? Какие, помимо правовых, критерии могут служить обоснованию справедливости принятых решений? Особенно чётко данная дилемма встает применительно к осуществлению временных мер. Сравнительный анализ выявляет разный правовой статус временных мер — когда Суд (до рассмотрения дела по существу) указывает сторонам (государствам) меры, направленные на предотвращение опасности нарушения прав человека[10]. На практике они могут быть разделены на два типа — специальных и общих временных мер. Первые (срочные меры) применяются в отношении лица, которому угрожает опасность [*Алисиевич*, 2014], вторые — в межгосударственных спорах.

В центре внимания оказывается, естественно, Международный Суд ООН, который неоднократно применял данный инструмент для «умиротворения» и «консервации» острых конфликтов — по урегулированию вооружённых конфликтов (Босния и Герцеговина/Сербия и Черногория, Грузия/Россия), разнообразных территориальных споров (Камерун/Нигерия, Камбоджа/Таиланд, Коста-Рика/Никарагуа) и установлению границ (Буркина-Фасо/Мали, Аргентина/Уругвай). В этом ряду стоит ряд решений ЕСПЧ, посвящённых конфликтам России

[10] Этот вопрос стал темой международной дискуссии (см.: [*Ковлер*, *Дегтярев*, 2014]).

с Грузией, Молдавией и Украиной. В них представлены противоречия формальных установок и реальности, компетенций Суда и содержания временных мер, доктринальной безупречности и эффективности. Вклад этих решений признаётся экспертами амбивалентным, поскольку Суд не может присвоить себе роль «хранителя мира и безопасности на всей Земле»[11].

Меры общего характера порождают целую группу рисков: неточный объём и неясный способ исполнения; неясный способ оценивания их соблюдения государствами и непредсказуемо высокий уровень затрат; политический контекст (могут быть расценены как покушение на национальные ценности и территориальную целостность государств); зависимость от внешних факторов (вмешательства других участников конфликта, контроль за действиями которых отсутствует); неочевидность достижения главной цели (если она состоит в разрешении конфликта, то не может быть достигнута временными мерами); проблематичность с точки зрения принципа суверенитета (временные меры могут рассматриваться как попытка его подрыва). Высказывается сомнение, что разрешение подобных международных конфликтов — вообще дело Суда (а не политических международных организаций), что у ЕСПЧ существует мандат на вмешательство в текущие военные конфликты и сомнение в том, не будут ли принятые решения определяться не правом, а совокупностью «совершенно непредсказуемого набора политических факторов», способных в конечном счёте подорвать легитимность международного суда[12]. В центре внимания остаётся проблема исполнения/неисполнения решений международных судов ведущими державами: дизайн контрольного механизма, созданного государствами в рамках определённого договора; уровень соотношения нормативно-правовых и дипломатических методов урегулирования ситуаций неисполнения судебных решений, которые демонстрируют «исключительное разнообразие подходов»[13].

В целом, остаётся актуальным вопрос о том, способны ли суды предотвратить или остановить вооружённый конфликт между несколькими государствами? Ответ на него в настоящее время — отрицательный. Существование Устава ООН и МС ООН, ЕКПЧ и практики ЕСПЧ, как и аналогичных судов в других регионах, оказалось не способно само по себе решить эту проблему. Это констатируется даже в отношении круга государств, ратифицировавших ЕКПЧ и принявших юрисдикцию ЕСПЧ [*Нуссбергер*, 2022]. Традиционно высокая роль ЕСПЧ и других международных судов по правам человека в этих условиях оказывается ограничена в силу специфики их мандата (защита прав человека, а не разрешение политических конфликтов между государствами)[14]. Отсюда следует ряд других острых вопросов: не может ли неопределённость ситуации привести к разрушению легитимности самих судов; как должен выглядеть баланс приемлемости соответствующих временных или чрезвычайных мер для государств и заявителей, будь то частные лица или государства; каковы должны быть международные гарантии исполнения решений судов, прежде всего МС ООН?

---

[11] В этой ситуации велика опасность размывания границ между пониманием временных мер как общих принципов деэскалации конфликта и их пониманием как набора прагматических мер антикризисного управления (см.: [*Фонтанелли,* 2014]).

[12] Имеет значение определение критериев ситуации, в которой эти меры должны применяться (критерий опасности нанесения непоправимого вреда или более широкие критерии); классификация таких мер (они могут быть разделены на специальные и общие временные меры); исполнение судебных решений государствами (они могут исполняться или не исполняться государством-ответчиком); процессуальная составляющая (большая или меньшая убедительность аргументации судов при их введении); динамика их применения и политический эффект (расширение области их применения в последние десятилетия может смениться противоположной динамикой) [*Дегтярев,* 2014].

[13] Введение международным договором санкций за неисполнение решений — малопродуктивный путь, поскольку он способен спровоцировать государства на выход из международного договора или стать решающим аргументом для третьих стран не присоединяться к нему. Ключом к относительному успеху признаётся поэтому «диалог суда и создавших его государств» [*Исполинов*, 2017].

[14] Об этом свидетельствует и анализ практики ЕСПЧ [*Право европейской конвенции*…, 2018; *Совесть Европы в действии*, 2019].

Судебные, квазисудебные и внесудебные механизмы разрешения международных конфликтов

Требуется соотнести судебные, квазисудебные и внесудебные (политические) механизмы разрешения международных споров. Виды споров, рассматриваемых с участием международных организаций, разнообразны: между международной организацией и её государствами-членами; международной организацией и государствами — не членами организации; международной организацией и негосударственными акторами (международными организациями, физическими и юридическими лицами); между органами международных организаций и членами международной организации. Представлено различие процедур (судебных и несудебных) разрешения споров с участием различных международных организаций, как на универсальном так и на региональном уровне[15]. Статус несудебных международных организаций (прежде всего различных структур ООН) определяется значимостью их решений и одновременно их судебным иммунитетом от правовых преследований[16]. Стремление государств противостоять влиянию международных организаций по чувствительным для них вопросам на всех уровнях (международном, национальном и институциональным) отражает проблематику поиска альтернативных (судебной) моделей урегулирования споров в виде обращения к несудебным международным организациям, переговорным и арбитражным механизмам.

Своеобразный квазисудебный механизм разрешения споров выработан арбитражным производством. Некоторые новейшие тенденции в его развитии включают переосмысление норм международного права и правозащитных аспектов. Констатируется проблема соотношения между концепцией международно-правовой защиты инвестиций и концепцией «устойчивого развития», которые могут вступать в острое противоречие при обеспечении гарантии правовой определённости, предсказуемости и прозрачности в государственном регулировании; спорность формирования тренда «правозащитного инвестиционного права», который может иметь неоднозначные следствия; поиска консенсуса в отношении самого термина «инвестиция» в двусторонних и многосторонних соглашениях об их защите, поскольку содержащиеся в них определения допускают как традиционную (более узкую), так и новую (более расширенную) интерпретацию значения данного термина; трудность решения вопроса о допустимости приведения в действие арбитражных решений, принятых, но затем аннулированных за границей; определения стандартов «справедливого режима» и «безопасности» иностранных инвесторов [*Shifting Paradigms in International Investment Law*, 2016].

Арбитражные трибуналы способны выполнять правотворческие функции — активно формировать право, демонстрируя сдержанность и активизм[17]. В то же время сравнение миссии судей международного суда по защите прав человека и арбитров в инвестиционных спорах выявляет различия в их статусе: первые выполняют единую «защитную» функцию, возложенную на них международным договором, вторые — не выступают

---

[15] Продвигается создание международной системы разрешения споров с участием международных организаций, которое «позволит избежать ситуаций пренебрежения иммунитетом этих организаций, ставших частыми в последнее время в национальных (внутригосударственных) судах» и ограничить «всеобщий контроль государств над работой международных организаций», затрудняющий их «надлежащее функционирование» [*Гуласарян*, 2018. С. 41].

[16] Договорные органы, зафиксированные в международных договорах о правах человека, осуществляют функции, которые могут соответствовать функциям судов, а их деятельность может идентифицироваться как «судебная практика», но их акты имеют юридически необязательный характер [*Солнцев, Конева*, 2013].

[17] Активизм в арбитражном правосудии определяется как способность трибунала выносить так называемые «экспансионистские решения» [*Tumu*, 2015].

в качестве изначального «защитника» одной из сторон[18]. Международный арбитраж в качестве специфической системы разрешения споров позиционируется, в противовес национальным судам, как метод разрешения споров, полностью основанный на «доверии сторон» друг другу, и прежде всего арбитрам. Но и здесь недоверие к нейтральности и беспристрастности арбитров (несмотря на принцип их «нейтрального гражданства») присутствует. По сути, это часть совокупности инстинктивных предрассудков, связанных с представлениями о взаимодействии правовых культур[19]. Несмотря на различие статуса судей (назначаемых государством) и арбитров (назначаемых сторонами спора), проблема доверия является общей, а её решение усматривается в принятии этических кодексов и применении специальных тестов непредвзятости для судей (тест разумного опасения предвзятости) и арбитров (тест реальной опасности предвзятости), различия которых определяются разными стандартами доказывания.

Внесудебный механизм разрешения межгосударственных споров определяется также как *политический*. Примером выступает рассмотрение таких споров в ВТО, где они рассматриваются особым Органом по разрешению споров — политическим органом, в состав которого входят представители всех членов ВТО. Однако на практике спор разрешается либо «третейской группой», либо Апелляционным органом, в который сторона, не согласная с докладом третейской группы, вправе её обжаловать. В настоящее время констатируется отсутствие у ВТО работающего механизма разрешения споров, что ставит вопрос о необходимости создания альтернативного международного апелляционного органа [*Трунк-Федорова*, 2019]. Наряду с формальным разрешением коммерческих споров в рамках ВТО и двусторонних соглашений присутствует тенденция к появлению особых региональных ценностей и инструментов [*Global Constitutionalism…*, 2020] в виде, например, учреждения постоянно действующих служб содействия урегулированию споров, отличающихся такими показателями, как нейтральность, меньшая значимость юридических аспектов и низкая ресурсоёмкость [*Чанг-фа Ло*, 2014].

Рассмотрение баланса судебных и внесудебных механизмов включает выяснение динамики соотношения права и дипломатии в разрешении международных конфликтов [*Медушевский,* 2023]. Запрос на поиск стабильности не обязательно реализуется по линии правовых институтов. Он может быть связан с трендом к урегулированию споров посредством дипломатии, понимаемой как «совокупность невоенных практических мероприятий, приёмов и методов, применяемых с учётом конкретных условий и характера решаемых задач»[20]. В этом понимании арсенал дипломатических методов в реальной политике очень широк, простираясь от экономических и информационных способов давления до применения «угрозы силой» [*Медушевский,*2020]. Это не ставит под сомнение этическую сторону разрешения конфликтов, но заставляет видеть препятствия [*Walzer,* 2007]. Вопрос в том, каков определяющий вектор в международных отношениях — движение от дипломатии к праву или наоборот? Ответ не однозначен. Но ясно, что растущее уменьшение доверия к институтам международного правосудия делает дипломатию, подкреплённую силой (в том числе «судебную дипломатию»), более востребованным инструментом международной политики.

---

[18] Вместо этого они рассматривают спор, который «складывается из взаимных требований сторон и возражений на них» [*Сантулли*, 2018. С. 123].

[19] Противостоять усилению регионализации и возвращению к эпохе «предвзятых арбитров» должно новое «международное мышление арбитров» — межкультурная, транскультурная или кросс-культурная медиация, в рамках которой «осознание культурных различий и их влияния» в коммерческом арбитраже «должно стать стандартом» [*Биллебру*, 2016. С. 52].

[20] С этим понятием связывают «искусство ведения переговоров в целях предотвращения или урегулирования международных конфликтов, поисков компромиссов и взаимоприемлемых решений, а также расширения и углубления международного сотрудничества» (см.: «Дипломатический словарь». Под ред. А.А. Громыко и др. — М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 327).

Заключение: контуры новой глобальной политики права

Фрагментация международного права стала ответом на вызовы глобализации, усугубив сомнения в независимости, справедливости и беспристрастности наднационального (транснационального) правосудия. Идеология прав человека, положенная в основу международного правосудия, сталкивается с растущими препятствиями со стороны мощного популистского тренда, отрицающего принципы либеральной демократии. Растёт осознание дефицита легитимности транснациональных стандартов, норм и институтов глобального управления. Эта система, как стало очевидно сегодня, не смогла предложить действенные механизмы урегулирования международных кризисов. Она не смогла предотвратить войны как метод разрешения международных конфликтов, обеспечить трансформацию недемократических режимов в демократические и остановить появление новых авторитарных режимов нелиберальной демократии по всему миру.

В международном правосудии принципиально определение баланса в соотношении права и политики, общего вектора при разрешении известной дилеммы — юридизация политики или политизация права? Ранее общий вектор однозначно состоял в движении от политики к праву — стремлении к юридизации политики путём расширения полномочий институтов международного и национального правосудия. В настоящее время, по-видимому, возобладал противоположный вектор — движения от права к «реальной политике», выражением чего стали процессы фрагментации, конфликта идентичностей и компетенций международных и национальных судов. Это выражается в понижении уровня дискуссии о правах человека, политизации международного правосудия, наиболее заметно отмечаемые в международном уголовном праве и так называемом переходном (транзитивном) правосудии, вынужденном иметь дело с наиболее острыми ситуациями нарушения гуманитарного права.

Дестабилизация международного права возрождает роль политики как общего «государственного разума» и дипломатии в качестве альтернативного (судебному) механизма разрешения конфликтов. В условиях фрагментации правовых режимов возникает потребность такого толкования правовых норм, которое преодолевает узкие границы нормативизма, включает когнитивный анализ содержания международных конфликтов — их информационной составляющей, мотивации сторон и путей урегулирования. В этой логике требуется переосмысление соотношения судебных, квазисудебных и внесудебных способов разрешения международных конфликтов. Защита прав уступает место защите интересов, юриспруденция — дипломатии, а международное право — политике права, направленной на воспроизводство утраченного глобального консенсуса. Необходим поиск новых универсальных механизмов и стандартов интерпретации международного права и роли транснационального правосудия.

Общие контуры формирования новой глобальной политики права, исходя из этого, предстают в виде ряда последовательных шагов — восстановление (утраченного ныне) политического согласия ведущих центров силы о содержании нового «общественного договора» (на базе существующего, его частичной модификации или принятия нового); сближение их позиций в отношении идеи глобального конституционализма и перспектив его достижения; определение институтов, этапов и средств достижения этой цели; выработка согласованной стратегии трансформации глобального правового сознания, центров его формирования и продвижения в наиболее конфликтных областях правового регулирования и глобального управления; развитие диалога конфликтующих центров мировой политики с целью выработки непротиворечивых интерпретаций ключевых правовых ценностей, норм и правил судебного толкования; усиление роли институтов международного правосудия с параллельным укреплением контроля за выполнением их решений; последовательное разрешение конфликта компетенций

международных, транснациональных и национальных судов; координация судебных, квазисудебных и внесудебных инструментов разрешения международных конфликтов с упором на юридическую дипломатию; преодоление на этой основе кризиса легитимности международного права и его институтов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Алисиевич Е. (2014). Срочные меры в практике органов межамериканской системы защиты прав человека [*Alisievich E.* (2014). Urgent Measures in Practice of Inter-American Organs of Human Rights Protection] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 32–41.

Антонов А.(2013a). Ответственность Миссии ООН в Косово за нарушения права на жизнь вследствие недостаточно полного проведенного расследования (S.C. v. UNIMK) [*Antonov A.* (2013a). Responsibility of the UN Mission in Kosovo for Violations of the Right to Life Due to an Insufficiently Completed Investigation (S.C. v. UNIMK)] // *Международное правосудие*. № 2 (6). С. 32–39.

Антонов А. (2013b). Правозащитная консультативная коллегия при Миссии ООН в Косово — есть ли защита от «защитников [*Antonov A.* (2013b). Human Rights Advisory Board at the UN Mission in Kosovo — is there protection from «defenders»?] // *Международное правосудие*. 2013. № 2 (6). С. 101–108.

Антонов А. (2015). Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами [*Antonov A.* (2015). Requirements of «Effective Investigation» of Crimes and some Aspects of their Implementation regarding Military Conflicts Resolution] // *Международное правосудие*. № 2 (14). С. 100–114.

Бауринг Б. (2021). *Деградация международного права? Реабилитация прав и возможность политики* [*Bowring B.* (2021). Degradation of the International Law? Rehabilitation of Rights and Possibility of Politics]. — М.: НЛО.

Биллебру Е.В. (2016). Новые подходы к оценке нейтральности арбитров в международном коммерческом арбитраже [*Billebro E.* (2016). New Approaches to the Neutrality in International Commercial Arbitration] // *Международное правосудие*. № 4 (20). С. 42–53. DOI: 10.21128/2226-2059-2016-4-42-53.

Владимироff М. (2012). Рассуждения о статусе защитника в международных судебных разбирательствах [*Vladimiroff M.* (2012). Deliberations on the Status of Defense Counsel in the Practice of International Courts] // *Международное правосудие.* № 3 (4). С. 62–70.

Гуласарян А. (2018). Международные организации и разрешение споров: некоторые проблемы, тенденции и перспективы развития [*Gulasarian A.* (2018). International Organizations and Dispute Settlement: Some Issues, Trends and Prospects] // *Международное правосудие.* № 2 (26). С. 28–43. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-2-28-43.

Дегтярев К. (2014). Временные меры в межгосударственных спорах: угроза или новая возможность? [*Degtyarev K.* (2014). Provisory Measures in Inter-Government Relations: Threat or a New Possibility?] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 24–31.

Евсеев А. (2017). Гибридные суды как институт транзитивного правосудия [*Yvseev A.* (2017). Hybrid Courts as an Institute of Transitional Justice] // *Международное правосудие.* № 3 (23). С. 47–61. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-3-47-61.

Евсеев А. (2020). Переходное правосудие в Колумбии: нереализованный потенциал [*Evseev A.* (2020) Transitional Justice in Colombia: Unrealized Potential] // *Международное правосудие*. № 4 (36). С. 77-99. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-77-99

Исполинов А. (2017). Исполнение решений международных судов [*Ispolinov A.* (2017). Compliance with the Judgments of International Courts: Theory and Practice // *Международное правосудие*. № 1 (21). С. 45–67. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-1-45-67.

Ковлер А., Дегтярев К. (2014). Вынесение временных мер в практике международных судов [*Kovler A., Degtyarev K.* (2014). The Role of Provisory Measures in Practice of International Courts] // *Международное правосудие.* № 4 (12). С. 3–5.

Кирш Э. (2013). Два элемента в механизме правосудия переходного периода: международные уголовные суды и комиссии по установлению истины [*Kirsh E.* (2013). Two Elements in the Mechanism of Transitional Justice: International Criminal Courts and Evidence Proof Commissions] // *Международное правосудие*. № 2 (6). С. 74–87.

Медушевский А.Н. (2020). Глобальный конституционализм: интеграция или фрагментация международных отношений в условиях экономического кризиса? [Medushevskiy A.N. (2020). Global Constitutionalism: Integration or Fragmentation in the Period of Economic Crisis?] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 96–115. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2020_3_96_115.

Медушевский А.Н. (2023). Кризис международного права и украинский конфликт [*Medushevskiy A.N.* (2023). The Crisis of International Law and Ukrainian Conflict] // *Неприкосновенный запас.* № 1 (147). С. 53–69.

Медушевский А.Н.(2025). Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 1) [*Medushevskiy A.* (2025). International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 1)] // *Вопросы теоретической экономики.* 2025. № 2. С. 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143.

Мезе Э. (2016). Как суды интерпретируют и пишут историю: из опыта Международного трибунала по Руанде [*Mese E.* (2016). Courts as Interpreters and Writers of History: Experiences from the ICTR] // *Международное правосудие*. № 4 (20). С. 54-61. DOI: 10.21128/2226-2059-216-4-54-61.

Нелаева Г., Сидорова Н., Хабарова Е. (2019). Международное правосудие как предмет оспаривания: кризис международных уголовных судов? [*Nelaeva G., Sidorova N., Khabarova E.* (2019). International Justice as a Contested Domain: a Crisis of International Criminal Courts?] // *Международное правосудие*. № 2 (30). С. 93–106. DOI: 10.21128/2226-2059-2019-2-93-106.

Нуссбергер А. (2022). *Европейский Суд по правам человека* [*Nussberger A.* (2022). The European Court on Human Rights]. — М.: ИППП.

Печегин Д. (2020). Теория и практика сочетания моделей процесса в деятельности Палаты предварительного производства Международного уголовного суда [*Pechegin D.* (2020). Theory and Practice of Mixing Procedural Models in the Pre-trial Chamber of the International Criminal Court Mechanism of Functioning] // *Международное правосудие.* № 4 (36). С. 100–111. DOI:10.21128/2226-2059-2020-4-100-111.

Право Европейской конвенции по правам человека (2018) / *Харрис Д., О'Бойл М., Уорбик С.* (Изд.) [*Law of the European Convention on Human Rights* (2018). D. Harris, M. O'Boile, C. Warbrik (Eds.)]. — М.: Развитие правовых систем.

Сантулли К. (2018). Права человека и инвестиционное право: инициирование процедуры [*Santulli C.* (2018). Human Rights and Investment Law: Initiating of the Procedure] // *Международное правосудие*. № 2 (26). С. 123–136. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-2-123-136.

Саяпин С. (2012). Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы [*Sayapin S.* (2012). The Definition of Aggression as Criminal Act and National Systems of Criminal Law] // *Международное правосудие*. № 1 (2). С. 87–97.

«Совесть Европы» в действии: 350 решений Европейского Суда по правам человека (2019) / М.Т. Тимофеев, Н.М. Секретова (Ред.) [*«Conscience of Europe» in Action: 350 Decisions of the European Court on Human Rights* (2019) / M.T. Timofeev, N.M. Sekretova (Eds.)]. — М.: ИППП.

Солнцев А., Конева А. (2013). Юридический статус договорных органов по правам человека в национальных правовых системах [*Solntsev A., Koneva A.* (2013). Legal Status of International Organs for Human Rights Protection in National Legal Systems] // *Международное правосудие*. № 4 (8). С. 82–93.

Титти К. (2015). Арбитр как нормотворец: правотворческий процесс в инвестиционном арбитраже [*Titi K.* (2015). Arbiter as a Norm-creator: Contradictory Process in Investment Arbitrage] // *Международное правосудие*. № 2 (14). С. 85–99.

Трикоз Е. (2012). Решение Палаты предварительного производства I Международного уголовного суда «О ходатайстве Прокурора на основании статьи 58 Статута в отношении Муамара Мохаммеда Абу Маньяра Каддафи, Сейфа аль-Ислама Каддафи и Абдуллы аль-Сенусси от 27 июня 2011 г.» [*Trikoz E.* (2012). Decision of Pre-Trial Chamber I of the International Criminal Court «On the Prosecutor's Motion under Article 58 of the Statute in respect of Muammar Mohammed Abu Manyar Gaddafi, Saif al-Islam Gaddafi and Abdullah al-Senussi of 27 June 2011»] // *Международное правосудие*. № 1 (2). С. 33–45.

Трунк-Федорова М. (2019). Решение споров в рамках соглашений о свободной торговле: альтернатива механизму Всемирной торговой организации? [*Trunk-Fedorova M.* (2019). Dispute Settlement under Free Trade Agreements: an Alternative to the Mechanism of the World Trade Organization?] // *Международное правосудие*. № 3 (31). С. 102–113. DOI: 10.21128/2226-2059-219-3-102-113.

Ушацка А. (2014a). Международный уголовный суд [*Ushatska A.* (2014a). International Criminal Court] // *Международное правосудие*. № 3(11). С. 50–62.

Ушацка А. (2014b). Международный уголовный суд [*Ushatska A.* (2014b). International Criminal Court] // Международное правосудие. № 4 (12). С. 53–67.

Фонтанелли Ф. (2014). Временные меры в ситуации вооружённого конфликта: практика Международного Суда ООН [*Fontanelli F.* (2014). Provisory Measures in the Situation of Military Conflict: Praxis of UN International Court] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 42–52.

Хрдличкова И. (2019). Уникальные правовые свойства Специального трибунала по Ливану [*Hrdlickova I.* (2019). Unique Legal Features of the Special Tribunal for Lebanon] // *Международное правосудие*. № 4 (32). С. 103–110. DOI: 10.21128/2226-2059-2019-4-103-110.

Чанг-фа Ло. (2014). Создание в Азии постоянно действующих региональных служб содействия урегулированию торговых споров [*Chang-fa Lo* (2014). Creation of the permanent Regional Bodies of Commercial Disputes Solution in Asia] // *Международное правосудие*. № 2 (10). С. 122–131.

Шабас У. (2012). Первые десять лет Международного уголовного суда [*Shabas U.* (2012). First Decade of the International Criminal Court] // *Международное правосудие.* № 2 (3). С. 5–16.

Diggelmann O. (2018). The Internationalists as Grand Narrative: Key Elements and Dilemmata // *Global Constitutionalism.* Vol. 7. No. 3. P. 297–314.

Global Constitutionalism and East Asian Perspectives (2020). / T. Suami, A. Peters, D. Vanoverbeke, M. Kumm (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press.

Hathaway O.A., Shapiro S.J. (2017). *The Internationalists: And Their Plan to Outlaw War*. — London: Allen Lane.

Shifting Paradigms in International Investment Law (2016). / S. Hindeland, M. Krajevski. (Eds). — Oxford: Oxford University Press.

Steinberg R.H. (2024). Politics and Justice at the International Criminal Court. UCLA LAW, Public Law Research Paper Pp. 24–34. 23.09.2024. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4965347

The Politics of International Criminal Law (2021). H. Cullen, P. Kastner, S. Richmond (Eds.) / University of Western Australia: Brill / Nijhoff.

The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary (2016). O.K. Triffterer, A. Ambos. (Eds.). — Oxford: Hart.

Walzer M. (2007). *Thinking Politically. Essays in Political Theory.* — New Haven and London: Yale University Press.

Медушевский Андрей Николаевич
amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy
Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor Higher School of Economics (Moscow)
amedushevsky@mail.ru

INTERNATIONAL JUSTICE IN SEARCH OF A BALANCE BETWEEN LAW AND POLITICS

Abstract. The crisis of international law demonstrates the growing instability in international relations regarding such areas as legitimacy versus legality, fragmentation versus integration, and legal asymmetry versus symmetry. The potential of these changes is so high, that makes it possible to put under question the continuity of the basic social contract — international consensus achieved between super-states after the end of the Second World War, and represented in the UN Charter and Statute of the International Court of Justice. The lost balance in international relations means the great challenge to the whole system of international justice, which should be the guardian of the international norms implementation, from the one hand, and neutral and effective instrument of legal mediation between conflicting actors, from the other. Observing conflicting trends and difficulties of the current international justice, the author consider the prospect of a new balance as achieved by complex of legal, extra-legal, and political mechanisms for the establishment of the more sustainable international justice.

Keywords: *international law, international justice, international and national courts, conflict of competences, criminal justice, transitional justice, politics of law.*
JEL: K33, K38, K40.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Мусихин
д.полит.н., профессор, Российский биотехнологический университет (Москва)

КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ: ОТ ДИСКУРСОВ К РЕЧЕВЫМ СИТУАЦИЯМ

Аннотация. В статье коммуникация, рассматриваемая в контексте политической символизации, рефлексируется как осуществляемая в различных (и через различные) речевые ситуации. Поэтому коммуникация предстает не только *процессом* развертывания, но и конституирующим элементом *содержания*, политики, т.е. политическая символизация *развивается* (в диалектическом смысле) в коммуникативном взаимодействии, *синтезируя* новые смыслы. Практическое символическое видение коммуникации показывает, что взаимоотношения индивид–коллектив/агент–структура не являются «объективным» системным свойством политики, сама *системность конструируется как механизм коммуникативных практик,* возникающих как взаимодействие акторов и артефактов в пространстве совместной деятельности. Автор фокусирует внимание на *нарративах* как *структурированных наборах речевых ситуаций*, которые могут иметь письменные и визуальные проявления, что позволяет проследить возникновение, распространение и использование смыслов политической коммуникации. Политические нарративы могут выходить за рамки *фиксированных* языковых форм, приобретая *символизирующее* толкование как образование новых способов *контекстуальной коммуникации*. Акцент на контексте показывает ограниченность дискурс-анализа для понимания политических коммуникаций. *Контекст «не помещается» в дискурс-анализ* как таковой, требуя серьёзных аналитических допущений и оговорок, которые либо критически сокращают точность дискурс-анализа, либо недопустимо упрощают содержание контекста. Принципиальная особенность коммуникации в контексте политики состоит в том, что политическая реальность *одновременно состоит из (и реализуется через) интерактивные процессы.*

Ключевые слова: *коммуникация, символ, политическая символизация, дискурс-анализ, речевая ситуация, нарратив, политический порядок, государственное управление.*
JEL: H00, Z10, Z18
УДК: 303.01, 32.019.51
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_134_143
© Г.И. Мусихин, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Г.И. Мусихин.* Коммуникация в контексте политической символизации: от дискурсов к речевым ситуациям // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 134–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_134_143.
FOR CITATION: *Musikhin G.* Communication in the Context of Political Symbolization: from Discourses to Speech Situations // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 134–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_134_143.

Введение

Если концептуализировать политическую символизацию как множественность смыслов политической коммуникации, конвенциональность которых заранее не предзадана [*Мусихин,* 2015a; *Мусихин,* 2015b], понимание коммуникативного действия в символическом контексте приобретает принципиальную значимость. Для политической символизации коммуникация, осуществляемая в различных (и через различные) речевых ситуациях, является не только *процессом* развёртывания, но и конституирующим элементом *содержания*, т.е. политическая символизация *развивается* (в диалектическом смысле) в коммуникативном взаимодействии, *синтезируя* новые *смыслы*. Сразу оговорюсь, что я сознательно пользуюсь конструктом «речевая ситуация», а не академически «модным» термином дискурс, так как последний, понимаемый в категориях дискурс-анализа [*van Dijk,* 2008], не охватывает качественное многообразие речевых ситуаций политической символизации, а будучи истолкованным широко, становится публицистическим термином, не имеющим научной аналитической ценности. В этой связи я не буду придерживаться концептуализации «идеальной речевой ситуации» Юргена Хабермаса [*Habermas*, 1995. P. 177]. Для моего исследования более подходит понимание речевой ситуации Жаком Рансьером, «когда один из собеседников сразу и понимает и не понимает, что говорит другой… оба говорят “белое”, но понимают под этим не одно и то же» [*Рансьер*, 2013. С. 15].

В контексте политической символизации наше понимание социальной жизни носит речевой характер, т.е. мы осмысливаем мир людей не разумом как таковым, мы делаем это на конкретном языке, который для нас родной (или которым мы владеем как родным в момент осмысления). Это не означает, что все человеческие переживания и аффекты в социальном пространстве проговариваются. Однако из-за способности мыслить *символически* они являются *человеческими* переживаниями и аффектами.

Речевая коммуникация конституирует соединение и разобщение в социуме, тем самым демонстрируя, что причинно-следственные связи объектно-субъектных отношений есть редукция многообразия человеческих взаимоотношений к бихевиористской «двухходовке» стимул-реакция. Вместо этого коммуникативный модус политической символизации предполагает процесс образования смыслов, которые производят *конденсированную* в речевых ситуациях *социальную реальность* [*Deetz*, 2003], где объектно-субъектные связи *не есть* эмпирически зафиксированный *опыт*, а ситуативно истолкованные комплексы *суждений*, которые могут менять не только направленность причинно-следственных связей, но и сам статус субъектов и объектов. Понятое подобным образом речевое взаимодействие не просто описывает социальный порядок и отражает политическую реальность, но и конституирует последнюю[1]. Если мы мыслим *политику как социальный конструкт*, процессы создания последнего предполагают *язык в качестве центральной конструирующей силы*, синтезирующей *смыслы из суждений*, а не формально-логически выводящую одно *значение* из другого. В этом смысле показателен старый советский анекдот времен холодной войны: «У вас нет свободы печати!». «А вы негров линчуете!» Отсутствие логической связи между двумя утверждениями в конкретном контексте данной речевой ситуации запускает производство политических суждений об одновременной несовместимости и неидеальности противостоящих политических систем. Хотя с точки зрения чистой семантики у нас здесь реинкарнация пословицы: «В огороде бузина, а в Киеве дядька».

Существование политической символизации в пространстве коллективных суждений (а не в системе семантических значений) предполагает, что такое существование всегда является *практической* коммуникацией. Все явления политической реальности можно трактовать как продолжающиеся интерактивные практики. Такое практическое видение

[1] О конституирующем потенциале дискурсов: [*Potter, Wetherell,* 1987].

показывает, что взаимоотношения индивид–коллектив/агент–структура не являются «объективным» системным свойством политики, сама *системность конструируется как механизм коммуникативных практик*, возникающих как взаимодействие акторов и артефактов в пространстве совместной деятельности[2].

Рефлексия политической символизации в терминах чистой каузальности агентов политической коммуникации была бы недопустимым упрощением. Функции последней скорее являются катализатором процессов упорядочивания смыслов, приводя к изменениям направлений осмысления. В этой связи даже институционально позиционированная организация не будет агентом взаимодействия как таковым (даже если её таковым называют). Она скорее есть комплекс ресурсов, способствующий или препятствующий процессам упорядочивания и самоосознания политических сообществ. То есть *социальные практики* можно понимать как *ситуации* (событие, как зафиксированная в социальном пространстве ситуация) [*Филиппов*, 2015. С. 63–96] материально опосредованной осмысленной деятельности, а не просто как *совокупность* отдельных действий.

Речевая ситуация в контексте политической символизации

Рассмотрение речевых ситуаций в контексте политической символизации подразумевает исследование нарратива [*Мусихин*, 2024] как паттернов разговоров и текстов, выявление стилистики изложения и форм риторической аргументации [*Мусихин*, 2016], что позволяет понять конструирование смыслов в зафиксированном контексте. Чаще всего это предполагает исследование разговоров как интерактивного действия, а не просто как передачу информации[3]. *Нарративы* как *разговоры* придают существенные особенности речевым ситуациям, создавая *проживаемую* политическую реальность повседневного использования языка как социальную практику[4].

Фокус на *нарративах* как *структурированных наборах речевых ситуаций*, которые могут иметь письменные и визуальные проявления, позволяет проследить возникновение, распространение и использование смыслов политической коммуникации. Нарративы как комплексы речевых ситуаций политики могут *агрегироваться* разными способами: речевыми интеракциями или воздействием медиа, например. Формы воздействия (и взаимодействия) могут быть как устными, так и письменными, как вербальными, так и визуальными.

Это свидетельствует о том, что политические нарративы могут выходить за рамки *фиксированных* языковых форм, приобретая *символизирующее* толкование как образование новых способов *контекстуальной коммуникации*. Маркеры контекста (исторические или социально-экономические, например), накладываясь на речевые ситуации, создают направления *конструирования интерпретации* политики её акторами. Происходит формирование своеобразных *интерфейсов речевых ситуаций* в политических нарративах, которые получают институциональную презентацию. Примером последней может служить хорошо известный принцип политической корректности. Последний стал высшей точкой консенсуса элит Запада, формировавшегося после Второй мировой войны. В конце концов данный консенсус, по сути, навязал публичному пространству жёсткие речевые конструкции, выход за рамки которых трактовался как подрыв базового консенсуса, независимо от того, соответствовало «некорректное» суждение действительности или нет. Показательно,

---

[2] О теории социальных практик: [*Reckwitz*, 2002]; об акторно-сетевой теории: [*Latour*, 2005].

[3] О разговоре как действии: [*Taylor*, *Van Every,* 2000].

[4] Об использовании языка в социальном контексте: [*Phillips, Oswick,* 2012].

что феномен Дональда Трампа стал символом крушения консенсуса элит именно потому, что Трамп позволил себе выйти за рамки интерфейса политической корректности.

Для толкования вышеобозначенных интерфейсов речевых ситуаций в рамках теории критического дискурс-анализа можно выделить подход Нормана Фэркло, который выделяет три элемента комплексного толкования текстов [*Fairclough*, 1995]. Первый — это фрагменты текстов и разговоров в их непосредственной данности, т.е. непосредственная дискурсивная практика речи. Второй — комплексы текстов и разговоров, позволяющий выяснить способы (жанры) реализации дискурсов. И, наконец, третий — социальный контекст практической реализации первых двух элементов, создающий то, что можно назвать *событиями коммуникации* (термин предлагается мной для анализа речевых ситуаций, Фэркло его не концептуализирует). То есть любое событие коммуникации одновременно включает в себя *элемент* текста как нарратива, *ситуацию* речевой практики и *ситуацию* практики социальной. Всё это одновременно создаёт и ограничивает пространство политической символизации, которая изначально неконвенциональна как открытый сценарий развития, однако приводит к формированию конвенциональных (институционализирующихся) смыслов.

Уровни анализа речевых ситуаций: аналитическая уязвимость дискурса в контексте политической коммуникации

Очевидно, что речевые ситуации не могут быть сведены к однотипным и равноценным единицам анализа нарратива. Символизирующий *эффект масштаба* будет по-разному расставлять смысловые акценты на микро- и макроуровнях анализа. На макроуровне речевые ситуации, как «парадигмы»[5] понимания в рамках устойчивых социальных групп, формируют смыслы коллективной идентичности и устойчивых общественных практик. В качестве такого макроуровня можно назвать феномен *коллективной памяти*, фиксирующей не столько знание о прошлом, сколько понимание и оценку настоящего с привлечением «фактов» из истории [*Мусихин*, 2012]. На макроуровне речевых ситуаций политического нарратива можно предположить сильное влияние текущего социального контекста на индивидуальные суждения о политических событиях. Поэтому здесь влияние устоявшихся общих смыслов («очевидного» положения вещей) на индивидуальные оценки и практики будет явным.

Микроуровень речевых ситуаций может показать, как происходит обратное воздействие индивидуальных практик на общие устоявшиеся смыслы. Это воздействие не обязательно меняет «парадигмальные» речевые ситуации, но в любом случае проявит вариативность индивидуальных оценок и взаимодействий, которая делает трансформацию общих смыслов открытым сценарием развития. По сравнению с макроуровнем анализа, микроуровень должен в большей степени концентрироваться на *собственно нарративах*. Общий социальный контекст в данном случае выступает феноменом иного, качественно большего масштаба. Образно говоря, мы можем искать выход из лабиринта, то что мы при этом находимся на планете Земля для собственно поиска не принципиально, хотя и очевидно, что если бы не было Земли, то и поиск был бы бессмысленным.

Таким образом, микроуровень анализа речевых ситуаций можно обозначить как анализ текста зафиксированного нарратива. При переходе на макроуровень зафиксированные на микроуровне тексты определённым образом структурируются, становясь социальным контекстом через синтез нового коллективного смысла.

---

[5] Кавычки использованы для того, чтобы не возникло тождества с изначальным смыслом термина «парадигма», введённым Томасом Куном для фиксации конвенций научного знания.

Та или иная фиксация уровней речевых ситуаций особенно чётко показывает аналитическую уязвимость концепта дискурса, столь популярного в исследованиях, связанных с анализом языка политики. Требования дискурс-анализа превращают переход от одного уровня речевой ситуации на другой в непреодолимое препятствие для корректного исследования дискурсов. Образно говоря, график, построенный в одной системе координат, переносится в другую, что недопустимо с точки зрения отслеживания функциональной закономерности. Эта очевидная аналитическая сложность ведёт к тому, что *дискурс-анализ, не отрицая наличия макроуровня, всё же тяготеет к микроуровню анализа* [*Kuhn*, 2012].

Не меньшую сложность для исследования дискурсов представляет понятие контекста вообще и социально-политического контекста в частности. Фэркло признаёт, что концепция контекста является открытой проблемой дискурс-анализа с точки зрения аналитической когерентности [*Chouliaraki, Fairclough,* 2010. P. 1216]. *Контекст «не помещается» в дискурс-анализ* как таковой, требуя серьёзных аналитических допущений и оговорок, которые либо критически сокращают точность дискурс-анализа, либо недопустимо упрощают содержание контекста. В этом смысле конструкция *речевой ситуации*, понятой в контексте политической символизации, представляет очевидную теоретико-аналитическую ценность.

Для политической символизации извечный вопрос о курице и яйце (что первично, социально структурированная модель политических смыслов и значений или ситуативно складывающаяся речевая ситуация) не является принципиальным. В случае с политической символизацией метафора эволюции бессмысленна (т.е. ошибочна). Политическая символизация не эволюционирует, а развивается. Новое качество (появление смысла) возникает из существующего массива знания тех, кто им обладает. Однако акт возникновения не является результатом конвенции коммуницирующих, но сам выступает основой нового соглашения о смыслах. *Символы*, будучи посредниками между объектами и субъектами, способными поменять те и другие местами, обладают благодаря этому способностью быть *почти* идентичными с действительностью, но самой действительностью не являясь. Это и есть тот *«зазор», производящий новые социальные смыслы*, так как мы можем посмотреть на социальную реальность и изнутри, и со стороны, символически отождествляя себя с ней и абстрагируясь от неё же [*Мусихин*, 2015b].

Рассмотрение речевых ситуаций в контексте политической символизации помогает ослабить критичное для дискурс-анализа «символическое пренебрежение» *материальным* модусом политики[6]. Неспособность дискурс-анализа зафиксировать материальность политики как таковую ведёт к тому, что он крайне уязвим в объяснении институциональной стабильности и преемственности властных отношений. По сути дела, имеет место уязвимость дискурс-анализа при переходе от *микроуровня смыслов* к *макроуровню социальной организации*. Акцент концепции дискурсов на текстах как таковых в значительной степени является *исключающим* по отношению к реальным политическим акторам и организациям в понимании того, как происходят политические изменения и почему сохраняется политическая стабильность [*O'Mahoney*, 2012].

Выше обозначенная уязвимость концепции дискурса в сфере взаимодействия символического и материального во многом является следствием имплицитного *софизма* методологии дискурс-анализа в контексте политики. Будучи изначально способом постижения смыслов политики (которые в контексте политической символизации развиваются как взаимодействие *суждений*), дискурс-анализ в своем конкретном воплощении сосредотачивается на семантическом анализе языковых *значений и их объяснений*, теряя тем самым изначальную герменевтическую нацеленность на *смыслы и их понимание*. Последние,

[6] Подробнее об игнорировании дискурс-анализом материальных элементов: [*Ashcraft, Kuhn, Cooren*, 2009].

впрочем, «волшебным» образом вновь появляются в выводах по итогам дискурс-анализа. Однако «волшебство» оказывается закавыченным, так как имеет место подмена понятий в ходе анализа. Одним из результатов такой подмены оказывается потеря материальной составляющей политической реальности.

В контексте политической символизации мы говорим не о языке как таковом и не о мышлении как таковом, здесь имеют место политические акторы, наделённые способностью к символическому мышлению, которое есть реальность *конкретного* языка (и никак иначе). Для таких акторов онтологическое разделение речевых и не-речевых элементов политики не является принципиальным (хотя и фиксируется в реальности). Коммуникация подобных акторов наделена способностью снимать оппозицию означаемого и означающего (объекта и предмета). Для них (акторов) речевые ситуации в контексте политики могут *быть* самой реальностью, производящей новые смыслы, и могут *быть отражением* материальной реальности, имеющей автономную (объективную) логику развития. Принципиально то, что и одно, и другое создает политическую реальность, генерализованную в смыслах, и речевые ситуации способны характеризовать то, что данные смыслы могут быть *непредвиденными* (семантика и строгий дискурс-анализ зафиксируют здесь только разрыв в последовательности значений).

Подавляющее число аналитиков констатировало, что избирательная кампания Камалы Харрис была *убедительнее*, чем у Дональда Трампа. Однако политическая реальность состояла в том, что Харрис не смогла *убедить* большинство избирателей. Последовательный дискурс-анализ не способен дать ответ на вопрос, почему это произошло. Столь же сложную задачу для дискурс-анализа представляют и современные информационные войны [*Медушевский*, 2023a, *Медушевский* 2023b].

Коммуникация: от передачи информации к производству политических смыслов

Сложность теоретической рефлексии коммуникации в контексте политической символизации состоит в том, что понимание коммуникации *«оккупировано» её широко распространёнными частными проявлениями*: современными медиа, интернетом и связанным с последним сетевым взаимодействием. В рамках такого понимания коммуникации происходит передача информации, её поиск и потребление. Это ведёт к тому, что само содержание передаваемой информации не проблематизируется и в принципе является гомогенным. Поэтому всё внимание сосредотачивается на отправителях информации, её получателях и средствах связи. Такая коммуникация характеризуется объёмом информации, её точностью и эффективностью передачи. В таком контексте сетевое взаимодействие оказывается не более, чем механизмом поиска и фильтрации информации.

Принципиальная недостаточность вышеописанного понимания коммуникации в том, что такая коммуникация лучше или хуже *передаёт* смыслы, но не *производит* их. Человеческая речь с точки зрения чистой информационной коммуникации проходит, как минимум, два пункта кодирования-декодирования. Сначала мысль кодируется в речь (и/или визуальный образ), передаётся, а потом декодируется в ходе получения в другую мысль, воспроизводящую смысл переданного. Здесь имплицитно предполагается, что коммуникация есть инструмент более глубоких значений и структур мышления как такового, которые *каким-то образом* (вот только каким?) «сканируют» действительность, извлекают уроки, делают выводы, принимают решения, и только потом используют коммуникацию как механизм передачи информации.

Однако в контексте политической символизации акторы политики мыслят только на *конкретном* языке. Поэтому сама *коммуникация* акторов, наделённых способностью

символического мышления, чревата производством нового *смысла*. Т.е. коммуникация самим фактом своего существования (точнее — осуществления) способна задавать последовательность действий (точнее — взаимодействий) политических акторов, она не только происходит в определённом контексте, она способна его изменять, а значит, создавать, производя новое качество взаимодействий с течением времени[7]. В этом смысле *интеракцию* можно интерпретировать как взаимодействие, производящее социальную реальность через *генерализацию* символов и смыслов. Из существующих определений коммуникации наиболее адекватным политической символизации является следующее: «*продолжающийся, динамичный, интерактивный процесс манипулирования символами, ведущий к созданию, обслуживанию, уничтожения и/или трансформации смыслов, который аксиален — не периферием — организованному существованию и организации явлений*» [*Ashcraft, Kuhn, Cooren*, 2009. P. 22].

Согласно такому подходу, коммуникация не только является *атрибутом* политипической организации, коммуникация становится самим *процессом* организации политической *реальности*. В связи с этом акцент в фиксации такой организации следует делать не на структурных, системных или институциональных элементах, а на процессах *производства смыслов* политики. Образно говоря, в первом случае мы пытаемся выдать «фотографию» политики за саму политику, во втором, мы признаём динамический характер политической реальности, частью которой являются суждения (как социальные практики) по поводу её «видеосъёмки».

Коммуникация в контексте политической символизации способна *выходить за рамки* собственно символического в логике первого диалектического отрицания. Коммуникация как креативный процесс способна производить *материальные* последствия, если вспомнить знаменитое высказывание Карла Маркса об идее, которая овладевает массами и становится материальной силой. В свою очередь, материальные последствия коммуникации снимают (как отрицание отрицания) разделение между материальным и социальным в политической *реальности*, организующейся через коммуникацию, устанавливающую систему убеждений и представлений, которые «правят», упорядочивая реальный мир.

Можно утверждать, что диссоциация и беспорядок являются непременным органическим атрибутом политической коммуникации как процесса, направленного на конвергенцию и установление *порядка*. В данном случае это не *хаос*, из которого рождается порядок, это символический *логос* как специфический порядок, включающий в себя снимаемый момент хаоса. *Установление* политического порядка как процесса постоянной коммуникации всегда несёт в себе элемент неопределённости, двусмысленности, разобщённости и напряжённости. И у обозначенных качеств политической коммуникации *нет положительного смысла* в процессе непосредственного коллективного толкования. Положительные *последствия* могут иметь новые *суждения* (как поиск решения), вызванные данным толкованием и ведущие к *реальному* улучшению политической ситуации. Поэтому знаменитое «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» получает положительное звучание либо постфактум, когда «роковые минуты» остались позади, либо как имплицитная надежда на «светлое будущее», либо как благодарная память потомков. Логика различия в развитии политической коммуникации конструирует политические события как дискретный и зачастую идиосинкразический процесс, который содержит в себе *потенциал* конституирования политического порядка, но не сам порядок.

---

[7] О производительной способности коммуникации: [*Jian, Schmisseur, Fairhurst,* 2008].

Заключение: политическая символизация как синтез речевых ситуаций и коммуникаций

Понятая обозначенным выше образом коммуникация будет взаимодействовать с речевыми ситуациями политики *диалектико-символическим*, а не формально-логическим образом. Если оставаться в рамках последнего подхода, то мы либо констатируем отсутствие логически объяснимого взаимодействия между коммуникацией и речевой ситуацией, либо будем использовать хорошо известный метод «прокрустова ложа», что недопустимо обеднит коммуникативные проявления речевых ситуаций. Первый подход позволяет видеть взаимодействие коммуникации и речевой ситуации в политическом контексте как развивающийся (а не просто изменяющийся) процесс, в ходе которого могут меняться акценты, преодолеваться оппозиции парных категорий и возникать новое качество взаимодействия. Если исходить из диалектико-символического взаимодействия/соотношения речевой ситуации и коммуникации, то они могут быть идентичны, разделены как часть и целое (элемент в процессе) и вступать в символический симбиоз.

Идентичность речевой ситуации и коммуникации очевидным образом проявляется в разговоре лицом к лицу, когда сама ситуация беседы/диалога является коммуникацией говорящих/слушающих. Форму, вид и структуру таких разговоров можно исследовать как коммуникативное взаимодействие и как речевую ситуацию по факту. Разделение коммуникации и речевой ситуации в данном случае аналитически излишне. Создание смыслов происходит в процессе самого разговора как речевого акта[8].

О соотношении коммуникации и речевой ситуации как *процесса*, включающего в себя передаваемые *элементы* [*Jian, Schmisseur, Fairhurst*, 2008. P. 314], можно говорить в контексте современных медиа (в части традиционных СМИ, прежде всего телевидения). Однако даже в этом случае разделённый характер коммуникации и речевой ситуации начинает размываться. Будучи ресурсом коммуникации, речевые ситуации, создавая и ограничивая возможности для взаимодействия, влияют на сам характер коммуникации даже в такой технологизированной форме, как телевизионный репортаж (если последний от начала и до конца является постановочным конструктом, то он уже не является репортажем, хотя и может выдаваться за таковой).

В политическом контексте процесс коммуникации, осуществляемый через речевые ситуации, может трансформироваться путём «*рокировки*» вышеназванных элементов. Сутью общения может стать речевая ситуация как таковая, и уже коммуникация будет выполнять подчинённую роль медиатора. «Крымнаш» в данном случае может быть ярким примером. Здесь проявляется *символический симбиоз* коммуникации и речевой ситуации. Сложность взаимодействия ведёт к тому, что два этих элемента/процесса нельзя считать синонимами, однако характер их взаимодействия таков, что они «перетекают» друг в друга, создавая символизирующуюся политическую реальность. Политическое послание может отождествляться не только с произносящим его политиком, но и с организацией и даже страной. В эмпирической действительности данного тождества нет, но в символизирующейся политической реальности это есть и обладает большей явленностью, чем эмпирическое отсутствие тождества. Важное политическое послание (отдельный вопрос — причина его важности) становится конструктом, включающим в себя речевую ситуацию и коммуникацию как снятые (но не исчезнувшие) элементы символического сообщения и символического ответа. Возникает *коммуникативная речевая ситуация неконвенционального коллективного самоосознания, создающего конвенцию*.

Можно сказать, что речевые ситуации и коммуникации, понятые как социальные практики, обладают способностью воспроизводить или производить политику как

[8] Об идентичности коммуникации и речевого акта: [*Larson, Pepper,* 2003].

упорядоченную и одновременно динамическую реальность. Такое практическое понимание позволяет находить политические смыслы не столько «внутри» людей и даже организаций, сколько конструировать их как длящиеся динамические продукты коллективных толкований. Тем самым мы *избавляемся* от «мистических крайностей» объяснения политики либо как того, что происходит в *головах* людей, либо как того, что происходит за *закрытыми* дверями властных кабинетов. И то и другое в политической реальности имеет место, однако может быть понято в эксплицитных терминах речевых ситуаций и коммуникации. Так, попытки власть имущих уйти от обсуждения важных тем могут помочь реконструкции понимания того, что происходит за закрытыми дверями властных кабинетов. То есть *язык* и *коммуникация* не являются инверсивными имиджевыми инструментами политики (и политиков), они (язык и коммуникация) есть *потенциал*, создающий *возможность* преодоления дуализма между структурным/организационным и процессуальным/деятельностным модусами политической реальности.

Политическая реальность может быть понята как проявляющаяся в речевых практиках (которые *не* обязательно есть *дискурсы*) и смыслах, которые (практики и смыслы) акторы конструируют в логике того, что они считают *порядком* (или его демонтажом). Такой порядок, а точнее — *упорядочивание* (и/или обратный процесс) является динамическим конструктом, порождающим новые коллективные толкования (всегда несущие в себе потенциал оспаривания) того, что создано, представлено и изменено в политической реальности [*Deetz, Simpson, 2*004]. Иными словами, непредсказуемость политики не является препятствием для её понимания.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Медушевский А.Н. (2023a). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. I. [*Medushevskiy A.* (2023a). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 85–98.

Медушевский А.Н. (2023b). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования Ч. II [*Medushevskiy A.* (2023b). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 1] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 92–107.

Мусихин Г.И. (2012). Идеология и история [*Musikhin G.I.* (2012). Ideology and history] // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 134–146.

Мусихин Г.И. (2015a). Концептуализация политической символизации [*Musikhin G.I.* (2015a). The Conceptualization of Political Symbolization] // *Полис. Политические исследования.* №5. С. 130–144.

Мусихин Г.И. (2015б). Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка [*Musikhin G.I.* (2015b). Symbolization as a Contextual Synthesis of Political Ontology, Political Epistemology, and Political Language] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 45–57.

Мусихин Г.И. (2016). Политическая риторика как квазисимволизация? [*Musikhin G.I.* (2016). Political Rhetoric as a Quasi-Symbolization?] // *Социологическое обозрение.* Т. 15. № 2. С. 140–160.

Мусихин Г.И. (2024). Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации [*Musikhin G.I.* (2024). Narrative as a semantic element of political symbolization] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 116–133.

Рансьер Ж. (2013). *Несогласие: Политика и философия* [*Rancière J.* (2013). Disagreement: Politics and Philosophy]. — СПб.: Machina.

Филиппов А.Ф. (2015). *Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы*. Т. 2 [*Filippov A.F.* (2015). Sociologia: observations, experiments, prospects. Vol. 2]. — СПб.: Владимир Даль.

Ashcraft K.L., Kuhn T., Cooren F. (2009). Constitutional Amendments: «Materializing» Organizational Communication // *The Academy of Management Annals*. Vol. 3 / A. Brief, J. Walsh (eds). — New York: Routledge. Pp. 1–64.

Chouliaraki L., Fairclough N. (2010). Critical Discourse Analysis in Organizational Studies: Towards an Integrationist Methodology // *Journal of Management Studies*. No. 47. Pp. 1213–1218.

Deetz S. (2003). Reclaiming the Legacy of the Linguistic Turn // *Organization*. No. 10. Pp. 421–429.

Deetz S., Simpson J.L. (2004). Critical Organizational Dialogue: Open Formation and the Demand Of "Otherness" // *Dialogue: Theorizing Difference in Communication Studies* / R. Anderson, L. Baxter, L.K. Cissna (eds). — CA: Thousand Oaks. Pp. 141–158.

Dijk van T. (2008). *Discourse and Power*. — New York: Palgrave Macmillan.
Fairclough N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. — London: Longman.
Habermas J. (1995). *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. — Frankfurt/M.: Suhrkamp.
Jian G., Schmisseur A. M., Fairhurst G. T. (2008). Organizational Discourse and Communication: The Progeny of Proteus // *Discourse and Communication.* No. 2. Pp. 299–320.
Kuhn T. (2012). Negotiating the Micro-Macro Divide: Communicative Thought Leadership for Theorizing Organization // *Management Communication Quarterly*. No. 26. Pp. 543–584.
Larson G. S., Pepper G. L. (2003). Strategies for Managing Multiple Identifications: A Case of Competing Identities // *Management Communication Quarterly.* No. 16. Pp. 528–557.
Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory.* — N.Y.: Oxford University Press.
O'Mahoney J. (2012). Embracing Essentialism: A Realist Critique of Resistance to Discursive Power // *Organization*. No. 19. Pp. 723–741.
Phillips N., Oswick C. (2012). Organizational Discourse: Domains, Debates, and Directions // *The Academy of Management Annals*. No. 6. Pp. 435–481.
Potter J., Wetherell M. (1987). *Discourse and Social Psychology.* — London: Sage.
Reckwitz A. (2002). Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing // *European Journal of Social Theory*. No. 5. Pp. 243–263.
Taylor J. R., Van Every E. J. (2000). *The Emergent Organization: Communication as its Site and Surface.* — Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

Мусихин Глеб Иванович
glebmus@yandex.ru

Gleb Musikhin
Doctor of Science (Political Science), Department of Social and Humanitarian Disciplines,
Russian Biotechnological University
glebmus@yandex.ru

COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL SYMBOLIZATION: FROM DISCOURSES TO SPEECH SITUATIONS

Abstract. In the article, communication, considered in the context of political symbolization, is reflected as being carried out in various (and through various) speech situations. Communication is not only a process of unfolding, but also a constituent element of content and politics, i.e. political symbolization develops (in the dialectical sense) in communicative interaction, synthesizing new meanings. The practical symbolic vision of communication shows that the individual-collective/agent-structure relationship is not an "objective" systemic property of politics. Consistency itself is constructed as a mechanism of communicative practices that arise as an interaction of actors and artifacts in the space of joint activity. The author focuses on narratives as structured sets of speech situations that can have written and visual manifestations, which makes it possible to trace the emergence, spread and use of the meanings of political communication. Political narratives can go beyond fixed linguistic forms, acquiring symbolic interpretation as the formation of new ways of contextual communication. The emphasis on context shows the limitations of discourse analysis for understanding political communications. The context "does not fit" into discourse analysis as such, requiring serious analytical assumptions that either critically reduce the accuracy of discourse analysis or unacceptably simplify the content of the context. The fundamental feature of communication in the context of politics is that political reality simultaneously consists of (and is realized through) interactive processes.

Keywords: *communication, symbol, political symbolization, discourse analysis, speech situation, narrative, political order, public administration.*
JEL: H00, Z10, Z18.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. Логинов
к.э.н., старший научный сотрудник,
РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Т.М. Малева
к.э.н, DBA, директор Центра «Институт социального анализа и прогнозирования», РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

ИНФЛЯЦИЯ, ЭКОНОМИЯ И ОНЛАЙН-ПОКУПКИ: ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-х ГОДОВ[1]

Аннотация. На материалах репрезентативных социологических опросов населения, проведённых в 2022–2024 гг., проанализированы особенности потребительских практик, реализуемых россиянами в современных социально-экономических условиях. Показано, что для подавляющего большинства россиян в последние годы инфляция уже стала привычным контекстом реализации потребительских практик, при этом фронтальный рост цен заметен для всех групп российского общества. Кризисные явления на потребительском рынке в течение 2022 г. обнаруживались в формировании дефицита ранее привычных категорий товаров и услуг, а наиболее массовые проблемы в тот период времени были связаны с лекарственными и медицинскими средствами. В последующие годы использование интернета устойчиво закрепилось в регулярных потребительских практиках широких групп россиян, и более половины опрошенных стали использовать дистанционные возможности при обращении к различным услугам, а также при приобретении непродовольственных товаров. При сохранении возрастных и территориально-поселенческих диспропорций отмечается активная включённость в сети онлайн-потребления традиционно отстающих в этом отношении групп: представителей старшей когорты и проживающих в малых населённых пунктах. Базовая характеристика потребительской стратегии российского населения — массовый переход к вынужденной экономии, при которой доминирующим и зачастую единственным фактором выбора приобретаемых товаров является их минимальная цена в линейке возможных аналогов. Данная проблема устойчива: подавляющее большинство тех, для кого она актуальна, не ожидают улучшения жизненной ситуации на обозримом временном горизонте.

Ключевые слова: *население, потребление, потребительские практики, социально-экономическое поведение, уровень жизни, качество жизни, инфляция.*
JEL: E21, Z13
УДК: 338.57.055.2, 364.1
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_144_158
© Д.М.Логинов, Т.М.Малева, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Логинов Д.М., Малева Т.М.* Инфляция, экономия и онлайн-покупки: потребительское поведение россиян в первой половине 2020-х годов // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 144–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_144_158.

FOR CITATION: *Loginov D., Maleva T.* Inflation, cost saving and Online Purchase: Consumption Behavior of Russians in the First Half of 2020th // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 144–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_144_158.

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Введение

Первая половина 2020-х гг. в России характеризуется значительным уровнем социально-экономической турбулентности. Выход из режима коронавирусных ограничений, активизация внешнего санкционного давления, повышение и устойчивый характер потребительской инфляции, изменения на рынке труда с секторально неравномерной динамикой трудовых доходов — всё это выступает существенными факторами, определяющими контекст, в котором формируются и воспроизводятся модели социально-экономического поведения различных групп российского населения.

В последнее десятилетие российская экономика пережила несколько шоков, которые не могли не повлиять на изменение потребительского спроса и на инфляционную динамику. На рис. 1 отчётливо видны три таких периода: 1) резкое снижение розничного товарооборота в 2015 г. как реакция на существенное снижение доходов населения после введения первых экономических санкций в 2014 г.; 2) локдаун 2020 г. в связи с коронавирусной пандемией; 3) массированное введение экономических санкций в 2022 г. За колебаниями розничного товарооборота следовало ощутимое повышение инфляции. Если после стресса 2015–2016 гг. на потребительском рынке и в инфляционной динамике последовал этап относительного равновесия, то кризис 2020 г. не преодолён и по сей день, что сказалось на ситуации 2024 г. Этот год стал годом рекордно высокой потребительской инфляции, которая к концу года по официальным данным вплотную приблизилась к 10% годовых. Средние цены на продовольственные товары и на услуги выросли более чем на 11% в годовом выражении. В отличие от ситуации весны 2022 г., когда в связи с изменением внешнеэкономических условий наблюдался единовременный краткосрочный всплеск цен с последующей стабилизацией динамики, в 2024 г. высокое инфляционное давление сохранялось в течение всего года. Несмотря на ужесточение кредитной политики и рост ключевой ставки, инфляция остаётся высокой, оказывая постоянное влияние и на экономику, и на социальную сферу. Из экономической теории и практики хорошо известен факт — в условиях высокой фактической и ожидаемой инфляции все экономические субъекты ведут себя «иначе» и часто непредсказуемо. Население — именно тот экономический субъект, который наиболее остро и оперативно реагирует на подобное инфляционное давление, вынуждающее менять потребительские предпочтения и практики.

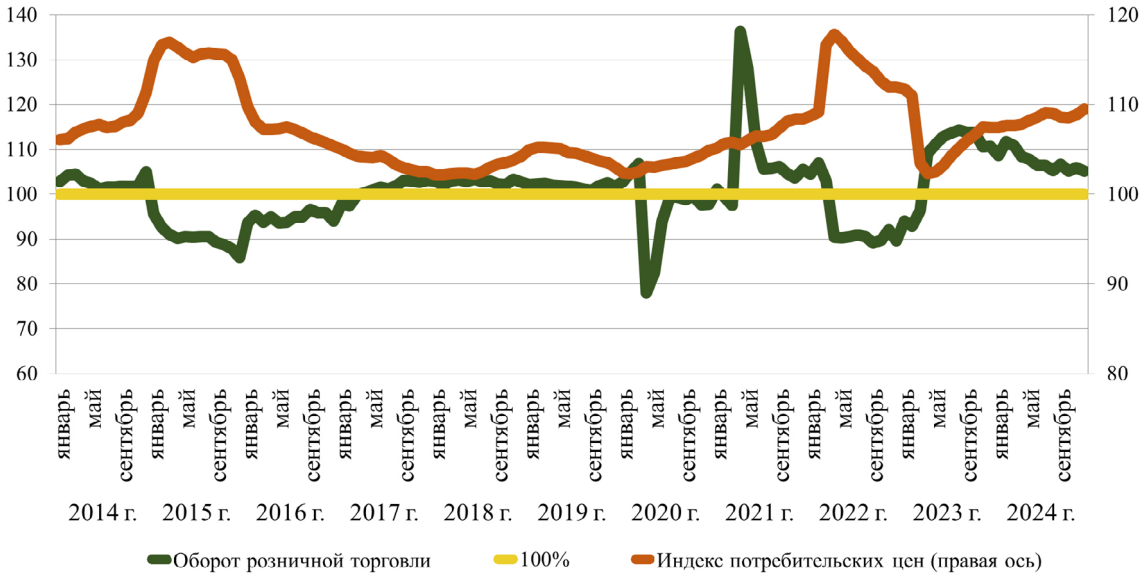


Рис. 1. Оборот розничной торговли и индекс потребительских цен в 2014–2024 гг.
Источник: расчёты авторов, Росстат. Краткосрочные экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802

Как российское население адаптировалось к происшедшим в течение последнего пятилетия изменениям на потребительском рынке? Насколько остро воспринимаются россиянами инфляционные процессы в отношении привычно потребляемой товарной номенклатуры и происходит ли сглаживание остроты этого восприятия с течением времени? Привела ли напряжённость на потребительском рынке в течение 2022 г. к массовой актуализации населением проблемы товарного дефицита? Насколько массово воспроизводятся практики онлайн-потребления после окончания коронавирусной пандемии? Какова распространённость среди россиян режима постоянной вынужденной экономии на повседневных покупках из-за материальных ограничений? Велика ли дифференциация исследуемых процессов по различным социально-демографическим группам населения, и по каким основаниям она проявляется? Ответам на эти вопросы посвящён анализ результатов комплекса социологических наблюдений, структура выборочной совокупности которых позволяет как выявить общие тренды потребительного поведения населения, так и определить особенности, характеризующие его отдельные группы.

Эмпирическую базу анализа составляют данные массовых анкетных опросов, репрезентирующих население России в возрасте 18 лет и старше, которые реализованы Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС посредством случайной стратифицированной систематической выборки мобильных номеров телефонов. Реализованное квотирование территориальных страт (Столицы, Центр, Урал, Сибирь, Восток) позволяет, на основе данных Росстата, территориально распределить выборку в соответствии с показателями генеральной совокупности. Достигнутые показатели выборочной совокупности по полу и возрасту практически не отличаются от данных Росстата на соответствующий период. Использованы данные трёх волн мониторинга социально-экономического положения и самочувствия населения (ноябрь 2022 г. — 1814, декабрь 2023 г. — 1601, декабрь 2024 г. — 1208 респондентов), а также опроса, посвящённого выявлению особенностей реализуемых россиянами социально-экономических практик (март 2023 г. — 2016 респондентов).

Ограниченные потребительские возможности, традиционно характеризующие значительную часть российского населения, во многом определяют барьеры общественного развития, проявляющиеся как на индивидуальном уровне, так и на уровне различных социальных групп. Выводы Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что в России, имеющей значительный человеческий потенциал, в том числе выраженный через образовательный уровень населения, доминируют секулярно-рациональные ценности выживания с ограниченным потенциалом развития [*Inglehart, Welzel*, 2005; *Инглхарт*, *Вельцель*, 2011], раскрываются в ряде работ отечественных учёных. Как отмечает Я.М. Миркин, каждому обществу, на различных этапах его развития, имманентны определённые модели коллективного поведения, и в современной России существенным приоритетом обладают ориентации на патернализм и стремление к доходному равенству [*Миркин*, 2023]. Массовое сознание россиян характеризуется достаточной устойчивостью и целостностью [*Аникин*, 2016], а в ряду их жизненных ценностей выделяются ориентации на осторожность и ожидание поддержки со стороны государственных органов, при этом стремления к новизне, свободе и гедонизму выражены достаточно ограниченно.

Неизменной характеристикой контекста формирования и реализации россиянами моделей социально-экономического поведения на протяжении последних десятилетий выступает значительный уровень неравенства, при котором группы, депривированные с точки зрения располагаемых доходов, являются достаточно массовыми [*Гордон*, 2001; *Тихонова и др.,* 2022]. Экономическое и общественное развитие приводит ко всё большему распространению потребительских практик, выходящих за рамки удовлетворения базовых потребностей [*Овсянников*, 2011; *Овчарова, Попова*, 2013], в том числе предполагающих инвестиции в развитие человеческого капитала [*Слободенюк, Каравай, Мареева,* 2024]. При

этом вынужденная потребительская экономия выступает традиционной нормой для массовых групп россиян [*Красильникова*, 1996; *Бондаренко*, 2002]. На спектр потребительских практик, реализуемых различными группами населения, объективно влияют особенности социально-экономического контекста, и на каждом витке турбулентности россияне вынужденно адаптируют эти практики к изменяющимся условиям [*Адаптационные стратегии…*, 2004; *Козырева*, 2011; *Каравай*, 2020; *Логинов*, 2020, *Чёрный лебедь…*, 2021; *Логинов, Титов*, 2023].

В целом различные аспекты потребительского поведения россиян — предмет анализа многочисленных исследований последних десятилетий. Ставшая классической работа В.В. Радаева во многом задаёт базис рассмотрения потребления как социально-экономической категории, раскрывающей широкий круг проблематики: от удовлетворения актуальных потребностей и формирования стиля жизни до передачи символов и общественной дифференциации [*Радаев*, 2005]. В рамках стратификационных исследований выявляются параметры и масштабы дифференциации потребительского поведения различных групп общества. Можно отметить две фундаментальные монографии, в одной из которых выявляется дифференциация процессов и стандартов потребления в линейке обеспеченных, средних и материально депривированных россиян, а во второй средний класс выступает центральной точкой анализа, в том числе — сравнительного [*Россия…*, 2004; *Средние классы…*, 2003].

Широта потребительского выбора и проблема роста стоимости товаров и услуг на протяжении многих лет являются значимыми для населения в контексте их социального самочувствия и оценок условий жизнедеятельности [*Двадцать пять лет…*, 2018]. Проблематика потребительского поведения многоаспектна, что определяет разнообразные фокусы её рассмотрения. В отечественной исследовательской практике сформирован значительный массив эмпирических данных [*Лебедева*, 2023], а направленность разработок охватывает особенности соответствующих практик, реализуемых представителями различных демографических групп населения [*Цыбикова*, 2010; *Шабанов*, 2021; *Снегирева*, 2024], этичного потребления [*Шабанова*, 2024], статусные и импульсивные покупки [*Радаев*, 2025].

Восприятие инфляционной ситуации

Результаты исследования свидетельствуют о том, что для подавляющего большинства населения в последние годы заметный рост цен стал привычным контекстом реализации их потребительских практик. Характеризуя ситуацию на потребительском рынке в течение 2024 г., более 90% россиян отмечают инфляцию в таких сферах, как продукты питания, 80% — непродовольственные товары, 75% — лекарства и предметы медицинского назначения. На трёхлетнем горизонте эти наблюдения стабильны, что свидетельствует об устойчивости инфляционных проблем и их восприятия в обществе (рис. 2).

У каждой социальной группы свои потребительские предпочтения и своя инфляция. Каковы различия? Вполне ожидаемо, что на общем массово негативном фоне они наблюдаются у представителей групп различной материальной обеспеченности. При том, что рост цен в наибольшей степени отмечают представители малообеспеченных групп, уровень соответствующей дифференциации остаётся достаточно умеренным, а в отношении непродовольственных товаров он и вовсе отсутствует. Наиболее существенные различия между группами разного материального статуса, достигающие 20 п.п., проявляются в отношении товаров, необходимых для поддержания здоровья (рис. 3).

Различия в оценке инфляционной ситуации между представителями различных возрастных когорт представлены на рис. 4. На подорожание продуктов питания указывают

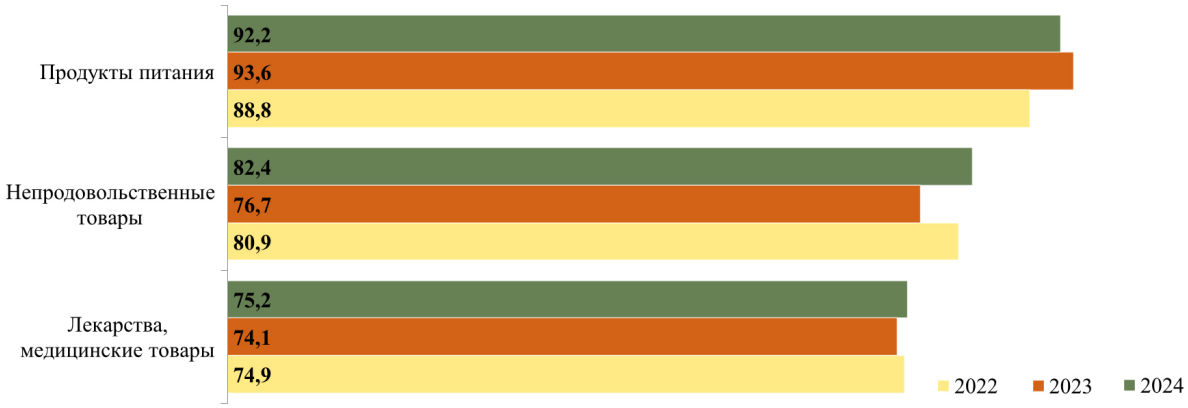


Рис. 2. Доля отметивших заметный рост цен, произошедший в течение года на привычно потребляемые товары, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативных опросов населения России, ИНСАП РАНХиГС (2022 г. — 1814, 2023 г. — 1601, 2024 г. — 1208 респондентов).

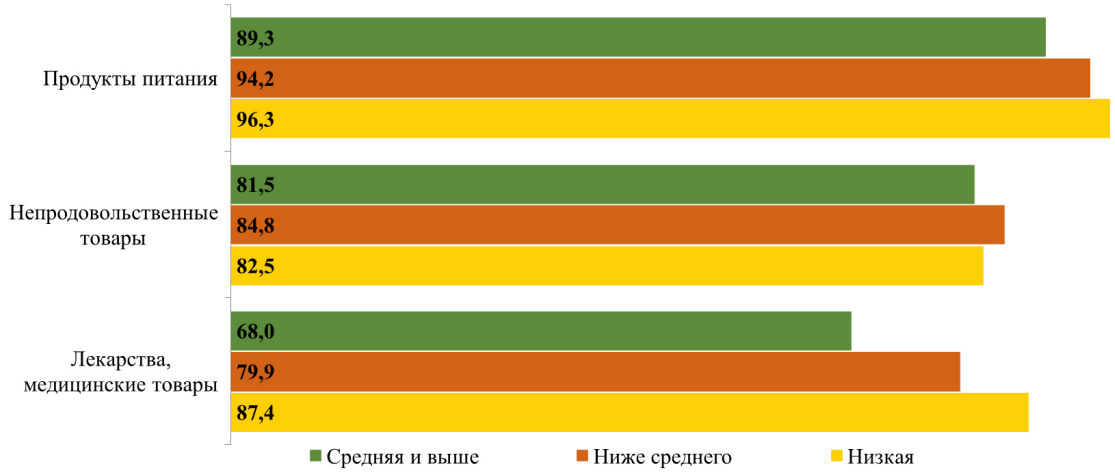


Рис. 3. Доля отметивших заметный рост цен, произошедший в течение 2024 г. на привычно потребляемые товары, по группам субъективной материальной обеспеченности, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативных опросов населения России, ИНСАП РАНХиГС (2022 г. — 1814, 2023 г. — 1601, 2024 г. — 1208 респондентов).

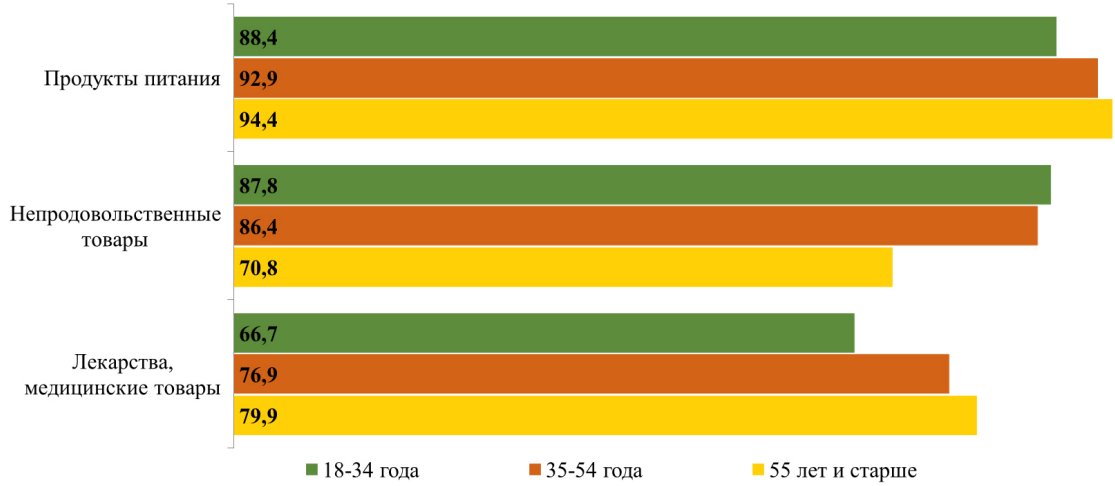


Рис. 4. Доля отметивших заметный рост цен, произошедший в течение 2024 г. на привычно потребляемые товары, по возрастным группам, %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативных опросов населения России, ИНСАП РАНХиГС (2022 г. — 1814, 2023 г. — 1601, 2024 г. — 1208 респондентов).

около 90% опрошенных в каждой из когорт, в наибольшей степени — относящиеся к самой старшей из них. В сегменте непродовольственных товаров инфляционные процессы в равной степени заметны молодым и средневозрастным респондентам. Применительно к лекарственным средствам у молодёжи негативных оценок ожидаемо значительно меньше, однако даже у этой группы их доля достигает двух третей.

Острота восприятия инфляционных процессов по территориально-поселенческим группам россиян практически не различается. Реализация потребительских практик также находится под существенным давлением инфляционных ожиданий, которые свидетельствуют о том, что более 85% россиян в конце 2024 г. ожидают дальнейшего роста цен на краткосрочном горизонте. При этом важно отметить, что массовость подобных оценок практически не различается среди представителей разных социально-демографических групп населения. В наибольшей степени ожидания роста цен в отношении привычной потребительской корзины проявляются у наименее обеспеченных, однако их различия с теми, кто имеет более высокий материальный статус, составляют лишь 7 п.п. Разница же по возрастным когортам и территориально-поселенческим группам крайне незначительна (рис. 5).

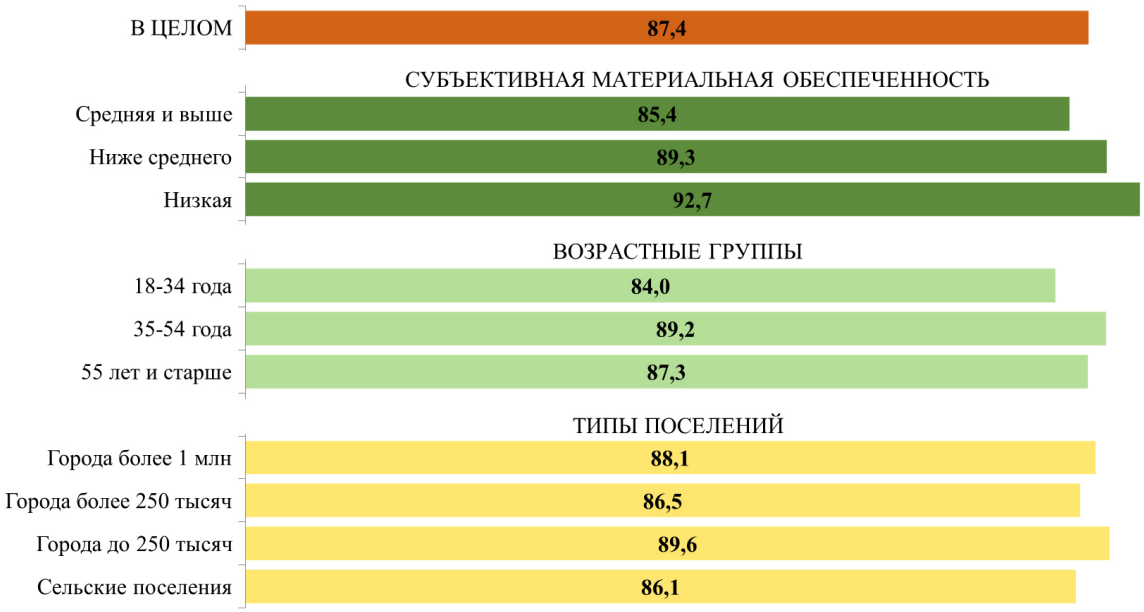


Рис. 5. Ожидания заметного роста цен на привычно потребляемые товары на горизонте ближайших месяцев, по социально-демографическим группам, декабрь 2024 г., %

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС (2024 г., 1208 респондентов).

Проблема товарного дефицита на потребительском рынке

Драматичные изменения на потребительском рынке в 2022 г., вызванные санкционными и ограничительными мерами, логистическими трудностями, а также скачкообразной динамикой курса национальной валюты, актуализировали проблему возникновения дефицита как временной недоступности части товарной номенклатуры. В отношении каждой из выделенных групп товаров и услуг непривычные ограничения доступности зафиксировали значительные по масштабу респондентские группы, численность которых превышает 15-процентный уровень. При этом наибольшую массовость обрели проблемы, связанные с лекарственными и медицинскими средствами: о них заявила треть россиян. Более четверти опрошенных отметили сегментарный дефицит каких-либо из непродовольственных товаров, а каждый пятый заявил, что столкнулся с отсутствием на магазинной полке привычных продуктовых товарных марок (рис. 6).

Рис. 6. Доля отметивших дефицит или недоступность привычно потребляемых товаров и услуг в течение 2022 г., %
Источник: расчёты авторов по данным репрезентативных опросов населения России, ИНСАП РАНХиГС (2022 г., 1814 респондентов).

При анализе данного вопроса в разрезе различных возрастных групп очевидна явная обратная зависимость, в соответствии с которой дефицит отдельных товаров и услуг в наибольшей степени отмечают представители наиболее молодой когорты. В наименьшей степени зависимость от возраста проявляется в отношении лекарственных и медицинских препаратов, применительно к которым актуальность проблемы для старшей возрастной когорты максимально приближена к молодым и средневозрастным. Отметим также, что при переходе к каждой менее крупной поселенческой группе острота локального дефицита заметно сглаживается. Исключением из данного тренда является сектор услуг (в состав которого включены интернет-сервисы): в сельских поселениях доля отметивших проблему из доступности приближена к показателям мегаполисов (табл. 1).

Таблица 1
Доля отметивших локальный дефицит или недоступность привычно потребляемых товаров и услуг в течение 2022 г., по возрастным и территориально-поселенческим группам, %

Группы	Категории			
	продукты питания	непродовольственные товары	лекарства, медицинские товары	услуги, включая интернет-сервисы
В целом	20,5	26,0	33,5	16,8
Возрастные группы				
18–34 года	29,2	33,3	34,7	22,2
35–54 года	20,5	32,3	34,3	17,0
55 лет и старше	14,8	14,3	31,7	13,1
Типы поселений				
Город более 1 млн	26,2	31,5	37,7	19,2
Город более 250 тыс.	20,7	29,5	32,3	15,8
Город менее 250 тыс.	17,7	23,9	32,9	15,0
Сельские поселения	17,2	19,8	31,1	17,7

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативных опросов населения России, ИНСАП РАНХиГС (2022 г., 1814 респондентов).

По мере налаживания логистических и производственных цепочек, с одной стороны, и адаптации населения к изменившейся номенклатуре товарного рынка — с другой, проблема восприятия дефицита в контексте привычного потребления существенно сгладилась.

Потребление товаров и услуг с использованием онлайн-коммуникаций

Развитие потребительского рынка, совершенствование интернет-сервисов, рост покрытия интернетом территорий страны, а также достаточно длительный период ограничений привычной «офлайн-жизни», связанных с коронавирусной пандемией, — таков комплекс факторов, которые объективно требуют интенсификации потребительских практик, основанных на использовании онлайн-технологий. Результаты исследования позволяют определить уровень востребованности соответствующих практик в 2023 г., что показывает степень их закреплённости в обычных потребительских привычках россиян после сглаживания экстраординарной эпидемиологической напряжённости. При этом выделение четырёх групп номенклатуры товаров и услуг даёт возможность как зафиксировать общие показатели распространения онлайн-потребления среди населения страны, так и проследить дифференциацию соответствующей включённости по различным потребительским сегментам.

60% россиян используют (с различной периодичностью) онлайн-услуги, к которым относятся, например, запись в поликлинику, оформление документов, банковские услуги, заказ такси, покупка билетов и пр. Более половины (55%) хотя бы иногда приобретают непродовольственные товары с использованием интернет-сервисов. Оформляемая посредством коммуникационных и сервисных технологий доставка продуктов питания стала элементом потребительских практик для 23% населения, а регулярными или периодическими потребителями готовой еды, заказываемой из кафе и ресторанов, назвала себя четверть опрошенных (рис. 7).

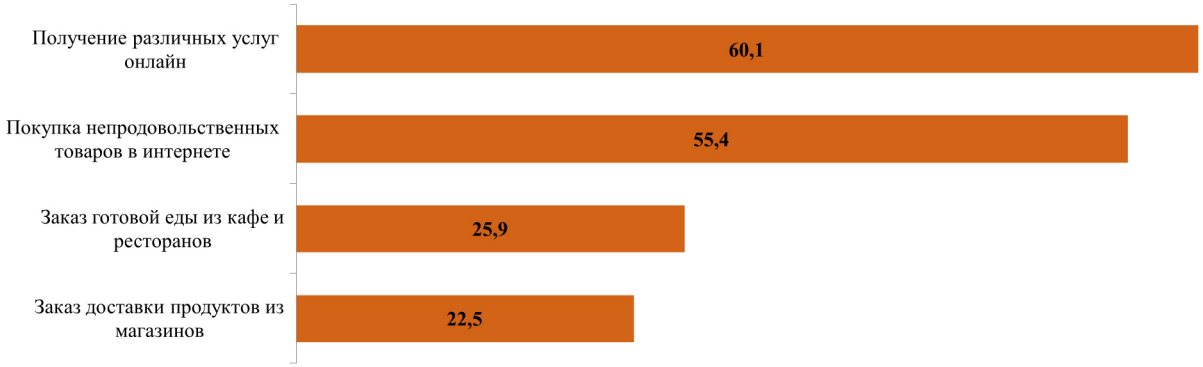


Рис. 7. Включённость в потребительские практики с использованием онлайн-коммуникаций, % (используют хотя бы иногда)

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС (2023 г., 2016 респондентов).

Выделяются два критерия социально-демографической дифференциации (табл. 2), в существенной степени определяющие различия востребованности рассматриваемых форм онлайн-потребления, и первый из них — возрастной. Респонденты в возрасте до 35 лет демонстрируют наибольшую активность в отношении всех рассматриваемых возможностей коммуникационной среды. Представители старшего поколения включены в потребительские онлайн-практики кратно реже не только по сравнению с самой молодой, но и со средневозрастной когортой. При этом важно отметить, что получение

в онлайн-режиме необходимых услуг, а также покупка товаров длительного пользования, — весьма распространённые практики для всех, включая лиц наиболее старших возрастов, среди которых показатели включённости находятся на уровне трети опрошенных.

В отношении каждой из рассматриваемых потребительских онлайн-практик отмечается чёткая прямая зависимость — при переходе к каждой более крупной территориально-поселенческой группе распространённость их использования нарастает. Особенно выделяются практики заказа продуктов питания и готовой еды, крайне мало востребованные в сельских поселениях; по отношению к данным позициям различия в дихотомии «город — село» многократны. При этом получение услуг и приобретение товаров длительного пользования в режиме онлайн характеризуются достаточно высокой массовостью среди представителей всех поселенческих типов.

Таблица 2

Включённость в потребительские практики с использованием онлайн-коммуникаций, по возрастным и территориально-поселенческим группам, % (используют хотя бы иногда)

Группы	Потребительские практики с использованием онлайн-коммуникаций			
	получение различных услуг онлайн	покупка непродовольственных товаров в интернете	заказ готовой еды из кафе и ресторанов	заказ доставки продуктов из магазинов
В целом	60,1	55,4	25,9	22,5
Возрастные группы				
18-34 года	82,3	73,6	56,4	44,6
35-54 года	71,5	67,7	28,2	23,1
55 лет и старше	36,7	33,3	7,7	10,4
Типы поселений				
Город более 1 млн	73,2	66,2	37,0	41,2
Город более 250 тыс.	68,0	61,1	35,5	29,4
Город менее 250 тыс.	56,3	52,2	21,2	14,7
Сельские поселения	45,6	43,3	12,8	7,6

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС (2023 г., 2016 респондентов)

Суммирование востребованных форм (из четырёх рассмотренных выше) позволяет оценить охват населения онлайн-потреблением. 35% россиян вообще не пользуются этими практиками. Одновременно сопоставимая по численности группа (36% опрошенных) использует одну из онлайн-практик (умеренная включённость). Значительный уровень включённости наблюдается у 16% респондентов — это те, кто воспроизводят три вида онлайн-практик. Максимальный, т. е. все четыре вида, соответствует потребительским моделям 13% населения.

Отмеченная выше дифференциация по возрастным и территориально-поселенческим группам находит очевидное отражение и в интегральной типологии (табл. 3). Так, представители молодёжи почти в 60% случаев входят в группы активности, превышающей умеренную, в том числе 30% демонстрируют максимальную включённость в потребительские онлайн-практики. В то же время среди представителей старшего поколения около 60% совсем не используют рассматриваемые практики, и лишь каждый десятый из опрошенных

включён в них на значительном либо максимальном уровне. Проживание на территориях различных типов дифференцирует население не столь кардинально, но весьма существенно. Ожидаемо, что лидирующие позиции занимают представители крупнейших мегаполисов, однако жители городов среднего и выше среднего масштаба от них не очень отстают. Другой «полюс» представлен населением малых городов и сельской местности — различия между ними и жителями крупных и средних городов очень заметны. Практически половина тех, кто проживает в сельских поселениях, не включены в онлайн-потребление: охват практиками на уровне, достигающем значительного, составляет лишь 15% опрошенных.

Уровень материальной обеспеченности является фактором, существенно влияющим на масштабы использования онлайн-коммуникаций в потребительской жизни россиян. Представители относительно благополучных слоёв населения значительно активнее включены в сервисы дистанционного потребления, и 20% группы среднего и выше материального статуса — это группы с максимальной включённостью. Возможности тех, кто находится на нижней ступени «материально-доходной лестницы», ограничены не только в ассортименте возможных покупок, но, как мы видим, и в форматах их осуществления: около 60% совсем не используют информационно-коммуникационные возможности, а более трети используют их в умеренной степени.

Таблица 3
Широта включённости в онлайн-потребление, по социально-демографическим группам, %

Группы	Широта включённости в онлайн-потребление			
	отсутствует	**умеренная**	**значительная**	**максимальная**
В целом	34,7	35,6	16,4	13,3
Группы по полу				
Мужчины	32,4	37,2	16,9	13,5
Женщины	36,8	34,0	16,0	13,2
Возрастные группы				
18–34 года	13,1	28,1	28,1	30,7
35–54 года	22,9	44,2	18,7	14,2
55 лет и старше	58,0	30,6	8,0	3,4
Территориально-поселенческие группы				
Город более 1 млн	22,8	30,9	21,8	24,5
Город более 250 тыс.	28,4	34,4	16,1	21,1
Город менее 250 тыс.	37,1	39,2	16,6	7,1
Сельские поселения	48,6	36,7	11,7	3,0
Уровень материальной обеспеченности, по самооценке				
Средний и выше	22,0	35,9	21,9	20,2
Ниже среднего	38,1	38,6	14,0	9,3
Низкий	57,9	30,9	8,2	3,0

Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС (2023 г., 2016 респондентов).

Масштабы максимальной потребительской экономии

Полученные данные свидетельствуют о массовости потребительских тактик, основанных на вынужденной экономии. При том, что большинство населения формируют свой потребительский спрос не только по ценовым основаниям, 37% делают свой выбор по критерию минимальной стоимости.

Распространённость постоянной потребительской экономии существенно различается по возрастным и территориально-поселенческим группам населения. Как показано на рис. 8, максимально несвободно на потребительском рынке ощущают себя более 40% старшей возрастной когорты, а также в целом сельские жители. При этом среди молодёжи и жителей мегаполисов проблема вынужденного экономного потребления также имеет существенное распространение.

Рис. 8. Распространённость модели максимальной потребительской экономии, по возрастным и территориально поселенческим группам, %
Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС (2023 г., 2016 респондентов).

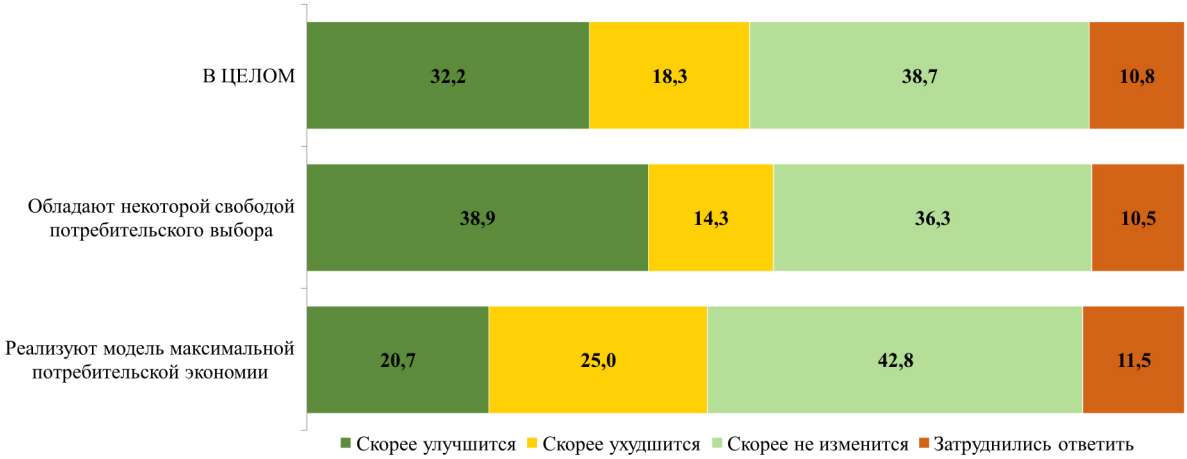


Рис. 9. Прожективные представления о жизненной динамике на краткосрочном горизонте, по базовым группам потребительского поведения, %
Источник: расчёты авторов по данным репрезентативного опроса населения России, ИНСАП РАНХиГС (2023 г., 2016 респондентов).

Важно отметить, что наличие постоянной трудовой занятости отнюдь не гарантирует достижение того материального статуса, который расширяет свободу потребительского выбора. Отсутствие работы (вследствие, например, достижения пенсионного

возраста или по любым иным основаниям) предсказуемо влечёт за собой жёсткую потребительскую экономию — по этой схеме живёт половина (49%) представителей данной социальной группы. Но к этой же потребительской модели прибегает почти 30% россиян с оплачиваемой трудовой занятостью.

Данные рис. 9 показывают, каковы представления россиян, имеющих максимально ограниченные потребительские возможности, об устойчивом характере подобного неблагополучия. Более 40% тех, кто вынужденно основывает регулярный потребительский выбор на критерии минимальной цены, ожидают неизменность качества своей жизни на горизонте 1–2 лет, а ещё четверть ждут его дальнейшего ухудшения. При этом позитивная динамика видится реальной лишь каждому пятому представителю данной группы.

Заключение

Обобщая рассмотренные тенденции потребительского поведения в первой половине 2020-х гг., важно отметить крайне высокий уровень алармизма в восприятии россиянами инфляционных процессов. Тому есть несколько взаимодополняющих объяснений.

Во-первых, повышение стоимости привычно потребляемой «товарной корзины» массово отмечается применительно ко всем элементам рассматриваемой номенклатуры: продуктам питания, непродовольственным товарам, средствам лекарственно-медицинского назначения.

Во-вторых, при наличии некоторой социально-демографической дифференциации, в соответствии с которой, например, повышение материального статуса приводит к снижению чувствительности к росту стоимости продуктов питания и лекарств, фронтальный рост цен является заметным для подавляющего большинства всех групп российского общества.

В-третьих, инфляционный контекст реализуемых потребительских практик становится устоявшейся нормой — ситуация в этом отношении на протяжении уже нескольких лет достаточно стабильна. И характер этой стабильности безусловно негативный. Острота восприятия инфляционных проблем подтверждается практически всеобщими ожиданиями дальнейшего роста цен на потребительском рынке.

Кризисные явления на потребительском рынке в течение 2022 г. проявились в формировании дефицита отдельных категорий товаров и услуг, которые ранее были привычно доступны для россиян. Разумеется, нет оснований говорить о длительных перебоях в поставках на потребительский рынок каких-либо значимых товарных групп, однако в отношении каждой из выделенных категорий товаров и услуг ограничения доступности зафиксировали респондентские группы, численность которых значима и превышает 15%-й уровень. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее массовые проблемы были связаны с лекарственными и медицинскими средствами, вопрос доступности которых приобрёл актуальность для каждого третьего из россиян.

Использование интернета закрепляется в регулярных потребительских практиках широких групп россиян. Более половины населения используют дистанционные возможности при обращении к различным услугам, а также при приобретении непродовольственных товаров. В отношении онлайн-потребления возрастные и территориально-поселенческие диспропорции очевидны, однако важно отметить заметный уровень включённости в подобные потребительские модели групп населения, которые ранее традиционно считались отстающими в этом отношении, — представителей старшей возрастной когорты, а также жителей сельских поселений и небольших городов. Интегральная оценка охвата онлайн-потреблением показывает, что отсутствие подобной активности свойственно 35% россиян, а значительный и максимальный её уровень совокупно отличает немногим менее 30%.

Крайне важная характеристика потребительской стратегии российского населения — массовый переход к вынужденной потребительской экономии, при которой наиболее доминирующим и зачастую единственным фактором выбора приобретаемых товаров является их минимальная цена в линейке возможных аналогов. Результаты исследования свидетельствуют, что подобную потребительскую модель воспроизводит более трети населения, и наибольшую распространённость она приобретает у старшей возрастной когорты, а также у сельских жителей. Острота и устойчивый характер данной проблемы усугубляются тем, что подавляющее большинство социальных групп, имеющих столь явные потребительские ограничения, не ожидает улучшения жизненной ситуации на обозримом временном горизонте.

Российское население на протяжении последних десятилетий приобрело обширный опыт социально-экономической адаптации к турбулентным изменениям внешней среды, которые объективизируют необходимость корректировки привычных поведенческих моделей. Однако значимой проблемой представляется тот факт, что регулярность подобных периодов нестабильности способствует закреплению «паттерна выживания», а выстраивание долгосрочных цепочек ценностного и экономического развития как на индивидуальном, так и на общественном уровне объективно затруднено. В настоящее время мы видим, что большинство россиян выработало модели адаптации к изменениям на потребительском рынке и бурной инфляционной динамике. Но давление этих факторов носит устойчивый негативный характер, вновь способствуя торможению экономического роста и формированию социального напряжения в обществе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Адаптационные стратегии населения: 10 лет исследований (2004). [*Population Adaptation Strategies* (2004).] / Под ред. Е.М.Авраамовой. — М.: ИСЭПН РАН.

Аникин В.А. (2016). Кризис и национальное самосознание россиян [*Anikin V.A.* (2016). Crisis and Russian National Identity] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* № 5(135). С. 202-231. DOI 10.14515/monitoring.2016.5.12.

Бондаренко Н. (2002). Типология личного потребления населения России [*Bondarenko N.* (2002). The Typology of Personal Consumption for Russia's Population] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* № 1(57). С. 34–44.

Гордон Л.А. (2001). Бедность, благополучие, противоречивость: материальная дифференциация в 1990-е годы [*Gordon L.A.* (2001). Poverty, well-being, contradictions: Material differentiation in the 1990s.] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–21.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа (2018). [*Twenty-Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis* (2018).] / Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. — М.: Весь Мир.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития* [*Inglehart R., Welzel C.* (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence.] — М.: Новое издательство.

Каравай А.В. (2020). Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX — начале XXI вв. [*Karavay A.V.* (2020). Changes in Russians' Strategies of Socio-Economic Adaptation in the Late 20th — Early 21st Centuries] // *Журнал институциональных исследований.* Т. 12. № 1. С. 144–159. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159.

Козырева П.М. (2011). Социальная адаптация населения России в постсоветский период [*Kozyreva P.M.* (2011). Social Adaptation of Russia's Population in the Post-Soviet Period] // *Социологические исследования*. № 6(326). С. 24–36.

Красильникова М.Д. (1996). Кто на чём экономит? [*Krasilnikova M.* (1996). Who Saves, and on What] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 35–37.

Лебедева Д.Р. (2023). Обзор социологических баз данных по потреблению [*Lebedeva D.R.* (2023). Review of Sociological Databases on Consumption] // *Социология: методология, методы, математическое моделирование.* №57. С. 138–166. DOI: 10.19181/4m.2023.32.2.5.

Логинов Д.М. (2020). Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов [*Loginov D.M.* (2020). How the Russian Population Went Through the Crisis of the Second Half of the 2010s] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 41–61. DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-41-61.

Логинов Д.М., Титов В.Н. (2023). Потребление, досуг, социальные взаимодействия: особенности образа жизни россиян в нестабильные 2020-е годы [*Loginov D.M., Titov V.N.* (2023). Consumption, Leisure, Social Interactions: the Features of Russians' Lifestyle in the Unstable 2020s] // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 87–104. DOI: 10.31857/S0869049923060072.

Миркин Я.М. (2023). Модели коллективного поведения в России: прошлое (300 лет) и будущее [*Mirkin Y.M.* (2023). Models of Collective Behavior in Russia: Past (300 Years) and Future] // *Мир России*. Т. 32. № 4. С. 36–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-36-55.

Овсянников А.А. (2011). Общества потребления: системность и тотальность кризиса [*Ovsyannikov A.A.* (2011). Consumer Societies: Systemic And Total Character Of The Crisis] // *Народонаселение*. № 2 (52). С. 12–31.

Овчарова Л.Н., Попова Д.О. (2013). Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления [*Ovcharova L.N., Popova D.O.* (2013). Cash Income and Expenditure of the Russian Population: What are the Changes in Consumer's Standard] // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 22. № 3. С. 3–34.

Радаев В.В. (2005). Социология потребления: основные подходы [*Radaev V.V.* (2005). Sociology of Consumption: Basic Approaches] // *Социологические исследования*. № 1(249). С. 5–18.

Радаев В.В. (2025). *Нестандартное потребление* [*Radaev V.V.* (2025). Unconventional Consumption]. — М.: НИУ ВШЭ.

Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс (2004). [*Russia — a New Social Reality. Rich. Poor. The Middle Class* (2004). Chief editors M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova] / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова — М.: Наука.

Слободенюк Е.Д., Каравай А.В., Мареева С.В. (2024). Включённость россиян в образовательные практики, формирующие человеческий капитал [*Slobodenyuk E.D., Karavay A.V., Mareeva S.V.* (2024). Participation of Russians in Educational Practices Forming Human Capital] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4(182). С. 148-169. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2570.

Снегирева О.А. (2024). Типологические стратегии потребительского поведения населения региона (опыт социологических исследований в Алтайском крае) [*Snegireva O.A.* (2024). Typological Strategies of Consumer Behavior of the Region's Population (Experience of Sociological Researches in the Altai Krai)] // *Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров*. № 11. С. 159–163.

Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии (2003). [The middle classes in Russia. Economic and social strategies (2003). E.M. Avraamova, T.M. Maleva (Eds.)] / Под ред. Е.М. Авраамовой, Т.М. Малевой. — М.: Гендальф.

Тихонова Н.Е., Мареева С.В., Аникин В.А.,Лежнина Ю.П., Каравай А.В.,Слободенюк Е.Д. (2022). *Общество неравных возможностей: социальная структура современной России.* [*Tikhonova N.E., Mareeva S.V., Anikin V.A.,Lezhnina Y.P., Karavay A.V., Slobodenyuk E.D.*(2022). Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia]. — М.: Весь Мир.

Цыбикова Д.Г. (2010). Потребительские установки россиян [*Tsybikova D.G.* (2010). Consumer Attitudes of Russians] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4 (98). С. 40–51.

«Чёрный лебедь» в белой маске: Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 (2021). [*The Black Swan in a White Mask*: HSE Analytical Report on the Anniversary of the COVID-19 Pandemic (2021).]. — М.: НИУ ВШЭ.

Шабанов В.Л. (2021). Потребительское поведение сельских домохозяйств: факторы и особенности [*Shabanov V.L.* (2021). Consumer Behavior of Rural Households: Factors and Features] // *Общество: социология, психология, педагогика*. № 10 (90). С. 25–30. DOI: 10.24158/spp.2021.10.3.

Шабанова М.А. (2024). Этичное потребление: теоретическое представление и вклад в дискуссию [*Shabanova M.A.* (2024). Ethical Consumption: Theoretical Concepts and a Contribution to the Debate] // *Вопросы экономики*. № 7. С. 53–80. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-7-53-80.

Inglehart R., Welzel C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence.* — Cambridge: Cambridge University Press.

Логинов Дмитрий Михайлович
loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov
PhD (Econ), Senior Researcher, Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
loginov-dm@ranepa.ru

Малева Татьяна Михайловна
maleva-tm@ranepa.ru

Tatiana Maleva
PhD (Econ), DBA, Director of the Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russian Federation
maleva-tm@ranepa.ru

INFLATION, COST SAVING AND ONLINE PURCHASE: CONSUMPTION BEHAVIOUR OF RUSSIANS IN THE FIRST HALF OF 2020[2]

Abstract. Basing on materials of representative sociological surveys held in 2022–2024, consumer practices features implemented by Russian people in actual socio-economic conditions have been analyzed. It has been shown that inflation has become usual context in consumer practices for most Russians in recent years, meanwhile frontal price growth is noticeable for all groups of Russian society. Crisis phenomena emerged in the fact that earlier habitual categories of goods and services moved into deficit on consumer market in 2022. The major problems were delt with drugs and remedies in that period. Use of Internet has persistently established in regular consumer practices of wide groups of Russian population. More than half of respondents use distant opportunities when resorting to various services and purchasing non-food products. While maintaining age and territorial-settlement disproportion there have been noted intensive involvement in online consumption among traditionally falling behind in this relation groups: representatives of elderly cohort and those who live in small settlements. The base characteristic of Russian people's consumption strategy is mass transition to forced consumer saving when dominant and often the only factor of acquired goods choice is its minimal price in the line of possible analogues. This problem is mass and stable: the vast majority of those for whom it is relevant do not expect improvement in their life conditions on a foreseeable time horizon.

Keywords: *population, consumption, consumption practices, socio-economic behavior, level of life, quality of life, inflation.*
JEL: E21, Z13.

[2] The article was prepared within the framework of the state assignment of RANEPA.

А.В. Ковалёв
к.э.н., доцент, Белорусский национальный технический университет (Минск, Беларусь)

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ

Аннотация. В статье рассмотрена хозяйственная деятельность одного из религиозно-рыцарских орденов раннего Средневековья — Ордена Храма, или тамплиеров. Изложена краткая история Ордена, проанализированы способы первоначального накопления капитала — пожертвования, хозяйственная деятельность в виде транспортных и охранных услуг паломникам и временное трастовое управление их имуществом, налоговые льготы. Сделан вывод, что организационное устройство Ордена было ориентировано в равной степени на обеспечение эффективности управления и военной составляющей, и хозяйственной деятельностью, свидетельством чему равновеликий титул европейских руководителей прецепторий и палестинского руководителя Ордена — Великий магистр. Предпринята попытка классификации видов хозяйственной деятельности, позволивших Ордену достичь небывалого богатства. Наряду со стандартной организацией сельскохозяйственной и коммерческой деятельности в сельских и городских командорствах соответственно наибольшую выгоду Ордену приносили финансовые операции, некоторые из которых являлись пионерными. Честность и безупречная репутация верующих людей снискали Ордену славу надёжного партнёра. Инновационные инструменты в виде текущих счётов, вексельно-чекового обращения и денежных переводов благоприятствовали развитию отдельных бизнесов и международной торговли в целом. Орден внёс значительный вклад в формирование единого европейско-средиземноморского экономического пространства.

Ключевые слова: *тамплиеры, финансовые операции, процент.*
JEL: N13, N23, J20
УДК: 338(091), 336.781, 271.024
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_159_167
© А.В. Ковалёв, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ковалёв А.В.* Хозяйственная деятельность ордена тамплиеров // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 159–167. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_159_167.
FOR CITATION: *Kavaliou A.* Economic Activity of The Templar Order // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 159–167. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_159_167.

Введение

Орден бедных рыцарей Храма, более известный в русскоязычной литературе как Орден тамплиеров (от Temple — храм) — один из наиболее известных средневековых духовно-рыцарских орденов. После чуть менее двух столетий существования наследие ордена в аспектах совершенствования хозяйственных практик и институтов оказалось настолько солидным, что некоторые исследователи отводят ордену не только пионерную роль во многих аспектах банковской деятельности того времени, но и ключевое значение в деле сплочения в единое экономическое пространство средиземноморской цивилизации.

Так или иначе, Орден создал первую в истории наднациональную финансовую систему, и опыт хозяйственной деятельности тамплиеров является предметом изучения

многих поколений историков, правоведов и экономистов. Целью настоящей статьи является попытка систематизации инструментов хозяйственной деятельности, которые позволили Ордену достичь финансового могущества.

В первой части работы изложена краткая история Ордена, во второй анализируется процесс формирования начального капитала ордена и организационное устройство управления хозяйственными операциями, в третьей рассматриваются инструменты финансово-хозяйственной деятельности, после чего сделаны выводы.

Краткая история Ордена

Первый Крестовый поход привёл к образованию в 1098–1102 гг. на Ближнем Востоке четырёх христианских государств — графства Эдесса, Антиохийского княжества, Иерусалимского королевства и графства Триполи — на территориях современных Израиля, Ливана, Сирии и юго-востока Турции. Завоёванные земли требовали организации хозяйственного-социального управления ими, но власти во главе с избранным королём Готфридом Бульонским, а позже его преемником Балдуином II были озабочены в большей степени удержанием территорий под натиском мусульман, усмирением местного населения, а также необходимостью пресечения грабежей и мусульманами, и просто бандитами всех мастей [*Перру*, 2001]. Усугублялась ситуация оттоком европейских рыцарей, выполнивших провозглашённую миссию похода — освобождения Гроба Господня — на родину. В этой ситуации и возникают монашеские рыцарские ордена. Хронологически первым в 1098 г. был основан Орден Св. Иоанна (госпитальеров), основная задача которого изначально заключалась в заботе о больных и раненых пилигримах, но вскоре миссия расширилась до защиты Святой земли. Орден рыцарей Храма (тамплиеры) был образован французскими дворянами во главе с Гуго де Пейном, ставшим первым магистром, в 1119 г. Ордену предписывалось защищать и охранять идущих в Иерусалим паломников от бандитских нападений.

Основатели Ордена не были богатыми, и вступая в Орден, среди трёх монашеских обетов они давали обет бедности второй степени, в соответствии с которым всё их имущество являлось собственностью братства (высшая, первая степень обета предусматривала полный отказ от собственности). Бедность стала визитной карточкой Ордена: по преданию, на двоих у них была поначалу только одна лошадь, что отражено на печати Ордена — конь с двумя всадниками. Щепетильность данного обета поддерживалась в ордене со всей строгостью: если в одежде умершего брата обнаруживали деньги, его душа не получала отпевания, и хоронили его в неосвящённой земле [*Лобе*, 2006. С. 34]. Король Балдуин оказал начальную помощь ордену, предоставив ему резиденцию на территории разрушенного Храма Соломона и передав небольшие участки земли в окрестностях Иерусалима «для прокорма».

Взлёт Ордена начался после Собора в Труа в 1128 г., на котором был принят Устав ордена, одобренный Папской буллой, и призывом именитых клириков о помощи Ордену. Имущество тамплиеров увеличивалось экспоненциально — и проблем с финансированием обеспечения военной деятельности у них более не возникало.

Рыцари Ордена сражались с мусульманами во всех точках боевых столкновений: в землях Палестины они были участниками всех пяти Крестовых походов общеевропейского рыцарства, Крестовых походов императора Фридриха II Гогенштауффена, герцога Тибо Шампанского, принца Ричарда Корнуэльсского, королей Людовика IX и Эдуарда I Плантагенета. Между походами именно монахи-рыцари были основной противостоящей мусульманам силой. После потери Иерусалима в 1187 г., сопровождавшейся казнью египетским султаном всех пленённых рыцарей Ордена, тамплиеры перенесли свою

ближневосточную резиденцию в Акру. Её потеря в 1291 г. означала конец Иерусалимского королевства — и тамплиеры направились на Кипр. Впрочем, у Ордена к тому времени были ещё две мощнейшие резиденции, в Париже и Лондоне, и обилие земель по всей Европе. Правители Арагона, Кастилии, Португалии предоставляли земли за участие рыцарей в войнах с магометанами на Пиренейском полуострове. Участвовали они и в походе на Тунис, и в составе общего войска европейского рыцарства в битве против монголов при Легнице, где погибли шесть рыцарей [*Пирс*, 2007], и в различных «местных» военных интригах. Из 23 Великих Магистров 13 погибли в боях [*Бордонов*, 2004. С. 60].

В 1306 г. по приглашению Папы Великий Магистр с остатками Ордена прибыли из Кипра во Францию, не подозревая о готовящемся заговоре. Уже через год по всему королевству в один день по приказу короля Филиппа IV Красивого были арестованы все члены Ордена, а имущество конфисковано. Спустя месяц Папа Климент V призвал всех европейских государей арестовать рыцарей, а в 1312 г. официально распустил Орден. Инквизиционный процесс продолжался несколько лет, рыцари то давали признательные показания в ереси, то отказывались от них — в итоге в 1314 г. два высших сановника Великий Магистр Жак де Моле и приор Нормандии были сожжены (а до того подобной смерти были подвержены ещё не менее полутора сотен тамплиеров во Франции и Лотарингии), многие приговорены к тюремному заключению. В других странах участь арестованных была легче, а кое-где они были оправданы (подробнее см. [*Фо*, 2006]). Тем не менее Орден как отдельная организация перестал существовать.

Начальное накопление капитала и организационное устройство Ордена

Первые пожертвования Ордену Храма в Европе начались ещё до Собора в Труа: вступившие в орден графы Шампани и Анжу вместе с обетом бедности передали Ордену значительное имущество. Они и ряд иных братьев, вернувшихся на родину, вели успешную агитацию за вступление в Орден и пожертвования ему. Но особенно интенсивными пожертвования стали после публикации обращения «Похвалы новому воинству Храма», написанному св. Бернаром, аббатом Клерво в 1130 г.

В 1128 г. Тереза Португальская даровала Ордену замок Сюр на границе с мусульманами; в 1130 г. Лотарь II Саксонский передал ему большую часть своих наследных земель, в 1131 г. король Наварры и Арагона Альфонсо I завещал тамплиерам оба своих королевства (впрочем, после его смерти местное дворянство доказало ничтожность сделки по Наварре, а в Арагоне Орден получил много земель, часть налогов с мавров и право взимать пошлины). В целом за два десятилетия после Собора в Труа Орден получил огромное количество имений во Франции, Лотарингии, Голландии, Бретани, Англии и Шотландии. В Англии были получены земли в Эссексе, городок Эксхольм, а после Второго Крестового похода братья Гастингсы передали имение Темпл-Хёрст.

Кроме того, отвоёванные рыцарями земли в Палестине также становились их собственностью — и в пору наибольшего расцвета Ордену принадлежали многочисленные виноградники и хозяйства в Антиохийском княжестве, Триполи, Палестине, владения Иерусалиме, Газе, Цфат, Яффо, Шато-Пелерин, «дом» в Алеппо. Город Акра, куда переместилась резиденция Ордена после утраты Иерусалима, являлся средоточием международной торговли, куда стекались караваны из азиатских стран и корабли с товарами из стран европейских. Годовой доход иерусалимской короны от Акры составлял более 50.000 фунтов серебром, что на тот момент превышало суммарный доход короля от всех земель Англии [*Пирс*, 2007. С. 269].

Дополнительным нематериальным активом Ордена стала поддержка со стороны светских и религиозных властей. После первого папского денежного пожертвования

Ордену в 1135 г. через четыре года Папа Иннокентий II издаёт Буллу, которая выводила Орден из национальных юрисдикций напрямую в папское подчинение, освобождала от налогов и гарантировала беспрепятственное пересечение границ. Позже в Англии сначала Иоанн Безземельный освобождает Орден от налогов, а Генрих III подтверждает освобождение от земельного налога, налога на скот и подённых наёмных работников.

Англия и Франция становятся основными центрами могущества Ордена тамплиеров в Европе. Уже после первоначальных жертвований в Англии создаётся должность прецептора/приора для управления имуществом, позже трансформированная в Гранд-приора (с появлением региональных субприоров), а ещё позже — в Магистра Храма. Лондонский храм тамплиеров Темпл был освящён в 1185 г., и глава Ордена в Англии носил титул первого барона королевства и являлся членом парламента. Во Франции Казначей Ордена ex officio являлся советником короля по финансам — членом Королевского Совета.

По мере становления Ордена сформировалась следующая организационная структура управления. Всё братство делилось на рыцарей, сержантов и оруженосцев (военная часть), капелланов и услужающих братьев. На Святой Земле Орден возглавлял Великий Магистр[1], избиравшийся братьями как должностное лицо. Он действовал в тесной взаимосвязи со своим штабом: сенешалем (заместителем), маршалом (главнокомандующим), командорами Иерусалимского королевства, Триполи и Антиохии, кастеляном (ответственным за одежду), подмаршалом (ответственным за вооружение и снаряжение), туркоплье (командовавшим братьями-служителями и мирным населением) и гонфалонье (командовавшим оруженосцами, не принадлежавшими к Ордену) [*Бордонов*, 2004. С. 170–177].

В Европе руководил деятельностью Ордена приор, позже приорат формировался в каждой из значительных земель, где действовал Орден — Франции, Англии, Пуату[2], Арагоне, Португалии, Венгрии, Апулии [*Бордонов*, 2004. С. 171]. Приор занимался не только управлением имуществом братства на подконтрольной территории и отправкой доходов в Святую Землю, но также и принимал в Орден новых членов. Оценить значимость должности можно через тот факт, что вторым Великим магистром был избран приор Ордена в Европе Робер де Краон, а третьим — приор Франции Эврар де Бар.

Наименьшей единицей являлась прецептория (часто в литературе используют для именования также слово «комтурство» или «командорство», как назывались они в других орденах) — как правило, это был замок с окружающими землями. Разные исследователи оценивают количество прецепторий во Франции от 566 [*Бейджент, Ли*, 2005] до 700 [*Бордонов*, 2004]. В прецепторию входило до 12 доменов. Если прецептория была сельскохозяйственная, то она включала от 400 до 3000 гектаров земли, фермы, мельницы, пекарни. Существовали и городские прецептории, специализировавшиеся на коммерческой деятельности.

Прецептории объединялись в бальи (бальяжи, бейливики). В Кастилии и Леоне у Ордена было 24 бейливика, в Португалии — около 20 замков с окружающими деревнями, в Арагоне — более десятка замков, города Борха и Тортоса, им принадлежала десятая часть всех налогов королевства и все налоги с городов Уэска и Сарагоса [*Эддиссон*, 2017. С. 84–85].

Иерусалимская часть Ордена называла глав европейских провинций приорами, или прецепторами, но по мере роста числа прецепторий для того, чтобы отличать их от обычных прецепторов, название было изменено на Гранд-приор, а позже и Магистр Храма. Центральной резиденцией во Франции и Нидерландах являлся парижский Тампль,

---

[1] В действительности приставка «Великий» появилась в более поздних документах и в целях отличия Верховного Магистра от Магистров Храма в Европе.

[2] После брака герцогини Алиеноры Аквитанской с королём Генрихом II Плантагенетом графство Пуату как часть её владений перешло к английской короне и до конца XIV в. оставалось спорной территорией.

а в Англии — лондонский Темпл. Управление в них было организовано по образцу Иерусалима: магистр Храма Англии/Франции «…созывал капитулы … избирали сенешаля, маршала, драпьера…» [*Эддиссон*, 2017. С. 95]. Годовой доход Ордена тамплиеров в Европе составлял до 6 000 000 фунтов стерлингов, а общее количество прецепторий — до 9 000. Таким образом, организационное устройство Ордена было ориентировано на обеспечение эффективности управления и военной составляющей, и хозяйственной деятельностью.

Виды и инструменты финансово-хозяйственной деятельности

Все виды хозяйственной деятельности Ордена целесообразно разделить на сельскохозяйственные, коммерческие, промысловые и финансовые.

Типичное сельскохозяйственное командорство основывалось на пожертвованных местными дворянами землях и расширялось посредством новых пожертвований или покупки дополнительных участков. Располагавшиеся рядом с командорством земли управлялись непосредственно услужающими братьями, а отдалённые участки сдавались в аренду свободным крестьянам-вилланам. Письменные источники сохранили описание состава имущества, работников и внутреннего устройства ряда командорств. Так, в 1307 г. в небольшом командорстве Божи в Нормандии имелось 18 акров (в 1 гектаре приблизительно 2,5 акра) посевов пшеницы и ржи, 24 акра — ячменя и кормов, 14 акров гороха и 6 вики; 14 молочных коров, 3 тёлки, 8 телят, 2 взрослых быка и ещё 3 головы рогатого скота (бычки или волы), 98 свиней, 8 упряжных кобыл, 8 жеребят, конь командора и 5 пахотных и ломовых лошадей, многочисленное количество домашней птицы. Инвентарь состоял из трёх железных плугов и 3 телег. Кроме того, в закромах находился не только свой урожай, но и выплачиваемая зерном рента. Опись отмечает, что в обители было 20 кроватей, хотя кроме командора, капеллана и писаря никого более не упоминает. На хозяйство работали 1 пастух, 1 скотник, 1 смотритель за жеребятами, 6 пахарей, 1 привратник, 1 пекарь, 1 пивовар, 2 комнатных лакея, 1 лесничий, 3 молочника, 1 младший свинопас, 1 лакей командора и 3 престарелых лакея, поставленных на довольствие — всего, вместе с другими работниками, 25 человек. Кухонная утварь была абсолютно адекватной типичному хозяйству того времени, а наличных денег не было вообще — все они были вложены в текущие платежи [*Бордонов*, 2004. С. 138–140].

Командорство Мадлен в городке Провен в Шампани специализировалось на коммерческой деятельности. Тамплиеры были собственниками сдаваемых в аренду 70 домов с садами и лавок на людных улицах. Им принадлежала мельница, причём плата за помол была низкой, но по феодальной привилегии (баналитету) хлеб из полученной муки можно было выпекать только в пекарне тамплиеров. Было организовано и производство вина. Провен являлся центром одной из наиболее известных ярмарок: торговля шла полтора месяца в мае-июне и весь ноябрь. Командорство купило у графа Шампани право взимать налог с продажи шерсти, кож и пряжи; позже — приобрели монополию на мясо, шкуры и торговлю зерном [*Бордонов*, 2004. С. 143-144]. Доход от деятельности частично направлялся в Святую Землю, а частично вкладывался в расширение деятельности и финансовые операции.

Важным источником доходов Ордена являлась организация флота. Сначала корабли использовались для доставки на Ближний Восток рыцарей, и уже на этой стадии иметь собственные корабли оказалось выгоднее, чем фрахтовать суда у купцов. К середине XIII в. флот тамплиеров ежегодно перевозил из портов Италии, Франции и Испании в Палестину 6 000 паломников, при этом суда Ордена всегда шли в сопровождении боевых галер, а благопристойность тамплиеров давала пассажирам гарантию, что они не будут проданы в рабство в каком-нибудь мусульманском порту, как это случалось с пассажирами купеческих

судов [*Бейджент, Ли*, 2005. С. 95]. Кроме того, корабли осуществляли и торговые перевозки. Купцы стремились вытеснить рыцарские Ордена из своих портов — так в Марселе допускалось присутствие только 1 судна каждого Ордена одновременно, рейсы могли осуществляться только 2 раза в год, что привело к переносу активности в другие порты [*Бейджент, Ли*, 2005. С. 95]. К слову, после ареста всех тамплиеров и разгона Ордена следы флота никто не обнаружил.

Наибольшую же известность и доход Ордену приносили финансовые операции, отличавшиеся широким многообразием — можно насчитать до дюжины различных инструментов. Самыми типичными являлись депозитные и кредитные операции. Хранение наличных денег и драгоценностей в банке являлось обычным действием для дворян и зажиточных горожан Средневековья. Стандартная ставка оплаты составляла 0,5% годовых. Конкурентным преимуществом Ордена была абсолютно надёжная защита, поскольку хранение осуществлялось в замках и крепостях под охраной, к тому же действовал религиозный иммунитет — нападение или кража в замке-монастыре считалась святотатством. Парижский Тампль занимал территорию в несколько гектаров, «квартал тамплиеров» был окружён стеной, в центре располагалась башня высотой 50 м и размерами 19,5 × 13,5 м. Толщина стен достигала 2,27 м. Башня имела 4 этажа и верхний этаж — смотровую дозорную площадку, крыша опиралась на зубцы стен, окружавших её. В стене, окружавшей квартал, были сделаны окошки, через которые принимались депозиты и выдавались ссуды, пенсии, ренты, прочие суммы [*Бордонов*, 2004. С. 147, 151]. Сеньоры, паломники, купцы доверяли Ордену значительные вклады.

Со времён Филиппа Августа королевская казна Франции хранилась в парижском командорстве. В Англии в Темпле хранились деньги и драгоценности графа Кентского, и когда тот попал в немилость и был заключён под арест, король Генрих III угрозами потребовал от тамплиеров вернуть эти деньги ему как якобы украденные. Король получил отказ, поскольку договор не предполагал передачи имущества третьему лицу без разрешения вкладчика, — и только письменное поручение герцога привело к передаче имущества в казну короля, которая, к слову, также хранилась в Темпле, как с 1261 г. и сама английская корона. Туда же помещали собранные с английских епископств подати папские легаты; равно как и аннуитеты с английских вельмож в пользу короля [*Эддиссон*, 2017. С. 99–100].

Конечно же, такая щепетильность и твёрдость в выполнении обязательств снискали тамплиерам славу надёжных хранителей. Интересно, что Храму тамплиеров в Париже было доверено хранение договора между Людовиком Святым и Генрихом III — документа, представлявшего значительную ценность, а в Лондонский Темпль помещалась большая королевская печать [*Лозинский*, 1923. С. 121–122].

Ссуды представляют обратную депозитам сторону деятельности финансового учреждения — и тамплиеры, обладая значительными свободными суммами, активно ими оперировали. Такие операции вступали в противоречие с официальной доктриной церкви о запрете ростовщичества и процента, но средневековые банкиры проявляли недюжинную изобретательность для обхода ограничений. Так, авансирование и займы казне (королям) обходились без процентов. Король Англии Эдуард только в первый год своего правления оплатил Ордену 2 000 расписок на общую сумму 28 189 фунтов, причём, по крайней мере, в одном из случаев при возврате суммы он говорит не только об основном долге, но и о проценте [*Бейджент, Ли,* 2005. С. 71]. Финансировались также паломники. В этом случае договор предусматривал залог (как правило, драгоценностей и имущества), причём сумма залога превышала сумму займа, как минимум, на треть, а доходы от имущества вплоть до возвращения кредита поступали в распоряжение Ордена. Документально подтверждён договор 1135 г., когда пожилая пара отправилась на Святую Землю на корабле тамплиеров на условиях передачи в трастовое управление на период паломничества своего хозяйства с отчуждением в пользу Ордена полученных доходов.

Наконец, имело место обычное ростовщичество. Привилегированное положение и высокая эффективность хозяйствования позволяли Ордену предоставлять кредиты под 12% годовых, в то время как их конкуренты — ломбардские банкиры — применяли ставки вдвое большие, 24%. Процент маскировался различными способами: кредитный договор предусматривал штрафные санкции за неисполнение договора в срок, в договор вписывалась изначально завышенная сумма займа по сравнению с фактической и т.п. (подробнее см. [*Уэрта де Сото*, 2008]). В условиях наличия спроса на заёмный капитал общественное мнение также снисходительно относилось к формальному нарушению религиозных ограничений, особенно если дело касалось инвестиционного соглашения, а не займа денег малоимущими для выживания (подробнее см. [*Ковалёв*, 2023]). Тамплиерам разрешалось закладывать штрафные санкции за просрочку в размере 60%, в то время как евреям-ростовщикам на 17% меньше [*Бейджент, Ли,* 2005. С. 70]. Обязательства должника в случае его смерти переносились на наследников, при этом речь шла об основной сумме долга, а вопрос о штрафных процентах за просрочку мог рассмотреть суд [*Лозинский*, 1923. С. 125–126)].

Орден был вовлечён в инвестиционную деятельность. В 1191 г. король Ричард Львиное Сердце продал тамплиерам захваченный им у Исаака Комнина, осмелившегося пленить сестру Ричарда, остров Кипр. Цена сделки составила 100 000 безантов (золотых византийских монет), что соответствует 300 000 фунтов, при этом на 40 000 безантов королю был открыт депозит, а остальная сумма должна была выплачиваться за счёт доходов от острова. Однако уже через год был произведён обратный выкуп острова потерявшим Иерусалимскую корону Ги де Лузиньяном, и Орден запросил у того сумму в 100 000 безантов с тем же начальным взносом [*Близнюк*, 2016. С. 60]. Как минимум, годовой доход острова стал чистым доходом Ордена.

Ещё одним источником доходов Ордена стало вознаграждение за сбор экстраординарных налогов как светскими властями, так и папским престолом. Папа Иннокентий III в 1201 г. ввёл налог 1/50 на доходы от аббатств и поручил сбор Ордену, Гонорий III таким же образом собирал налог в размере 1/20 доходов [*Лозинский*, 1923. С. 129].

Доверительные отношения с казной касались и обмена старых денег на новые, с меньшим содержанием серебра либо за счёт общего веса, либо за счёт меньшей пробы. Такую операцию Орден проделал в 1294 г. в пользу английского короля во время начавшейся войны с Францией.

Конечно же, стандартной операцией, приносящей доход, являлся обмен денег. Многообразие чеканившейся валюты требовало знания её металлического содержания и проверки. Опытные финансисты успешнее других справлялись с данной задачей.

Орден принимал в трастовое управление имущество. Одним из наиболее известных случаев является передача французским королём в 1158 г. замка Жизор и ещё двух владений, которые по мирному договору с английским королём секвестировались и в будущем становились собственностью последнего после обручения их детей. Через два года обручение состоялось в присутствии Магистра Храма Англии и других тамплиеров — и Орден надлежащим образом выполнил условия [*Эддиссон*, 2017. С. 98]. В этом эпизоде Орден получил вознаграждение ещё и за охрану имущества замка.

Что особенно ценно — Орден изобрёл новые финансовые практики. На имя вкладчика открывался и обслуживался текущий счёт, который можно было пополнять, поручать выдать с него определённые суммы, зачислять на него принадлежащие владельцу ренты, королевские пенсии и субсидии, подлежащие возврату долги и суммы по контрактам, завещать суммы со счёта. Даже королевская казна поначалу числилась как отдельный счёт, и Орден следил за исполнением штрафов и иных платежей в казну. Бывало, что владельцу счёта предоставлялась услуга аудита деятельности арендатора и определение справедливости сумм ренты.

Владельцы счетов получали возможности пользоваться выгодами от безналичного обращения: во-первых, для двух контрагентов торговой сделки не требовались фактические деньги: достаточно было сделать перезапись на их счетах, что облегчало трансакции; во-вторых, наличие широкой сети прецепторий по всей Франции позволяло легко снимать и пополнять счета в любой из них. Последнее привело и к организации вексельного перевода денег: европейский купец оформлял денежный аккредитив в Париже или Лондоне, получал на руки соответствующий документ, после чего мог снять сумму, к примеру, в Акре, причём система тайных кодов оберегала владельца денег от похищения векселя. Стоимость подобной услуги составляла 1–2% от суммы.

Наконец, обширная система коммуникаций логично привела Орден к организации наиболее скоростных почтовых отправлений.

Финансовые новации тамплиеров явились мощным инструментом поддержки развития международной торговли, проявляясь как в снижении издержек и рисков непосредственно торговли, так и в выполнении функции финансового посредника в движении денежных средств. По оценкам исследователей, доля тамплиеров в общеевропейском кредитовании была выше доли и евреев-ростовщиков, и итальянских торговых домов — прото-банков, причём в некоторые годы в руках Ордена концентрировался весь свободный капитал Европы [*Бейджент, Ли*, 2005. С. 70].

История оставляет открытым вопрос о том, каким образом были изобретены или заимствованы инновационные финансовые практики: различные гипотезы упоминают в качестве наставников тамплиеров-банкиров еврейских каббалистов и итальянских ростовщиков (один из творцов системы брат Эсташ был по рождению ломбардцем). Ведение бухгалтерских книг в форме шахматной доски является очевидным прообразом системы двойной записи, потому можно говорить и о вкладе Ордена в совершенствование бухгалтерского дела. Разгром Ордена Филиппом Красивым, именуемым также и Фальшивомонетчиком за его страсть к безудержному расточительству бюджета и порче монеты, не принесла королю ожидаемых дивидендов — казна Ордена в части наличных оказалась практически пуста, отследить должников с обязательствами перед Орденом оказалось невозможным, а имущество по требованию Папы было передано в большей части другим орденам.

Краткие выводы

Рыцари Ордена оставили противоречивый след в европейской истории. Невзирая на обеты целомудрия и бедности, они вели достаточно разгульную жизнь, а выражение «пить как тамплиер» стало устойчивым выражением средневекового английского языка[3]. Признание некоторых братьев в ереси во время судебных процессов поставило под сомнение чистоту их веры даже перед лицом понимания способов получения таких показаний. Итоговое поражение многократно превосходящим силам исламских правителей в Палестине несколько умаляют великое мужество рыцарей. В то же время честность и неподкупность в финансовых делах снискали им славу надёжных контрагентов. За почти два столетия деятельности Орден Храма не имел *ни одного* конфликта по вопросам финансовой деятельности — даже на судебном процессе не было ни одного упрёка в их адрес относительно несоблюдения договоров [*Бейджент, Ли,* 2005. С. 72]. В определённом смысле можно говорить о создании Орденом первой транснациональной финансовой организации, способствовавшей сплочению различных средиземноморских земель в единое экономическое пространство.

[3] Есть мнение, однако, что эта поговорка является искажением старофранцузской фразы «пить как тамприер», подразумевавшей стеклодувов, работавших на выплавке стекла в страшной жаре и вынужденных поглощать много жидкости. Не исключено, что это выражение стало применяться к тамплиерам, страдавшим от жажды в Палестине и выпивавших не меньше, чем европейские стеклодувы [*Амбелен,* 1993. С. 35].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Амбелен Р. (1993). *Драмы и секреты истории. 1306–1643.* [*Ambelain R.* (1993). Drames et Secrets de l'Histoire. 1306-1643]. — М: Прогресс–Академия.

Бейджент М., Ли Р. (2005). *Храм и ложа: От тамплиеров до масонов: История ордена от 1307 г. до наших дней* [*Balgent M., Leigh R.* (2005). The Temple And The Lodge. History Of The Order Since 1307 To Our Days]. — М.: Эксмо.

Близнюк С.В. (2016). *Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII — XV веках:* Дис… д-ра ист. наук [*Blizniuk S.V.* (2016). The Kingdom Of Cyprus And Italian Sea Republics In XIII–XV Centuries]. URL: https://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Bliznyuk.pdf. (дата доступа: 15.03.2024).

Бордонов Ж. (2004). *Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке* [*Bordonove G.* (2004). Daily life of the Templars in the XIII century]. — М.: Молодая гвардия.

Ковалёв А.В. (2023). Проблема процента в «Венецианском купце» У. Шекспира: многообразие смыслов [*Kavaliou A.V.* (2023). The Problem of «Interest» in Shakespeare's *Merchant of Venice*: Diversity of Meanings] // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 86. С. 184–194. DOI: 10.17223/19986645/86/10.

Лобе М. (2006). *Трагедия ордена тамплиеров* [*Lobet M.* (2006). The Tragedy of Templars]. — СПб.: Евразия.

Лозинский С.Г. (1923). *Средневековые ростовщики. Страницы из экономической истории церкви в Средние века* [*Lozinskij S.G.* (1923). Medieval Usurers. The Pages of the Economic History of Church in the Middle Ages]. — Пг.: Сеятель.

Перру Р. (2001). *Крестоносцы* [*Perroux R.* (2001). Crusades]. — СПб.: Евразия.

Пирс П.Р. (2007). *Тамплиеры* [*Piers P.R.* (2007). The Templars]. — М.: АСТ: Хранитель.

Уэрта де Сото Х. (2008). *Деньги, банковский кредит и экономические циклы* [*Huerta de Soto J.* (2008). Money, Bank Credit, and Economic Cycles]. — Челябинск: Социум.

Фо Г. (2006). *Дело тамплиеров.* [Fo G. (2006). The Process of Templars]. — СПб.: Евразия.

Эддисон Ч. (2017). *Орден тамплиеров. История братства рыцарей Храма и лондонского Темпла* [*Addison Ch.* (2017). The History of the Knights Templars]. — М.: Центрполиграф.

Ковалёв Александр Васильевич
kavaliou.aliaskandr@gmail.com

Aliaksandr V. Kavaliou
Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Belarusian National Technical University (Minsk, Belarus)
kavaliou.aliaskandr@gmail.com

ECONOMIC ACTIVITY OF THE TEMPLAR ORDER

Abstract. The article examines the economic activities of one of the religious knightly orders of the early Middle Ages — the Order of the Temple, or the Templars. A brief history of the Order is presented, the methods of initial accumulation of capital are analyzed — donations, economic activity in the form of transportation and security services for pilgrims and temporary trust management of their property, tax benefits. It is concluded that the organizational structure of the Order was equally oriented towards ensuring the effectiveness of management of both the military component and economic activity, as evidenced by the equal title of the European leaders of the preceptories and the Palestinian leader of the Order — Grand Master. An attempt has been made to classify the types of economic activity that allowed the Order to achieve unprecedented wealth. Along with the standard organization of agricultural and commercial activity in rural and urban commanderies, the Order benefited most from financial operations, some of which were pioneering. The honesty and impeccable reputation of faithful have earned the Order the reputation of a reliable partner. Innovative instruments in the form of current accounts, bill and check circulation and money transfers contributed to the development of individual businesses and international trade in general. The Order made a significant contribution to the formation of a single Euro-Mediterranean economic area.

Keywords: *Templars, Financial Operations, Interest.*
JEL: N13, N23, J20.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.А. Мальцев
д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург)

С.В. Чичилимов
к.э.н., младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург)

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О ПЕРВОПРИЧИНАХ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (О работе Й. Стейнссона)

Аннотация. В научной литературе интерес к вопросам устойчивости экономического развития растёт год от года. В экономико-статистическом отношении устойчивый экономический рост является сравнительно новым феноменом, оформившимся в середине XIX в., когда динамика мирового ВВП вышла на уровень 2%. Его маховик запустила промышленная революция в Британии. За давностью времени и отсутствием доказательной базы многие её детерминанты продолжают дискутироваться. В 2024 г. свою интерпретацию концептуальных подходов различных научных школ к оценке первопричин промышленной революции предложил профессор Университета Калифорнии в Беркли Й. Стейнссон. С учётом появления новых данных и методических подходов к их обработке автор поставил перед собой задачу переосмыслить ответы на три вопроса: почему состоялась промышленная революция вообще, почему она состоялась в Британии и почему именно в XVIII–XIX вв. При всей несопоставимости сегодняшних и конкретно-исторических условий первой промышленной революции эта задача представляется практически значимой для современного этапа, когда многие страны в свою главную повестку выдвигают задачи реиндустриализаци или купирования последствий деиндустриализации. При остающейся дискуссионности многих вопросов промышленной революции в Британии можно считать доказанной принципиальную важность согласования действий при решении триединства задач, обеспечивающих устойчивый экономический рост: ускорение технологического развития, взаимоувязка (ре)индустриализации и аграрных преобразований на инновационной основе, подкрепление этих шагов институциональной донастройкой.

Ключевые слова: *промышленная революция, аграрная революция, научная революция, институциональные трансформации, управляемый технический прогресс, устойчивый экономический рост, Британия.*
JEL: N13, N53, N73
УДК: 338.1
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_168_178
© А.А. Мальцев, С.В. Чичилимов, 2025
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мальцев А.А., Чичилимов С.В.* В Продолжение дискуссии о первопричинах устойчивого экономического роста (О работе Й. Стейнссона) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 168–178. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_168_178.

FOR CITATION: *Maltsev A., Chichilimov S.* To the Continuation of the Discussion on the Root Causes of Sustainable Economic Growth (About the Survey by J. Steinsson) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 168–178. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_168_178.

Введение

Устойчивый экономический рост — сравнительно новый феномен мировой экономики. Только в XX в. среднегодовые темпы прироста глобального ВВП вышли на уровень 3% в год, а с поправкой на появление новых изделий и повышение качества продукции, по оценке МВФ, составили 3,7%[1]. Кстати, на начало первой промышленной революции (середина XVIII в.), запустившей маховик устойчивого экономического роста, его скорость не превышала 1/10 динамики (2%), сложившейся к её завершению (середина XIX в.), а до 1500 г., вообще, исходя из имеющихся данных, по образному замечанию американского экономиста исландского происхождения Йона Стейнссона, соответствовала, скорее, «черепашьим» темпам [*Steinsson,* 2024. Pp. 1–2][2]. Однако в первой четверти XXI столетия наметилось замедление роста мировой экономики с 3,4% в год в среднем за 2000–2009 гг. до 2,8% в целом за 2000–2024 гг.[3] и прогнозируемого Всемирным банком (оценка от 10 июня 2025 г.) снижения до 2,3% в 2025 г.[4] Среди прочих это обстоятельство становится дополнительным побудительным мотивом продолжения экономико-исторических исследований истоков и первопричин экономического роста.

В этом плане обращает на себя внимание увидевшая свет в 2024 г. работа профессора Университета Калифорнии в Беркли Й. Стейнссона «Как начался экономический рост? Промышленная революция и её первопричины». В ряду немалого количества фундаментальных исследований по данной теме её отличает широкое представительство концептуальных подходов различных научных школ, подчас придерживающихся противоположных точек зрения (список использованной в работе литературы насчитывает 80 первоисточников), и уважительное их переосмысление с учётом вводимой в оборот новой информации или использования новых методов оценки ранее полученных данных. Надо отдать должное автору, справедливо замечающему, что множество вопросов, прежде всего по известным причинам отсутствия прямых доказательств, остаётся дискуссионным и требует продолжения исследования.

Свои ответы Й. Стейнссон строит на основе анализа первопричин промышленной революции (ПР) в Британии. Автор предпринял попытку изложить своё видение этих процессов, отвечая на три вопроса: почему вообще произошла ПР, почему — в Британии, почему — в XVIII–XIX вв.? Й. Стейнссон сразу оговаривается, что в сложившихся научных школах консенсуса в трактовке ответов на данные вопросы нет, поэтому автор не предлагает единственно возможное их толкование.

Институциональные предпосылки промышленной революции в Британии

Автор исходит из того, что первопричинами ПР выступила взаимосвязь последействия четырёх обстоятельств: институциональных изменений, результатов эпохи Просвещения, прогресса в сельском хозяйстве и совпадения высоких заработков и дешевизны угля в Британии того периода. Хронологические рамки процесса зарождения ПР

---

[1] IMF. World Economic Outlook. May 2000. 199 p. P. 151. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2016/12/31/Asset-Prices-and-the-Business-Cycle (дата обращения:10.06.2025).

[2] Далее ссылки на страницы работы Й. Стейнссона приводятся в круглых скобках.

[3] World Bank Data. GDP Growth (Annual, %). URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG; IMF. Real GDP Growth. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD (дата обращения: 16.06.2025).

[4] Global Economy Set for Weakest Run Since 2008. World Bank. 10.06.2025. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2025/06/10/global-economic-prospects-june-2025-press-release (дата обращения: 10.06.2025).

выстраиваются следующим образом. В 1300–1450 гг. население Англии сократилось с 5,5 до 2,5 млн чел., главным образом из-за многочисленных эпидемий чумы в Европе, особенно страшной в 1348 г. Только к 1640 г. численность населения и реальные зарплаты вернулись к уровню 1300 г. Из этого делается вывод, что реального роста производительности труда в этот период в Англии не было. В 1650–1800 гг. произошёл переход от стагнации к практически современному экономическому росту 2% в год, при этом его маховик раскрутила ПР (Pp. 2–3).

Из институциональных преобразований начальными точками экономического роста в работе определены 10-летие 1640-х гг. — период Английской гражданской войны между парламентом и роялистами, завершившийся упразднением монархии и учреждением Содружества Англии, Шотландии и Ирландии, а также события Славной революции 1688 г., когда произошла окончательная смена восстановленной в 1661 г. абсолютной монархии на конституционную, существующую в наши дни. К ключевым институциональным изменениям данного периода отнесены, во-первых, парламентский запрет (1641 г.) функционирования действовавшей с 1487 г. «Звёздной палаты» (Star Chamber), использовавшейся королевской властью для борьбы с противниками абсолютизма, и требование рассматривать все вопросы, касающиеся проблем собственности, в судах общей юрисдикции; во-вторых, демонтаж феодальной организации сельского хозяйства через поощрение мобильности рабочей силы и преодоление институциональной негибкости системы открытых полей (open fields system); в-третьих, сосредоточение в руках парламента по итогам Славной революции всей законодательной власти, ставшей независимой от Короны. Профессор Стейнссон также согласен с Ч. Киндельбергером [*Kindleberger*, 1993], считающим, что политическая революция в Англии в XVII в. стала важнейшим условием преобразования финансовой системы (П. Диксон в 1967 г. вообще назвал её «Финансовой революцией» [*Dickson*, 1967]), по крайней мере, в части снижения риска захвата государством частных активов и улучшения условий, на которых правительство стало занимать деньги. Даже несмотря на значительный рост госдолга — с менее 5% ВВП накануне Славной революции до 25% ВВП в 1700 г. и 100% ВВП к началу XIX в. из-за многочисленных войн, — займы правительству дешевели: стоимость обслуживания упала с 15% годовых в 1530 г. до 3% в середине XVIII в. Это произошло ввиду способности государства обеспечить стабильно растущий поток налогов, на что одним из первых обратил внимание профессор Лондонской школы экономики П. О'Брайен [*O'Brien*, 1988]. На этот же период приходится основание Банка Англии (1694 г.), как изначально ориентированного на прибыль частного банка, занимавшегося на первых порах главным образом поиском покупателей на всё возраставший государственный долг, но уже с XVIII в. ставшего принимать на себя всё больше функций современных центральных банков, в частности функцию кредитора последней инстанции. Вообще XVIII в. ознаменовался резкой активизацией банковской деятельности, первоначально в Лондоне, затем — по всей стране. Именно банки сыграли основополагающую роль в перенаправлении финансовых ресурсов аграрного Юга в индустриализацию Севера, где появились варианты более выгодного инвестирования появившихся у аграриев дополнительных доходов.

С институциональными трансформациями в контексте увязки с запуском ПР тесно связан эффект Великих географических открытий. Й. Стейнссон обращает внимание на тонкое замечание специалистов, подчёркивающих скромный прямой эффект атлантической торговли на экономический рост, но порождённый ею крупный косвенный эффект [*Acemoglu, Johnson, Robinson*, 2005]. Прямой эффект в цифрах, действительно, выглядит не очень убедительно. Так, по подсчётам Д. Аджемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона, торговля с Новым Светом, странами Западной Африки и Азии принесла Британии (в ценах 1600 г.) до 1575 г. едва улавливаемые доходы, за 1576–1600 гг. — 40 тыс. ф. ст., 1601–1650 гг. — 200 тыс. (0,7% ВВП за период), 1651–1675 гг. — 500 тыс., 1676–1700 гг. — 900 тыс.,

1701–1750 гг. — 1700 тыс. (4% ВВП), за 1751–1800 гг. — 5 млн ф. ст. (7,5% ВВП) [Там же. Pp. 573–574], тогда как за XVII–XVIII вв. ВВП на душу населения в Британии вырос на 75% (P. 16). Крупный косвенный эффект атлантической торговли заключался в создании предпосылок для проведения фундаментальных институциональных изменений, но его проявление оговаривалось наличием в стране – участнице Великих географических открытий сравнительно мягких неабсолютистских институтов. Логика рассуждений в данном случае строится следующим образом. В странах с первоначально абсолютистской иерархией (Испания, Португалия) суверен и его приближённые жёстко ограничивали круг участников атлантической торговли. В странах с первоначально менее абсолютистским устройством (Британия, Нидерланды) атлантическая торговля смогла обогатить значительную группу лиц за пределами королевского окружения. Эти люди обрели экономическую мощь, достаточную для выдвижения требований о проведении институциональных преобразований, которые бы ограничивали власть суверена и гарантировали им защиту их прав собственности. Кстати, Франция в этом плане оказалась в промежуточном положении. До Великой французской революции 1789–1794 гг. абсолютная монархия здесь доминировала в атлантической торговле. Поэтому и экономический рост во Франции начался позже, чем в Британии и Нидерландах, но раньше, чем в Испании и Португалии, где революции упразднили монархии только в XX в.

Научная революция XVII–XVIII вв.

Взаимосвязь последействия институциональных преобразований и результатов эпохи Просвещения выступает важнейшей предпосылкой резкого увеличения количества технических инноваций в XVIII в. и, соответственно, ускорения экономического роста. Профессор Стейнссон утверждает, что ПР своим появлением обязана не одному-двум счастливым изобретениям (например, «прялки Дженни» или паровой машины Ньюкомена), а совокупности изменений, сформировавших предпосылки для технического прогресса (P. 20). Доказательство данного тезиса выстраивается «от противного».

С одной стороны, можно предположить, что на рубеже XVII–XVIII вв. в Северо-Западной Европе волею обстоятельств проживала группа ярких свободомыслящих личностей уровня Фрэнсиса Бэкона, Исаака Ньютона, Джона Локка, Адама Смита, Жан-Жака Руссо и других мыслителей. Однако тогда получается, что, например, за несколько столетий «Тёмных веков» (500–1200 гг.) на всём европейском континенте не было ни одной личности масштаба самых ярких представителей эпохи Просвещения, а на коротком по времени промежутке «долгого XVIII в.» в небольшой части европейского континента вдруг появилась плеяда выдающихся интеллектуалов. Если считать, что подлинно крупные таланты являются редкостью, то такая бросающаяся в глаза несоразмерность в частоте их появления, говоря статистическим языком, означает стремящуюся к нулю значимость исходного предположения.

С другой стороны, более точным представляется предположение, что немало ярких и свободомыслящих людей жили во все времена и практически повсеместно. Тогда возникает вопрос: почему от их творческого наследия следующим поколениям осталось совсем немного? Й. Стейнссон предлагает три ответа.

Первый: технологии сохранения и передачи знаний в предшествующие эпохи оставались примитивными и дорогими (бумага появилась в Китае 2 тыс. лет назад, но в Европе оказалась спустя 1 тыс. лет). Второй: значительная часть письменных документов безвозвратно утрачена в результате пожаров, войн и пр. (например, Великая библиотека Александрии, по одним источникам, сожжённая армией Юлия Цезаря в 48 г. до н.э., а по другим — погибшая в ходе подавления императором Аврелием восстания под предводительством царицы Зенобии в III в. н.э.). Третий (самый важный, на взгляд автора): во все

времена наиболее могущественные фигуры общества стремились подавить новые идеи и предотвратить распространение знаний, которые могли хоть как-то угрожать их интересам. Стейнссон приводит пример инквизиции, наиболее ярко иллюстрирующий этот вариант ответа (P. 21).

Что же помогло переломить ситуацию? На взгляд американского профессора, ключевым моментом стало изобретение Иоганнесом Гутенбергом в районе 1450 г. ручного типографского станка (механического пресса) с использованием подвижных литер, что позволило резко изменить баланс сил сдерживания знаний и сторонников их распространения. Й. Стейнссон именно это изобретение считает наиболее важным в плане приумножения знаний и ускорения технического прогресса (P. 22), одновременно признавая, что данный вывод, наверняка, столкнётся с возражениями двоякого рода. Замечание, что подвижной шрифт изобретён задолго до Гутенберга — в XI в. в Китае, парируется контраргументом — это не позволило революционизировать накопление знаний в Китае, так как в китайском языке нет алфавита, а используется 30 тыс. иероглифов с вытекающими отсюда сложностями для печатника. Объяснение 300-летнего временно́го разрыва между изобретением Гутенберга и началом промышленной революции объясняется необходимостью вызревания предпосылок колоссальной трансформации европейского общества.

Так, Реформация XVI в. (начиная с «95 тезисов» Мартина Лютера от 31 октября 1517 г.) привела к появлению протестантизма. За Реформацией (её окончанием принято считать подписание в 1648 г. Вестфальского мира, оформившего разделение Европы на «католическую» и «протестантскую» части[5]) последовала эпоха Просвещения, для краткости названная Й. Стейнссоном «научной революцией XVII–XVIII веков» (P. 23). Её распространению способствовало, с одной стороны, ослабление давления цензуры духовных иерархов на интеллектуальную жизнь, а, с другой, — удешевление книгопечатания. Если в 1400 г. цену одной книги усреднённого (нелюксового) качества принять за 1 ф. ст. (сопоставимо с «тогдашней» ценой лошади), то к 1600 г. оценка снизилась в 20 раз до 1 шиллинга (P. 26). Так изобретение печатного станка косвенным образом запустило Реформацию, эпоху Просвещения и через повышение общей грамотности (за 1560–1740 гг. доля земледельцев, которые в Лондоне и Мидлсексе могли расписаться в документах, возросла с 27 до 84% [*Houston*, 1982. P. 206]) закладывало предпосылки ПР.

Предпосылки аграрной революции

Средневековая Англия представляла собой феодальное государство, в котором большая часть земель принадлежала королю. По факту король предоставлял её дворянам-лендлордам в обмен на регулярные платежи и обязательство поставлять солдат на время военных действий. В XIII в. 40% земель обрабатывали крепостные, 32 — находились во владении лендлордов, 28% — свободных крестьян [*Allen*, 1992. P. 194].

Однако за 600 лет с завоевания Англии Вильгельмом Нормандским в 1066 г. и до английской Гражданской войны 1642–1660 гг. структура прав собственности на землю в Англии претерпела радикальные изменения. Первой поворотной точкой стала пандемия чумы (Black Death), перекинувшаяся из Европы в Англию в 1348 г. и её последующие вспышки, следствием чего стало столетие депопуляции населения. В этих условиях узы крепостничества слабели, лендлорды стали принимать на свои земли любых арендаторов, готовых платить ренту. Кстати, в Англии не было закона «О дезертирах-крепостных»

[5] Макс Вебер ещё в начале XX в. выделил протестантскую этику, предполагающую религиозное освящение труда, вылившееся в «дух капитализма». По Веберу, это контрастировало с учениями, в которых мирской деятельности предпочиталось стремление к морали через монашескую аскезу.

(«Fugitive Serf Law»), обязывавшего возвращать беглых крепостных к месту «приписки», не говоря уже о специфике английского крепостничества, когда вассалитет крепостного распространялся только на его лендлорда, тогда как в чужих феодальных владениях этот крепостной ничем не отличался от свободного земледельца. Поэтому к 1500 г. феодальное крепостничество в Центральной Англии практически полностью исчезло (P. 52).

Вторым поворотным моментом, приближавшим наступление аграрной революции, стало последовавшее за нормандским вторжением становление системы королевских судов (royal courts), приходивших на смену поместным судам (manor courts), администрируемых лендлордами, с очевидно в чью пользу принимаемыми решениями. Это позволило со временем королевским судам наработать практику и заложить основы английского общего права (English Common Law), действовавшего по всей стране в противовес прецедентному праву поместных судов сеньоров. К 1600 г. решениями королевских судов права собственности фермеров-арендаторов оказались существенно укреплены, что вызвало резкое увеличение числа мелких землевладельцев-йоменов (yeoman).

Окончательную точку в истории английского феодализма поставили события английской гражданской войны и последовавшего за этим периода смуты. Своим первым законом после реставрации в 1660 г. на территории Англии, Ирландии и Шотландии монархии Стюартов парламент отменил феодальные повинности лендлордов перед королём, правда, оставив в силе их права в отношении своих арендаторов. В конечном итоге в последующие 200 лет это привело к радикальной трансформации земельных отношений в Англии. С одной стороны, резко увеличилась концентрация земельной собственности, с другой — произошло существенное укрупнение фермерских хозяйств. Если классическое хозяйство йомена в XVII в. занимало в среднем 60 акров, которые обрабатывались, в основном, силами членов его семьи, то в 1800 г. фермерское хозяйство в Англии располагалось на 200 акрах, привлекая к обработке наёмный труд (wage labor). Так в сельском хозяйстве Англии постепенно сформировались три класса: богатых землевладельцев, фермеров – арендаторов крупных земельных участков и безземельных крестьян (rural proletariat) (P. 52). Как видим, переход от феодального к капиталистическому аграрному обществу потребовал одновременной трансформации прав собственности на землю и трудовых отношений в процессе её использования.

Аграрная революция: причина или следствие промышленной революции?

За 1700–1850 гг. население Англии увеличилось с 5,5 до 17,5 млн человек. Бо́льшую часть этого периода импорт продовольствия, превышавший его экспорт, составлял незначительную часть общего потребления продуктов питания в стране. Следовательно, столь крупное увеличение численности населения не могло бы состояться без резкого увеличения сельскохозяйственного производства. В частности, среднегодовые урожаи пшеницы, ячменя и овса за рассматриваемый период удвоились [*Broadberry et al*., 2015. P. 30] при сокращении доли занятых в сельском хозяйстве с 55 до менее 35% [*Allen*, 2000. P. 7]. Рост урожаев и производительности труда в сельском хозяйстве Англии в 1700-1850 гг. получил определение аграрной революции (АР) (P. 39).

Из общепризнанных причин АР Й. Стейнссон выделяет два момента. Во-первых, улучшение структуры земельного фонда — 8 млн акров пустошей удалось ввести в оборот расчисткой полей от камней, проведением осушительных работ [*Allen*, 2009. P. 62]. Во-вторых, трехполье (озимая пшеница / рожь — яровой ячмень / овес — пар*ы*) уступило место четырехпольному севообороту или «альтернативному земледелию», предполагавшему замену отдыха земли под парами высеванием трав и новых сельскохозяйственных

культур (бобовые, корнеплоды), т. е. переходу к чередованию использования земель под пашню и пастбища [*Timmer*, 1969]. Эти изменения, с одной стороны, позволили фермерам существенно нарастить поголовье выращиваемого скота (благодаря резкому сокращению отдыхавших под пар*а*ми площадей) с пропорциональным увеличением производства мяса, молочной продукции и шерсти. С другой стороны, новая организация сельскохозяйственного производства обеспечила рост урожаев в будущем за счёт повышения продуктивности пашни с накоплением азота в почве вследствие встраивания в севооборот усваивающих атмосферный азот бобовых культур и естественного удобрения земель выпасавшимся в осенне-зимний период скотом [*Allen*, 2008].

В этой связи Й. Стейнссон задаётся вопросом: почему эти крупные изменения в организации сельского хозяйства произошли в Англии только в конце XVIII — начале XIX вв.? При этом Ян де Врис подчёркивает, что данные нововведения стали известны задолго до начала XVIII в. и активно применялись, в частности, в таких передовых центрах продвинутого земледелия, как Фландрия и Ломбардия [*de Vries*, 1976. P. 39]. Один из возможных ответов — примитивность технологий распространения знаний — отмечался выше, другой — институциональная негибкость системы открытых полей, широко распространённая в Англии и Северной Европе до начала XVIII в. Ключевым институциональным преобразованием, высвободившим производственный потенциал английского сельского хозяйства и запустившим промышленную революцию, обеспечив её рабочей силой и продовольствием, многие историки считают огораживание. При этом Й. Стейнссон не скрывает, что итоги «движения огораживания»[6] дебатируются до настоящего времени. Одни видят в политике огораживания решающее институциональное преобразование, рационализировавшее права собственности на землю и создавшее предпосылки для инноваций, вызвавших к жизни АР. Другие — акт экспроприации крестьянских прав лендлордами, не оставивший безземельным крестьянам шансов на выживание в деревне (P. 42).

Если согласиться с исследователями, находящими общинное землевладение в системе открытых полей чрезвычайно неэффективным [*Ernle*, 1912], огораживание будет выступать определяющей предпосылкой АР и важнейшим предварительным условием распространения инноваций и увеличения сельскохозяйственного производства. Правда, Р. Аллен, основываясь на данных об урожаях в Южном Мидлэнде в 1450–1850 гг., показал, что урожайность на открытых фермах в целом также росла и в отдельных случаях достигала 80% урожаев на огороженных участках [*Allen*, 1992 P. 112]. Впрочем, одновременно признаётся, что институциональная ригидность открытых ферм — все домохозяйства данной деревни, работая на как бы общих землях поселения, должны были придерживаться единой схемы севооборота, выдерживать единые сроки сева и уборки урожая [*McCloskey*, 1972] — оказалась жёсткой в части допуска инноваций, но недостаточно жёсткой в плане пресечения использования успешных практик соседних (огороженных) земельных участков.

Вторым по дискуссионности — после тезиса о взаимосвязи огораживания и начала АР — в данном контексте становится утверждение, что АР запустила маховик ПР. Еще в 1953 г. Р. Нурксе отметил, что промышленная революция не состоялась бы без аграрной, в которой ключевую роль, кстати, отвел корнеплодам (в первую очередь турнепсу или кормовой репе), изменившим структуру севооборота и позволившим поднять в секторе производительность труда, обеспечив промышленность высвобождавшейся рабочей силой, а города — достаточным предложением продовольствия [*Nurkse*, 1953. P. 52–53]. Соглашаясь с ним в оценке значения повышения продуктивности сельского хозяйства для широкомасштабного промышленного развития, Й. Стейнссон одновременно замечает, что

[6] Р. Аллен установил, что огораживание появилось в Англии в XIII в. На первоисточниках Южного Мидлэнда он выявил две крупных волны огораживания: 1550–1650 гг. и 1750–1850 гг. с разными первопричинами, но схожими последствиями [*Allen*, 1992].

взаимосвязь данных процессов многовариантна и — по получении новых данных — будет продолжать дебатироваться. Например, в одной из сравнительно недавно опубликованных работ учёные заявляют о выявленном факте, который предшествовал ПР: а именно «революции трудолюбия» («industrious revolution»), когда работник стал работать больше часов в день и дней в году [*Humphries, Weisdorf*, 2019], что частично снижало показатели роста производительности труда в период АР, полученные Р. Алленом [*Allen*, 2000]. Впрочем, сам Р. Аллен, опираясь на результаты своих исследований, в 2009 г. сделал вывод: аграрную революцию вызвал рост городов, так как высокие доходы жителей Лондона и Амстердама стали притягивать сельских жителей в города, стимулируя применение инноваций в сельском хозяйстве, прежде всего через сбережение земли (интенсификацию севооборота) [*Allen*, 2009]. Попутно специалисты [*Acemoglu, Johnson, Robinson*, 2005] обратили внимание на важный нюанс: АР захватила только те страны Европы (Британию, Нидерланды, Испанию, Португалию), которые оказались в наибольшей степени готовы к росту трансграничной торговли и массивной атлантической экспансии в начале рассматриваемого периода («First Great Divergence» или «Первое великое расхождение»). В этих странах ускорился рост благосостояния и населения, что резко увеличило спрос и цены на продовольствие, предопределив выгодность технических новаций в сельском хозяйстве и, соответственно, ускорение АР.

Дополнительные факторы зарождения промышленной революции в Британии

Вопрос о том, почему ПР произошла именно в Британии и именно в XVIII в., до сих пор остаётся одним из самых дискуссионных. Да, за редкими исключениями большинство важнейших промышленных инноваций XVIII — начала XIX вв. появились в Британии. Однако многие из этих изобретений основывались на научных открытиях, сделанных на континенте, но получивших именно в Британии и именно в XVIII в. своё инженерно-промышленное освоение.

В отношении важнейших предпосылок ПР, включающих институциональные преобразования, плоды эпохи Просвещения и результаты АР в научном сообществе достигнут консенсус. Однако нельзя не обратить внимание, что плоды эпохи Просвещения интеллектуально обогатили всю Европу, а по продуктивности сельского хозяйства Англия до 1700 г. существенно уступала Бельгии, которая по этому показателю, в свою очередь, серьёзно отставала от региона в дельте реки Янцзы. И только по результативности институциональных преобразований к концу XVII в., выразившихся в наиболее высокой степени предоставленных населению свобод и появлении в XVIII в. «капиталистически ориентированного» (capitalist-oriented) правительства, Англия, похоже, не имела себе равных (P. 58).

Признавая важность и необходимость этих трёх предпосылок, Р. Аллен одновременно отмечает их недостаточность для зарождения ПР в Британии в XVIII в. [*Allen*, 2009]. На взгляд профессора Университета Британской Колумбии, решающими дополнительными факторами выступили самые высокие в Европе в XVIII в. заработки и самая низкая цена угля. Комбинация этих условий стала мощным стимулом для английских предпринимателей к поиску и внедрению трудосберегающих инноваций, особенно в плане замены ручного труда машинами, приводимыми в действие энергией, получаемой от использования дешёвого угля.

В общем виде концепция Р. Аллена схематично выстраивается следующим образом. Индустриализация началась с инноваций, сберегающих труд, так как доиндустриальный мир машин практически не знал. После их изобретения стала возможной следующая фаза технического прогресса, в ходе которой появилось значительное количество инноваций, сберегающих капитал (например, усовершенствования парового двигателя и текстильного станка). Однако запуск этих процессов оказался возможен только в экономике высоких

зарплат, сделавших выгодным изобретение первоначально крайне неэффективных машин. Например, паровая машина Ньюкомена на получение 1 (в л.с.) часа механической энергии расходовала 45 фунтов угля. Это делало экономически оправданным её использование только для откачки воды из богатых углем шахт. После многочисленных усовершенствований, выполненных Дж. Смитоном, Дж. Уаттом и другими инженерами, расход угля снизился до менее 1 фунта к началу XIX в., что обеспечило широкое применение парового двигателя в различных машинах и агрегатах [*Allen*, 2009. P. 164–165].

Й. Стейнссон признаёт, что предположение Р. Аллена о высоких заработках как ключевом преимуществе британской промышленности[7], стимулировавшем трудосберегающие инновации, вызвало у специалистов в области экономической истории [*Kelly, Mokyr, O'Grada,* 2014; *Stephenson*, 2018] целый ряд встречных вопросов. Во-первых, не могли ли эти высокие заработки, напротив, снизить конкурентоспособность английской промышленной продукции и отпугнуть инвесторов? Во-вторых, не могли ли, от обратного, низкие заработки, в свою очередь, стимулировать инновации, сберегающие другие факторы производства, т.е. землю и капитал? В-третьих, нет ли оснований предполагать, что в таком случае общий инновационный уровень экономики выше при высоких заработках и ниже при низких? (P. 59). Прямых ответов на эти вопросы в работе Р. Аллена, как выяснилось, нет.

Зато частично проливает свет на последние модель «управляемого технического прогресса» («directed technical change»), согласно которой б*о*льшая часть инноваций нацелена на удешевление наиболее дорогих факторов производства [*Acemoglu*, 2002]. Другими словами, высокий уровень зарплат вызывает рост трудосберегающих инноваций, а высокие цены на землю ускоряют её сберегающие инновации. Однако зависимость общего уровня технического прогресса в стране от более высоких зарплат или, напротив, цены на землю не прямая. Её опосредует целый набор факторов, проистекающих из реалий проживаемого момента и получивших терминологическое определение «границы инновационных возможностей» («innovation possibilities frontier»). Например, если сберегающие землю или капитал инновации по каким-то причинам оказываются сверхдорогими или технически труднореализуемыми, то условия, благоприятствующие экономии земли или капитала, но дестимулирующие трудосбережение (заработки сохраняются на низком уровне), в конечном итоге обернутся общим низким уровнем технического прогресса.

На взгляд Й. Стейнссона, именно концепция «управляемого технического прогресса» и предположение Р. Аллена о высоких зарплатах и дешевизне угля в Британии в XVIII в. являются наиболее правдоподобным объяснением концентрации ПР в одной географической и временн*о*й точке. Более того, тот факт, что АР произошла в Англии и Нидерландах[8], т.е. там, где зафиксированы наивысшие на тот момент зарплаты, и тогда, когда спрос на продовольствие здесь резко увеличился, заставляет предположить, что АР является другим примером «управляемого технического прогресса» (P. 75). Вот только до сих пор не прояснён вопрос, почему в доиндустриальную эпоху в целом ряде стран с быстро растущим населением и находившихся под давлением «мальтузианской ловушки» АР так и не состоялась.

---

[7] По расчётам профессора Аллена, в 1750 г. разница в реальной зарплате занятых в Лондоне и Париже составляла 120% [*Allen*, 2015, P.15].

[8] Кстати, Нидерланды также воспользовались плодами эпохи Просвещения, выиграли от международной (атлантической) торговли, провели политические реформы, аналогичные британским, зарплаты в Амстердаме к 1700 г. поднялись почти до уровня лондонских (с последующим, правда, заметным отставанием). Однако это не привело к ПР. Однозначного объяснения этому факту, понятно, нет. Р. Аллен при этом выделяет один момент. Главным источником энергии в Нидерландах являлся торф, цена которого (примерно 5 г серебра за 1 млн BTU на начало 1700-х гг.) практически совпадала с ценой угля в Лондоне (в Ньюкасле — менее 1 г по сравнению с почти 9 г в Париже и 9,5 г в Пекине). Принципиальная разница здесь в том, что в долгосрочной перспективе расширение использования торфа (в отличие от угля) не приводило к появлению технологических инноваций [*Allen*, 2009. P. 98].

От преддверия промышленной революции к современному этапу развития

Известные слова У. Черчилля — «чем тщательнее всматриваешься в прошлое, тем точнее сможешь представить будущее»[9] — применимы и к разговору о взаимосвязи промышленной революции и выхода страны на траекторию устойчивого экономического роста. Для современного этапа, когда многие страны в свою главную повестку выдвигают задачи реиндустриализаци или купирования последствий деиндустриализации, всё большее значение приобретает вывод, полученный Й. Стейнссоном в процессе обобщения результатов многочисленных исследований первой промышленной революции в Британии. При остающейся дискуссионности многих её деталей можно считать доказанной принципиальную важность согласования действий при решении триединства задач: ускорение технологического развития, взаимоувязка (ре)индустриализации и аграрных преобразований на инновационной основе, подкрепление этих шагов институциональной донастройкой. Последовательность принимаемых решений, очевидно, будет зависеть от конкретики условий проживаемого страной периода хозяйственного развития. Однако преувеличение, равно как и недооценка значимости одного из направлений, на практике будет ослаблять возможности закрепления страны на траектории устойчивого экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Acemoglu D. (2002). Directed Technical Change // *Review of Economic Studies*. Vol. 69. No. 4. Pp. 781–809. DOI: 10.1111/1467-937X.00226.

Acemoglu, D., Johnson S., Robinson J. (2005). The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change, and Economic Growth // *American Economic Review*. Vol. 95. No. 3. Pp. 546–579.

Allen R.C. (1992). *Enclosure and the Yeoman*. — Oxford, UK: Clarendon Press.

Allen R.C. (2000). Economic Structure and Agricultural Productivity in Europe, 1300-1800 // *European Review of Economic History*. No. 3. Pp. 1–25. DOI: 10.1017/S1361491600000125.

Allen R.C. (2008). The Nitrogen Hypothesis and the English Agricultural Revolution: A Biological Analysis // *Economic Journal.* Vol. 68. Iss. 1. Pp. 182–210. DOI: 10.1017/S0022050708000065.

Allen R.C. (2009). *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. — Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Allen R.C. (2015). The High Wage Economy and the Industrial Revolution: A Restatement // *Economic History Review*. No. 68. Iss. 1. Pp. 1–22. DOI: 10.1111/ehr.12079.

Broadberry S., Campbell B.M., Klein A., Overton M., van Leeuwen B. (2015). *British Economic Growth 1270–1870*. — Cambridge, UK: Cambridge University Press.

de Vries J. (1976). *The Economy of Europe in the Age of Crisis, 1600–1750*. — Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Dickson P. (1967). *The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688–1756.* — NY: St. Martin's Press.

Ernle L. (1912). *English Farming: Past and Present*. — London, UK: Heinemann Educational Books and Frank Cass and Company.

Houston R. (1982). The Development of Literacy: Northern England, 1640–1750 // *Economic History Review*. Vol. 35. No. 5. Pp. 199–216. DOI: 10.2307/367960.

Humphries J., Weisdorf J. (2019). Unreal Wages? Real Income and Economic Growth in England, 1260–1850 // *Economic Journal.* No. 121. Pp. 1–62.

Kelly M., Mokyr J., O'Grada C. (2014). Precocious Albion: A New Interpretation of the British Industrial Revolution // *Annual Review of Economics*. No. 6. Pp. 363–389. DOI: 10.1146/annurev-economics-080213-041042.

Kindleberge C.P. (1993). *A Financial History of Western Europe, Second Edition.* — Oxford, UK: Oxford University Press.

McCloskey D.M. (1972). The Enclosure of Open Fields: Preface to a Study of the Impacts of the Efficiency of English Agriculture in the Eighteenth Century // *Journal of Economic History*. Vol. 32. No. 1. Pp. 15–35. DOI: 10.2307/2232676.

[9] Quotes Falsely Attributed to Winston Churchill. International Churchill Society. URL: https://winstonchurchill.org/resources/quotes/quotes-falsely-attributed/ (access date: 20.06.2025).

Nurkse R. (1953). *Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries.* — Oxford, UK: Blackwell.
O'Brien P. (1988). The Political Economy of British Taxation, 1660-1815 // *Economic History Review*. Vol. 41. Iss. 1. Pp. 1–32. DOI: 10.1111/j.1468-0289.1988.tb00453.x.
Steinsson J. (2024). *How Did Growth Begin? The Industrial Revolution and its Antecedents*. — Berkeley: University of California.
Stephenson J.Z. (2018). Real' Wages? Contractors, Workers, and Pay in London Building Trades, 1650–1800 // *Economic History Review*. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 106–132. DOI: 10.1111/ehr.12491.
Timmer C.P. (1969). The Turnip, The New Husbandry, and the English Agricultural Revolution // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 83. No. 3. Pp. 375–395.

Мальцев Андрей Александрович
maltsevaa@list.ru
Andrey Maltsev
Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)
maltsevaa@list.ru

Чичилимов Сергей Валерьевич
sergey.chichilimov@gmail.com
Sergey Chichilimov
PhD (Economics), Junior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)
sergey.chichilimov@gmail.com

TO THE CONTINUATION OF THE DISCUSSION ON THE ROOT CAUSES OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH (ABOUT THE SURVEY BY J. STEINSSON)

Abstract. Year by year interest in the issues of sustainable economic development in scientific literature is growing. In economic and statistical terms, sustainable economic growth is a relatively new phenomenon that took shape in the middle of the 19th century, when the dynamics of world GDP reached the level of 2%. Its flywheel was launched by the industrial revolution in Britain. Due to the long time and the lack of an evidence base, many of its determinants continue to be debated. In 2024 Professor J. Steinsson of the University of California at Berkeley offered his interpretation of the conceptual approaches of various scientific schools to assessing the root causes of the Industrial Revolution. Taking into account the emergence of new data and methodological approaches to their processing, the author set himself the task of rethinking the answers to 3 questions: why did the Industrial Revolution take place in general, why did it take place in Britain, and why specifically in Britain in the 18–19th centuries. Despite the incomparability of nowadays and specifically historical conditions of the first industrial revolution, this task seems practically significant for the current stage, when many countries put the tasks of reindustrialization or mitigation of the consequences of deindustrialization on their main agenda. With the remaining controversiality of many issues of the industrial revolution in Britain, the fundamental importance of coordinating actions in solving the trinity of tasks ensuring sustainable economic growth can be considered proven: acceleration of technological development, interconnection of (re)industrialization and agrarian transformations on an innovative basis, reinforcing these steps with institutional fine-tuning.

Keywords: *Industrial Revolution, Agricultural Revolution, Scientific Revolution, Institutional Transformations, Managed Technological Progress, Sustainable Economic Growth, Britain.*
JEL: N13, N53, N73.